

Максим
ИВЛЕВ

ВОЕННЫЙ
АРХИВ

Максим
ИВЛЕВ

ДИКТАТОР ОДЕССЫ

Зигзаги судьбы
белого генерала

ВА

ДИКТАТОР ОДЕССЫ

Зигзаги судьбы белого генерала

ВОЕННЫЙ АРХИВ

М.Н. Ивлев

Диктатор Одессы

**Зигзаги судьбы белого
генерала**

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2) 6-6
И25

*Автор выражает искреннюю признательность
Сергею Юрьевичу Василенко (Подольск), Вадиму Алексеевичу
Гольцеву (Алма-Ата), Елене Михайловне Гончаровой (Москва),
Кириллу Эдуардовичу Козубскому (Дубна), Наталье Владимировне Понома-
ренко (Одесса), Сергею Геннадиевичу Решетову (Одесса) и Александру
Арнольдовичу Таубеншлаку (Одесса) за помощь в сборе материалов
и дружеское участие в подготовке к выходу в свет этой книги.*

Ивлев, М.Н.

И25 Диктатор Одессы. Зигзаги судьбы белого генерала / М.Н. Ив-
лев. — М.: Вече, 2013. — 320 с. : ил. — (Военный архив).

ISBN 978-5-4444-0396-9

Знак информационной продукции 16+

О жизни генерала А.Н. Гришина-Алмазова известно не так уж и много, хотя о нем писали многие видные фигуры той эпохи — командующий Вооруженными силами Юга России генерал А.И. Деникин и председатель Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкий, писатель И.А. Бунин и виртуозная юмористка Тэффи, журналист В.В. Шульгин и премьер Сибирского правительства П.В. Вологодский.

Мелькнувши метеором на разных фронтах войны, сам генерал не успел оставить после себя никаких дневников и воспоминаний, а только туманный клубок слухов, слухов, легенд и вымыслов, частично созданных его же недоброжелателями, завистниками и соперниками. Стремительная карьера его и стремительная жизнь в эти роковые годы так же стремительно и резко оборвалась. От него не осталось даже скромного могильного холмика где-нибудь в уединенном уголке старого кладбища.

Так кем же был на самом деле военный губернатор Одессы генерал Алексей Николаевич Гришин-Алмазов? Авантюристом или героем? Ответ на этот вопрос вы найдете в книге историка М.Н. Ивлева.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2) 6-6

ISBN 978-5-4444-0396-9

© Ивлев М.Н., 2013
© ООО «Издательство «Вече», 2013

*Британцы, танки и французы.
Как дань восторгов и похвал,
Надели английские блузы
И гимназист, и генерал.
Кто не был бодр, кто не был весел,
Когда на карте за стеклом
Осваг победный шнур повесил
Между Одессой и Орлом?*

Николай Турочеров

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В декабре 2011 года по Первому каналу российского телевидения прошла премьера довольно увлекательного, хотя и небрежно сделанного телесериала — «Жизнь и приключения Мишки Япончика». Сериал, в весьма вольной и романтизированной форме, перепутав даты и события, рассказал историю о жизни и любви знаменитого одесского налетчика Мишки Япончика и его удивительных приключениях в период революции и Гражданской войны в России.

Одним из героев этого сериала стал непримиримый враг и оппонент бандита Япончика, военный губернатор Одессы белогвардейский генерал Алексей Николаевич Гриппин-Алмазов, сыгранный артистом Александром Лазаревым-младшим.

Этот персонаж, сыгранный, достаточно ходульно и недостоверно, является одним из реально существовавших

лиц той эпохи, и в самом деле ведший бескомпромиссную борьбу с бандитизмом в Одессе в конце 1918 — начале 1919 года. Но предлагаемое читателю исследование — это вовсе не критика популярного сериала, хотя стоит немного коснуться здесь и этого, а всего лишь попытка правдиво и объективно рассказать об одном из героев Белого дела, об атмосфере и реалиях того времени на основании имеющихся документов...

Так кем же был этот человек? Что он из себя представлял и что можно рассказать о нем сейчас? Политический авантюрист, вознесенный случайной волной истории на вершины тогдашней нетвердой власти и затем уничтоженный ею, как писали его оппоненты тогда и пишут до сих пор некоторые из современных авторов? Или это был принципиальный и самоотверженный человек, доблестный офицер, бескомпромиссно выступивший против установившейся коммунистической диктатуры в стране, патриот России, не пощадивший своей жизни ради этой святой цели — борьбы с большевизмом? Или, может быть, он просто был именно тот человек, который всегда оказывается «в свое время и на своем месте»? Или он был просто неудачник, нигде и никогда не умевший вести долгой игры и слетавший в итоге со всех достигаемых им постов?

Скорее всего, в нем, как и во всяком другом человеке, присутствовали и те, и другие черты и деяния, иногда превалируя одни над другими. Хотя в сумбурной обстановке Гражданской войны трудно было сохранить «чистоту риз» кому бы то ни было, мы все же думаем, что генерал Гришин-Алмазов старался действовать и поступать в рамках кое-каких установившихся на тот момент правил и норм поведения, почти не злоупотребляя своей,

временами огромной, властью и не опускаясь в кровавую бездну насилия и террора, захлестнувших страну. Пусть читатель теперь сам составит свое мнение о нем, прочтя это небольшое исследование...

О его жизни известно довольно мало, хотя имя его постоянно мелькает в мемуарах современников и трудах, посвященных Гражданской войне в Сибири и на Юге России. О нем писали многие видные фигуры той эпохи — руководитель Белого движения генерал А.И. Деникин и председатель Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкий, писатель, будущий лауреат Нобелевской премии И.А. Бунин и виртуозная юмористка Тэффи, журналист и член Государственной Думы В.В. Шульгин и премьер Сибирского правительства П.В. Вологодский.

Мелькнувши метеором на разных фронтах войны, сам генерал не успел оставить после себя никаких дневников и воспоминаний, а только туманный клубок слухов, сплетен, легенд и вымыслов, частично созданных его же недоброжелателями, завистниками и соперниками. Стремительная карьера его и стремительная жизнь в эти роковые годы, также стремительно и резко оборвалась. От него не осталось даже скромного могильного холмика где-нибудь в уединенном уголке старого кладбища.

Даже в реалиях того сумасшедшего времени, когда взлеты и падения очередных вершителей судеб народа взбаламученной страны происходили молниеносно и непредсказуемо, его головокружительная карьера выглядит поистине уникальной. За два с небольшим года этот скромный артиллерийский офицер, прошедший большую часть службы в захолустных углах огромной империи и не имевший никакого отношения к политике, вознесся до дея-

теля почти что всероссийского масштаба, стал командовать армиями, управлять провинциями и городами и входить в сношения с представителями иностранных держав. Конечно, в этом был определенный элемент везения и случайно сложившихся на тот момент синоминутных обстоятельств, но никак нельзя отказать этому человеку в его незаурядных личных качествах, в умении воспользоваться сложившейся ситуацией и быстро оказаться на самом «гребне волны». Правда и то, что такое же роковое стечение обстоятельств быстро ниспровергло его с недавно достигнутых высот, заставляло резко менять свою жизнь и искать приложения своих сил и талантов в других местах.

Несомненно, что это был талантливый, весьма решительный и энергичный офицер, одна из ярчайших личностей того времени и кто знает, как бы сложилась его жизнь, если бы не бурные события в России начала XX века?

Глава I

ОТ КАДЕТСКОГО ДЕТСТВА ЧЕРЕЗ ДВЕ ВОЙНЫ К ФЕВРАЛЮ

За скухими строчками послужного списка вырисовывается биография Алексея Гришина — кадета, юнкера и офицера Русской Императорской армии...

Алексей Николаевич Гришин родился 24 ноября (7 декабря по новому стилю) 1880 года в Тамбове (по другим сведениям, в Кирсановском уезде Тамбовской губернии). Родители его — коллежский секретарь Николай Алексеевич и Надежда Александровна Гришины были небогатые потомственные дворяне Тамбовской губер-

нии. Ничего не известно о том, были ли у него братья и сестры¹. Вероятно, это семья привила ему религиозное, даже набожное воспитание. Современники вспоминали, что при любых самых трудных обстоятельствах Алексей Николасвич неуклонно следовал обычаям Православной церкви, исповедовался и причащался, набожно говел.

С детства он избрал себе чисто военную карьеру, поступив в Воронежский Михайловский кадетский корпус и надев на себя черный кадетский мундирчик с золотыми пуговицами и белыми погончиками. Воронежский кадетский корпус, основанный в 1845 году, был достаточно солидным учебным заведением того времени, готовившим кадры не только для Русской Императорской армии, но и для гражданской службы. В корпусе был прекрасный состав преподавателей, дававших своим питомцам основательные знания в гуманитарных и естественных науках. Среди его выпускников оказалось немало известных впоследствии военных и гражданских деятелей России. Достаточно сказать, что в свое время этот корпус закончили изобретатель знаменитой трехлинейной винтовки С.И. Мосин, создатель электрической лампочки А.Н. Ло-

¹ Известно, правда, о некоем полковнике Гришине Федоре Николасвиче (Никитиче), родившемся 14 февраля 1887 г. тоже в Тамбове. В годы Гражданской войны он восвал в рядах Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. В Русской армии генерала Врангеля был начальником штаба 1-й Кубанской казачьей дивизии. Эвакуировался из Крыма на остров Лемнос. Награжден орденом Святителя Николая Чудотворца в 1922 г. В эмиграции жил в Югославии. В годы Второй мировой войны служил в Русском Корпусе на Балканах. После 1945 г. выехал в США, где и умер в Бостоне 5 февраля 1981 г. Но не ясно, доводился ли он кем-нибудь А.Н. Гришину? — *М.И.*

дыгин, герой Брусиловского прорыва 1916 года, а затем Донской атаман генерал А.М. Каледин.

В августе 1899 года, по окончании корпуса, Алексей Гришин поступил в Михайловское артиллерийское училище в Петербурге. Это было одно из самых престижных военных учебных заведений империи. Срок обучения в нем составлял три года. Юнкер Гришин неплохо учился и отличался примерным поведением — уже 8 мая² следующего, 1900 года он был произведен в унтер-офицерское звание, а в ноябре 1901 года в портупей-юнкера. Интересно, что вместе с ним в училище учился великий князь Андрей Владимирович (1879—1956), внук императора Александра II, а впоследствии муж знаменитой балерины Матильды Кшесинской. Обучение в столице империи и общение, пусть небольшое, с людьми из высших слоев российского общества дало юнкеру из провинциальной семьи внешний лоск, способствовало его общему развитию и эрудированности, да и просто позволило ему смотреть на мир уже другими глазами.

Окончив Михайловское артиллерийское училище по первому разряду, А.Н. Гришин, высочайшим приказом от 10 августа 1902 года был произведен в подпоручики и причислен к 5-му мортирному артиллерийскому полку. Прежде чем отправиться к постоянному месту службы, свежеиспеченный подпоручик ушел в 28-дневный отпуск, отгуляв который прибыл 19 сентября на место, в установленный срок.

5-й мортирный артиллерийский полк был расквартирован в городе Коломне Московской губернии. Начались обычные армейские будни — занятия с солдатами, бое-

² Все даты до 1918 года даны по старому стилю.

вая подготовка, изучение материальной части. Видимо, ничего особенного в жизни подпоручика Гришина в это время не происходит. По послужному списку видно, что с 16 сентября 1903 года он опять находился в 28-дневном отпуске с сохранением содержания «по домашним обстоятельствам», из которого прибыл ранее срока на один день.

Начавшаяся вскоре Русско-японская война была первым испытанием для молодого артиллерийского офицера. В полку была объявлена мобилизация. 1 июня 1904 года подпоручик Гришин был командирован к себе на родину, в город Тамбов, в распоряжение Тамбовского уездного воинского начальника «для приема и препровождения запасных лошадей для штаба 6-го Сибирского армейского корпуса» (корпус формировался в это время в Московском военном округе и готовился к отправке на фронт). Уже 8 июня он прибыл обратно из командировки. 27 июня в Коломне состоялся парад частей, отправляющихся на Дальний Восток, на котором присутствовал только что прибывший в город Император Николай II. Перед ним торжественным строем прошли 5-й и 6-й Восточно-Сибирские саперные батальоны и 5-й мортирный артиллерийский полк.

7 июля Гришин в составе полка проследовал по железной дороге на Дальний Восток, на театр военных действий и 3 августа перешел границу и вступил в пределы Маньчжурии.

С 3 августа 1904 по 10 ноября 1905 года он находится в составе действующей армии на театре военных действий. Уже в августе участвует в крупном сражении с японцами под Ляояном. Сразу после окончания этой битвы, 29 августа, он высочайшим приказом производится в поручики,

а вскоре, «за отличие в бою с японцами под городом Ляояном» награждается своим первым орденом — Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

За время этой войны поручику Гришину удалось поучаствовать в сражении на реке Шахэ, зимнем сражении при селении Сандепу и еще нескольких небольших боях. 7 апреля 1905 года он прибыл с батареей в Харбин.

Русско-японская война была неудачной для России, но на Гришина это никак не повлияло — за время боевых действий ранений и контузий не имел, набрался боевого опыта и получил первую награду. 10 ноября 1905 года он возвращается в Россию и сразу же прикомандировывается к 8-му Восточно-Сибирскому стрелковому артиллерийскому дивизиону.

После окончания войны — опять лямка артиллерийского офицера, которую он тянул в частях Иркутского и Приамурского военных округов. 7 января 1906 года он был официально переведен в 8-й Восточно-Сибирский артиллерийский дивизион, где временно занимал должность заведующего хозяйством 1-й батареи, а затем был назначен делопроизводителем батареи. В 1907 году 8-й Восточно-Сибирский стрелковый артиллерийский дивизион переименовывается в 8-ю Восточно-Сибирскую стрелковую артиллерийскую бригаду. Гришин служит в ней вторым старшим офицером 6-й батареи. В ноябре 1907 года получает орден Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, за боевые отличия.

Высочайшим приказом от 29 августа 1908 года поручик Гришин производится в штабс-капитаны. В это время он служит первым старшим офицером батареи,

частенько исполняя должность временно командующего батареей. В марте 1909 года он прикомандировывается к 1-му Сибирскому резервному артиллерийскому дивизиону, где возглавляет команду разведчиков, а в ноябре этого же года окончательно переводится в дивизион. Дивизион располагался в селе Усть-Балей Иркутской губернии. В апреле 1910 года назначен заведующим учебной командой дивизиона. Ездит квартирмейстером в Хабаровск и Благовещенск.

10 июля того же 1910 года по случаю реорганизации армии в составе 1-го полудивизиона 1-го Сибирского резервного артиллерийского дивизиона штабс-капитан Гришин выступает из Иркутского в Приамурский военный округ и 20 июля прибывает в город Благовещенск. Здесь дивизион переформируется в 10-ю Сибирскую стрелковую артиллерийскую бригаду, где он продолжает исполнять должность заведующего учебной командой (с 1913 года — начальник учебной команды). Помимо этого он состоит также членом суда общества офицеров, библиотекарем офицерской библиотеки и членом распорядительного комитета офицерского собрания.

Высочайшим приказом от 4 марта 1911 года ему был пожалован орден Святой Анны 3-й степени. По всей видимости, Алексей Николаевич был не лишен литературного слога и проявлял определенный интерес к истории — в октябре 1913 года ему было поручено составлять историю своей бригады.

Девять лет мирной жизни — и снова война, Первая мировая (или, как тогда говорили — Великая). Всеобщая мобилизация Русской армии была объявлена 17 (30) июля

1914 года, а уже 19 июля (1 августа) Германия объявила войну России.

23 сентября 1914 года штабс-капитан Гришин переводится в 5-й Сибирский мортирный артиллерийский дивизион, куда и прибывает 4 октября. Дивизион, входивший в состав 5-го Сибирского армейского корпуса, отправляется на Германский фронт и 17 октября прибывает в Смоленск. Оттуда, через Барановичи, он двигается в Польшу, на станцию Червоный Бор Ломжинской губернии, где высаживается и приступает к сосредоточению в районе боевых действий.

Уже с 27 октября Гришин в составе 5-го Сибирского корпуса участвует в крупном сражении разыгравшейся всемирной бойни — Лодзинской операции. Он принимает участие в боях под Влоцлавском, Ковалем и Брест-Куявским. 31 октября корпус с боями отходит на Гостынинские позиции, где закрепляется, а затем начинается наступление на город Гомбин. Этих наступлений на Гомбин в итоге было три, с последующими отходами. Лодзинская операция закончилась неопределенно — германский план окружения русских армий был сорван, но не удалось и планировавшееся русское наступление в глубь Германии. После Лодзинской операции начинается длительное противостояние русской и австро-германских армий на реке Бзуре.

Во время этих боев Алексей Николаевич был прикомандирован к штабу 5-го Сибирского армейского корпуса, а 5 декабря назначен временно исполняющим должность старшего адъютанта штаба корпуса. С 26 января 1915 года его назначили возглавлять службу связи корпу-

са, но уже с 31 января он является адъютантом командира корпуса генерал-лейтенанта Н.М. Воронова.

Приказом главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта генерала от инфантерии Н.В. Рузского от 2 февраля 1915 года № 535, за отличие в делах против германцев штабс-капитан Гришин был награжден орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами.

В апреле 1915 года он производится в капитаны, а в июне прибывает в город Двинск (ныне Даугавпилс), в распоряжение наблюдающего за формированием артиллерийских частей, для назначения командиром мортирной батареи. 30 июня становится командующим второй батареи в 35-м мортирном артиллерийском дивизионе (с 22 ноября — командир батареи). Участвует во многих наступательных и оборонительных операциях. К 1917 году возглавляет и сам дивизион, входивший в состав ударных частей.

Произошедшая в феврале 1917 года революция в России и отречение Николая II потрясли самые основы государства. Бездумные приказы Временного правительства по «демократизации» армии, а также тайная и явная работа большевиков и немецких агентов, привели к устранению основного в любой армии мира принципа единоначалия, неподчинению низших чинов офицерам, самовольному уходу с позиций, беспорядкам и разложению воинских частей. В первую очередь это разложение коснулось армейских пехотных полков, наскоро скомплектованных из наиболее отсталых и малограмотных групп населения, легко поддававшихся на демагогические и провокационные лозунги и призывы. Ведь надо учесть, что большая часть кадровых офицеров и старых солдат

была выбита еще в первый год войны. Даже офицеры военного времени, срочно обученные и поверстанные из студентов, учителей и мелких чиновников, отличались по своему духу от профессиональных кадровых офицеров, не говоря уже о массе солдат из крестьян и рабочих. В гвардии, артиллерии, кавалерии и особенно в казачьих частях дисциплина еще сохранялась.

Кадровый офицер капитан А.Н. Гришин, с малых лет, посвятивший себя армии, с болью и тревогой смотрел на происходящие события. На его глазах рушилось все, чему он служил, во что верил и на что надеялся. Разрушалась власть, армия, и подрывались глубинные основы общества. Лично у него не было своей материальной заинтересованности к сохранению старого строя. Он был обычный скромный офицер, живущий на одно жалованье на служебных квартирах. Как видно из послужного списка, на 2 июля 1916 года за капитаном Гришиным, его родителями и женой не числилось никакого недвижимого имущества. Жалованье его, получаемое по службе, составляло 1080 рублей в год, к этому прибавлялись еще «добавочные» в сумме 360 рублей, «столовые» — 900 рублей и «квартирные по положению». Это к большевистским писаниям о том, что офицеры и генералы боролись с революцией якобы за свои земли, имения и привилегии. Какие там земли и поместья у основной массы офицерского корпуса? Скитальческая жизнь по глухим гарнизонам и небольшое жалованье — вот и все привилегии!

Офицера Гришина характеризует еще такой, небольшой, казался бы, штрих. За все время после окончания Русско-японской войны и до середины 1916 года он лишь один раз, в 1909 году, был в 28-дневном отпуске, из кото-

рого прибыл ранее срока на 8 дней. То есть все свое время, он отдавал службе, не помышляя о чем-либо другом.

Алексей Николаевич Гришин был награжден следующими медалями и орденами: Св. Анны 4-й степени с надписью: «За храбрость», Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 3-й степени, Св. Станислава 2-й степени с мечами, светло-бронзовой медалью в память Русско-японской войны 1904—1905 гг. и светло-бронзовой медалью в память 300-летия царствования Дома Романовых. В 1917 году, уже при Временном правительстве, он был награжден солдатским Георгиевским крестом с лавровой ветвью за личную храбрость. К моменту ликвидации Русской армии имел звание подполковника.

Стоит сказать несколько слов о семье Гришина. Вероятно, в первый раз он женился сразу после возвращения из Маньчжурии. Его избранницей стала дочь полковника Анна Петровна Вуич. Этот брак был недолгим — 13 сентября 1910 года Святейший синод утвердил определение местной епархии о церковном разводе «с правом вступления в новое супружество». От этого брака у Гришина осталась дочь, Ирина, родившаяся 9 августа 1906 года. Вторым браком он был женат на весьма привлекательной особе — девице Марии Александровне Захаровой.

Глава II

СИБИРСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

В активную политическую жизнь А.Н. Гришин включился в 1917 году. Это понять можно. Видя всеобщий развал и крушение того мира, в котором он жил и которому

служил всю сознательную жизнь, он не мог оставаться в стороне от происходящих событий, к тому же события сами преследовали его. Есть сведения, что после Февральской революции он был близок к партии эсеров (социалистов-революционеров) и поддерживал Временное правительство (правда, по другим сведениям, он всегда оставался убежденным монархистом). Скорее всего, неверны обе точки зрения — как кадровый офицер, он просто стоял за твердый порядок и пытался сотрудничать со всеми политическими силами в этом направлении, невзирая на их политическую принадлежность, что будет видно из дальнейшего рассказа. Октябрьский переворот не принял сразу же. За сопротивление большевизму в ноябре 1917 года он был арестован и ненадолго заключен в тюрьму, откуда бежал, а затем в административном порядке уволен из уже разлагающейся армии.

Вообще, 1917 год в жизни нашего героя представляется довольно смутным, туманным и оставляющим много вопросов. Как и почему, например, он оказался в Новониколаевске (ныне Новосибирск) и в скором времени смог возглавить там подпольную офицерскую организацию? Ведь не так просто никому неизвестному в городе человеку, в не таких уж больших чинах, возглавить в короткое время всю тайную работу по организации свержения большевистской власти не только в Новониколаевске, но и по всей Западной Сибири!

По некоторым данным, он мелькнул в самом конце 1917 года на Дону, где тогда создавалась Добровольческая армия во главе с генералами М.В. Алексеевым и Л.Г. Корниловым. Во всяком случае, есть упоминания, что в декабре 1917 года его видели в Ростове-на-Дону. Тогда стано-

вится понятным, что здесь он мог получить конкретные инструкции по организации белого подполья в уже охватывавшейся большевизмом Сибири, адреса, связи и полномочия от белогвардейского командования на эту работу.

В Сибири действовала Сибирская областная дума, созданная в декабре 1917 года в Томске на Чрезвычайном общесибирском областном съезде. Основную скрипку в ней играли местные эсеры. И хотя в конце января 1918 года большевики распустили ее и арестовали часть членов, Сибирская дума продолжала действовать на нелегальном положении. 27 января на конспиративном совещании в Томске оставшиеся на свободе члены Думы создали Временное Сибирское правительство во главе с П.Я. Дербером, поставившее своей целью борьбу с большевизмом. Территория Сибири была разделена на два военных округа — Западный и Восточный. В каждом из этих округов были созданы штабы, на которые было возложено военное руководство по подготовке к свержению коммунистической власти. Помимо эсеровского подполья, объединенного вокруг Временного Сибирского правительства, в Сибири и на Дальнем Востоке совершенно самостоятельно и независимо от него начали создаваться военные офицерские и казачьи организации.

Уже в самом начале 1918 года подполковник Гришин обосновывается в Новониколаевске, где связывается с эсеровским подпольем и начинает энергичнейшую работу по организации законспирированных боевых офицерских групп.

Большая часть офицеров, примкнувшая в то время к эсеровскому подполью, конечно же, не была ни по свое-

му духу, ни по своим мыслям правоверными социалистами. Скорее они шли туда, отыскивая хоть какую-то точку опоры в борьбе с большевистской диктатурой, особенно видя при этом пассивность других политических партий. Надо сказать, что и эсеры не отталкивали их и охотно шли на слияние с офицерскими организациями. Известный публицист и исследователь красного террора С.П. Мельгунов писал впоследствии, что таким «сомнительным эсером был атаман Енисейского казачьего войска Сотников, первый в январе 1918 г. поднявший в Красноярске восстание. Таким же был и начальник Западн. военного округа подп. Гришин (псевд. Алмазов), о котором впоследствии омская «Заря» [№ 128] писала: он первый организатор и вождь армии, освободившей Сибирь; деятель «героического периода борьбы с советами». Числился в среде эсеров и начальник Восточного военного округа полк. Элерц-Усов и др. Они все тянулись к партии только как к возможному организованному центру. Поэтому так скоро между представителями партии и ими оказались коренные разногласия. И они стали, с точки зрения правоверных партийных деятелей, лишь «авантюристами»».

Гришин берет себе псевдоним Алмазов и устраивается для конспирации в кооперативную организацию «Закупсбыт». С мандатом «Закупсбыта» разъезжает по городам Сибири, выступая то от имени ЦК партии эсеров, то от Центрального военного штаба и штаба Западно-Сибирского военного округа (с правами Главного), руководство которым он и возглавлял. Помимо него в штаб входили

несколько сибирских эсеров. Ему пришлось вносить систему и единство плана в кустарно формировавшиеся офицерские организации. Эта деятельность требовала много смелости, ввиду подозрительной бдительности большевиков, не раз нападавших на следы организации и искавших ее руководителей, а еще больше такта — ввиду разнородности политического состава организаций. Надо отдать должное Алмазову — он умел найти примиряющую среднюю линию и привлечь различные более правые группировки на сторону Сибирского правительства.

Надо сказать, что к тому времени (весна 1918 г.) по всем крупным городам Сибири уже были созданы подпольные офицерские группы, готовившиеся к свержению Советской власти. В Томске боевыми дружинами командовал молодой эсеровский подполковник А.Н. Пепляев, в Омске — казачий полковник П.П. Иванов (псевдоним — Ринов), а в окрестностях Омска действовали летучие отряды войскового старшины Б.В. Анненкова, в Семипалатинске — есаул П.И. Сидоров, в Красноярске — полковник В.П. Гулидов, в Челябинске — подполковник С.Н. Войцеховский, в Петропавловске — полковник В.И. Волков, в Иркутске — полковник А.В. Эллерц-Усов.

Самой сильной организацией была омская группа П.П. Иванова-Ринова³, опиравшаяся на местное сибир-

³ *Иванов-Ринов Павел Павлович* (1869—после 1925). Из сибирских казаков. Окончил Сибирский кадетский корпус и Павловское военное училище. Участвовал в подавлении Боксерского восстания в Китае. Служил в Туркестане. Участник Первой мировой войны, полковник. В 1916 г. назначен вице-губернатором Семи-

ское казачество и насчитывавшая до 3000 человек. В Новониколаевске у Гришина было 600 человек, а всего же по Западной Сибири к маю месяцу численность организованных военных групп определялась в 7000 человек. Они были разбиты на боевые дружины по пятеркам и содержались в значительной части за счет местной кооперации, в частности «Закупсбытом».

В марте — мае 1918 года через города Сибири с тайной миссией по подготовке вооруженного восстания против Советской власти и для ознакомления с обстановкой проскал посланец руководителя Добровольческой армии генерала Алексева, генерал от инфантерии В.Е. Флуг. Он привез в Сибирь послание генерала Корнилова и ознакомил местных подпольщиков с его политической программой, которая оказалась вполне приемлемой и для местных организаций. После этого визита и долгих пятидневных уговоров Гришиным-Алмазовым П.П. Иванова-Ринова упрямый казачий полковник согласился подчиниться в оперативном отношении подпольному военному штабу Западно-Сибирского комиссариата. Теперь наступала пора решительных действий...

реченской области, затем врид губернатора Ферганской области. После Февральской революции на Кавказском фронте. С начала 1918 г. на подпольной работе в Сибири под псевдонимом Ринов. С июня 1918 г. Командир Степного Сибирского корпуса. Генерал-майор (1918). Войсковой атаман Сибирского казачьего войска в 1918—1925 гг. С 5.09.1918 г. — командующий Сибирской армией и управляющий военным ведомством. Генерал-лейтенант (1919). Кавалер ордена Св. Георгия 4 ст. (1919). С 1922 г. в эмиграции в Китае. В 1925 г. возвратился в СССР, и дальнейшая судьба неизвестна.

Сибирским подпольщикам в некотором роде повезло. Назревавшее недовольство Советами в Чехословацком корпусе явно должно было разрешиться вооруженным столкновением. Чехословацкий корпус в количестве около 35 тысяч человек был создан в России из перебежчиков и военнопленных чехов и словаков, желавших воевать с Германией и Австро-Венгрией вместе с Русской армией. До марта 1918 года он дислоцировался в тылу Юго-Западного фронта, а штаб корпуса располагался в Киеве. После Октябрьского переворота и подписания большевиками сепаратного мира с Германией, корпус перешел под покровительство Антанты и считался автономной частью французской армии. Когда немцы вошли на Украину, корпусу с арьегардными боями пришлось отходить на восток. Он в эшелонах покинул Украину и готовился к отправке в Европу по морю, через Владивосток. Союзники предполагали использовать его в дальнейшем на европейском театре военных действий. В свою очередь, Германия давила на большевиков, требуя разоружить чехословацкие части и недопустить отправку корпуса в Европу.

В мае на станциях Сибирской железной дороги появились расклеенные воззвания советских властей с призывом к чехословакам переходить на службу в ряды Красной армии, а затем вышел приказ Троцкого о разоружении всех чехословацких эшелонов. Вслед за этим движение эшелонов по Великому Сибирскому пути сразу остановилось. Большевики попытались кое-где разоружить чехословацкие части.

Чехокорпус к маю 1918 года растянулся в эшелонах по линии железной дороги от станции Ртищево, близ Са-

ратова, до Владивостока, защищая все важные узловые станции. Гришин-Алмазов договаривается о совместном выступлении против большевиков с расположившимися в районе Новониколаевска командирами чешских частей — капитанами Гайдой, Кадлецом и Клецандой. В ночь с 25 на 26 мая⁴ 1918 года, в Новониколаевске и Мариинске начинается мятеж белочехов, поддержанный подпольными офицерскими дружинами Гришина-Алмазова. Уже к 12 часам дня 26 мая коммунистическая власть в Новониколаевске была свергнута, был захвачен Совет, арестованы и расстреляны наиболее активные большевики.

На следующий день, 27 мая, была объявлена мобилизация офицеров, и в этот же день была сформирована и отправлена на Тайгу и Томск рота из добровольцев и офицеров в двести с лишним человек, в помощь тамошним подпольщикам. 31 мая происходит падение Томска, а затем, как по команде, из-под власти большевиков освобождаются города Мариинск, Омск, Петропавловск, Курган, Челябинск, Тобольск, Ишим, Павлодар, Семипалатинск, Барнаул, Бийск, Красноярск, Ачинск и т.д. Исключение составил только Иркутск, где антибольшевистское восстание оказалось жестоко подавленным, а большинство его участников погибло. Но и это было ненадолго — 11 июля Иркутск был взят белыми. Безуслов-

⁴ Нового стиля. На территории Сибири после свержения Советской власти остался новый стиль, введенный большевиками, в отличие от белого Юга России, где применялся старый стиль. В дальнейшем, при рассказе о событиях на Юге России, даты даются как по старому, так и по новому стилю.

но, этот неустойчивый откат Советской власти из Сибири во многом произошел благодаря недюжинным организаторским и боевым качествам полковника Алмазова и его сподвижников.

Чем же он занят в это время?

С утра 28 мая он вступил в командование вновь формирующейся Западно-Сибирской армией, выпустив соответствующий приказ № 1, выдержанный в несколько патетическом тоне:

«ПРИКАЗ

Войскам Западно-Сибирского Военного Округа
Сибирского Временного Правительства

№ 1. 28 мая 1918 г. 5 ч. утра
г. Новониколаевск

Сегодня я вступил в командование войсками Западно-Сибирского военного округа Сибирского Временного Правительства.

Войсками (так в тексте. — *М.И.*) вверенного мне округа и мне предстоит почетная задача освободить Сибирь от власти большевиков и передать эту власть Сибирскому Временному Правительству, которое доведет нас до Всесибирского Учредительного Собрания.

Мы все, ставшие под знамена Временного Сибирского Правительства, клянемся, что будем честно служить этому законному Правительству Сибири и наше оружие никогда не станет оружием классовой и партийной борьбы.

Я уверен, что Сибирская Добровольческая Армия Временного Сибирского Правительства, построенная на началах твердой дисциплины, заслужит общую любовь наших братьев рабочих и крестьян и всех граждан России и Сибири.

К врагам же Сибирского Временного Правительства мы будем беспощадны.

С твердой верой в правоту нашего дела, с непоколебимой уверенностью в его успехе, я приступаю к формированию кадров Сибирской Добровольческой Армии.

Подписал: Командующий войсками
Полковник Гришин-Алмазов.

Верно: за Начальника Штаба
Штаб.-Кап. Фризель⁵».

К 1 июня были сформированы: Новониколаевский полк в количестве 470 человек (из них 330 офицеров), рота поручика Перова — 200 человек, конный отряд прапорщика Зепалова — 90 человек, конвойная команда — 25 человек (общая численность около 800 человек). На следующий день был сформирован штаб новой армии во главе с начальником штаба полковником Генерального штаба П.А. Беловым. В первой половине июня численность войск стала расти, и достигла 14 тысяч человек, при 17 пулеметах и 19 орудиях. Это позволило уже

⁵ Копия этого приказа хранится сейчас в Музее политической истории России в Санкт-Петербурге.

13 июня образовать два армейских корпуса — Среднесибирский под командованием подполковника А.Н. Пепеляева и Степной Сибирский под командованием полковника П.П. Иванова-Ринова.

Гришин-Алмазов отчетливо понимал, что новую армию необходимо строить на общегосударственных принципах, а не заикливаться только на решении сиюминутных региональных задач и превращения добровольческих отрядов в части самообороны или самоохранны, чему и был посвящен его приказ, изданный 6 июня:

«Для быстрейшего и безболезненного очищения Сибири, а впоследствии и всей России от большевистских войск является неотложно необходимым создание сильной ударной группы войск, сосредоточенных в одном определенном месте.

Большая ошибка, сформировав на местах отряды Сибирской армии, пользоваться ими для караульной службы и для самоохранны. Для этих целей должны быть вооружены надежные граждане по указаниям комиссариатов и уполномоченных Правительства.

Приказываю начальникам гарнизонов всех городов, станций и прочих населенных мест немедленно и [во всяком случае] не позже, чем через сутки после получения этого приказа, донести мне с нарочным о числе пштыков сформированных частей Сибирской армии в их районе и подготовиться к немедленному перевозу их в указанный впоследствии пункт».

15 июня штаб армии с Гришиным-Алмазовым перемещается из Новониколаевска в Омск. Сам он занял квар-

тиру в комнатах Гарнизонного собрания, где раньше находился военный комиссариат, и выслал оставшейся в Новониколаевске жене телеграмму следующего содержания:

«Гришиной. Болдыревская, 56, Новониколаевск. Буду жить в Омске. Есть квартира обстановкой. Выезжай через два дня. Попроси коменданта станции купэ. Целую Алексей»⁶.

Мария Александровна телеграфировала в ответ:

«Задерживает благотворительный концерт. Выеду 19 в среду. Встречай. Гришина»⁷.

К легализовавшемуся после подполья Западно-Сибирскому комиссариату Гриппин выдвинул ультимативное требование о безусловном совмещении должности командующего армией и заведующего военным отделом комиссариата. Этим было положено начало зависимости гражданской власти от военной. Армия под его руководством ведет активные боевые действия с большевиками в западном и восточном направлениях.

27 июня Гриппин-Алмазов прибывает в город Ишим, где производит смотр белым частям полковника Г.А. Вержбицкого, выступающим из Ишима в сторону станции Голышманово и далее на запад к линии Тобола, для полного очищения всего района от красных. На следующий день колонна Вержбицкого выступает из Ишима и начинает успешные боевые действия, освобождая станции и города и выйдя к августу в Зауралье.

⁶ Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 39617, оп. 1, д. 1, л. 12.

⁷ Там же, л. 13.

В гражданской области из Западно-Сибирского комиссариата 23 июня формируется Временное Сибирское правительство во главе с председателем Петром Васильевичем Вологодским⁸ и ответственными министрами — Г.Б. Патушинским (юстиции), И.А. Михайловым (финансов), М.Б. Шатиловым (туземных дел), В.М. Крутовским (внутренних дел) и И.И. Серебренниковым (снабжения и продовольствия).

Глава III

НА ПОСТУ ВОЕННОГО МИНИСТРА

1 июля 1918 года Временным Сибирским правительством было образовано Военное министерство во главе с управляющим (фактически министром) полковником А.Н. Гришиным-Алмазовым, который наряду с этим остался и командующим Западно-Сибирской армией (с 27 июля переименована в Сибирскую армию). Боевой состав Сибирской армии к концу июля доходит до 31 тысячи человек, в нее вливается еще один корпус — 3-й Уральский, под командованием генерал-лейтенанта М.В. Ханжина (генерал Ханжин был старше своего ко-

⁸ *Вологодский П.В.* (1863—1925) — сын томского священника, учился в Петербургском университете, исключен из него и впоследствии окончил Харьковский университет. Юрист, присяжный поверенный. Служил в Омске, Барнауле, Верном, Семипалатинске и Томске по судебному ведомству. Эсер. С 23.06.1918 г. — председатель Совета министров и министр иностранных дел Временного Сибирского правительства, затем премьер-министр у А.В. Колчака. После падения Омска — эмигрант. Умер в Харбине.

мандующего на девять лет, он также окончил Михайловское артиллерийское училище и в 1904 году тоже участвовал в боях под Ляояном, где был награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами).

Помимо борьбы с красными на Урале и в районе Байкала в Западно-Сибирской армии пришлось срочно формировать Семиреченский отряд и отправлять его на юг, в Семиреченскую область. Дело в том, что в апреле—мае 1918 года в районе города Верного (ныне Алма-Ата) произошло восстание семиреченских казаков против только что установившейся там Советской власти. Это восстание вскоре было подавлено местными и подошедшими на помощь из Ташкента свежими большевицкими силами с чрезвычайной жестокостью — многие семиреченские станицы практически обезлюдели, часть казаков с войсковым атаманом А.М. Ионовым ушла в соседнюю китайскую провинцию Синьцзян и в северные районы Семиречья. Откликаясь на настоятельные просьбы семиречков о помощи и телеграммы российского консула в Чугучаке (Китай), Временное Сибирское правительство вынуждено было двинуть в Семиречье воинские части с целью спасти семиреченское казачество от полного истребления.

К концу июля для развития наступления вглубь области, помимо частей 2-го Степного Сибирского корпуса туда был отправлен даже 1-й Сибирский авиаотряд в составе нескольких аэропланов. А уже в августе туда же началась отправка с Верхнеуральского фронта одного из самых боеспособных соединений Сибирской армии —

партизанского отряда атамана Анненкова⁹. Несмотря на изоляцию от Центральной России, семиреченские большевики оказали стойкое сопротивление сибирским частям и вновь сформированным отрядам казаков-семиреченцев, и в итоге Сибирское правительство получило на юге еще один фронт — Семиреченский, или, как называли его в Омске — Юго-Восточный.

25 июля частями Западно-Сибирской армии и чехословаками Уральской группы под командованием русского полковника С.Н. Войцеховского был взят Екатеринбург. Несколько офицеров и солдат сразу же бросились к Ипатьевскому дому, где за неделю до этого был расстрелян Император Николай II, его семья и приближенные. Взорам добровольцев открылось зрелище страшного беспорядка внутри помещений, следов недавно произошедшей здесь кровавой расправы и поспешного бегства большевиков. Военными властями незамедли-

⁹ *Анненков Борис Владимирович* (1889—1927) — из потомственных дворян. Окончил Одесский кадетский корпус и Александровское военное училище в Москве. Служил в 1-м Сибирском казачьем Ермака Тимофеева полку в Семиречье. Участник Первой мировой войны, награжден Георгиевским оружием. Командир партизанского отряда Сибирской казачьей дивизии, во главе которого прибыл в Омск в конце 1917 г. Полковник (1918). С октября 1918 г. командир партизанской дивизии. С декабря 1918 г. на Семиреченском фронте. Кавалер ордена Св. Георгия 4 ст. (1919). Генерал-майор (1919). С конца 1919 г. — командующий Отдельной Семиреченской армией. В мае 1920 г. с остатками армии ушел в Китай. В марте 1921 г. при попытке пробраться на Дальний Восток арестован китайцами и находился в заключении до февраля 1924 г. Весной 1926 г. арестован советскими агентами в Китае и вывезен в СССР. Расстрелян 24 августа 1927 г. в Семипалатинске.

тельно было начато расследование по делу об убийстве бывшего императора, которое затянулось потом на долгие годы.

В это время начинают возникать трения между Временным Сибирским правительством и противобольшевистским Комитетом членов Учредительного собрания, обосновавшимся в Самаре и считавшим себя законной российской властью. Трения эти возникали как по идеологическим причинам (КОМУЧ был значительно «левее» сибиряков и состоял почти из одних эсеров), так и из-за банального дележа «подведомственных» территорий. В качестве «яблока раздора» двух правительств оказались Урал и Оренбуржье.

Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска А.И. Дутов¹⁰, освободивший в начале июля от большевиков большую часть войсковой территории и город Оренбург, сам являлся депутатом Учредительного собрания. Но территория его края в административном отношении

¹⁰ *Дутов Александр Ильич* (1879—1921) — из оренбургских казаков. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской и Первой мировой войны. Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска (1917—1921). В ноябре 1917 г. избран депутатом Учредительного собрания от Оренбургского войска. Генерал-майор (июль 1918), генерал-лейтенант (октябрь 1918). Командующий Отдельной Оренбургской армией (1918—1919). Походный атаман всех казачьих войск (1919). Командующий Оренбургской армией (1919—1920). С армией проделал тяжелейший «Голодный поход» из Оренбуржья в Семиречье, где его войска влились в Отдельную Семиреченскую армию атамана Анненкова. В марте 1920 г. отступил в Китай. Смертельно ранен чекистами 6.02.1921 г. в Суйдуне (Синьцзян).

оказалась разделенной между самарским КОМУЧем и Омским правительством, так как освобождение Оренбуржья от большевиков с севера осуществлялось соединенными отрядами оренбургских казаков и чехословаков, причем казаки действовали в составе Западно-Сибирской армии. Сам Дутов вошел в состав КОМУЧа и был произведен им в генерал-майоры. Не желая ссориться ни с Самарой, ни с Омском, ему пришлось лавировать между двумя правительствами. Съездив в Самару и заручившись там поддержкой учредилловцев, он решил теперь отправиться за тем же в Омск.

24 июля в Уфе состоялся его разговор по прямому проводу с управляющим Военным министерством Временного Сибирского правительства Гришиным-Алмазовым:

«Я Атаман Дутов, я сейчас в Уфе, еду к вам в Омск для личных переговоров, извиняюсь за беспокойство, прошу сообщить, застану ли я вас в Омске или в каком другом городе по железной дороге. По аппарату всего сказать не могу. Сообщаю, что казаки 1-го Оренбургского уезда (оговорка Дутова — 1-го Оренбургского округа. *М.И.*) находятся в сфере действий Самарского комитета, а также Уральских. Тоже необходимо с вами войти в полное соглашение, о чем переговорю лично. С Доном вошел в связь, там генерал И. Краснов (ошибка Дутова в инициалах — Донским атаманом был генерал П. Краснов. — *М.И.*) и там же Совет казачьих войск. Терское войско и Кубанское мобилизованы, с эмиром Бухарским завязал сношения. На Украину посланы курьеры для передачи наших планов и организации народного движения. Подробности сообщу лично. Сам здесь в Уфе. Я кончил.

[Гришин-Алмазов] Приветствую вас, атаман, и очень рад, что я, наконец, нашел вас. Я из Омска пока никуда не выеду и буду ожидать вас здесь. Нам надо будет обо многом переговорить, многое решить, и я не сомневаюсь, что мы с вами и Вр. Сиб. Правит. пойдем друг друга и сделаем все возможное для нашего общего дела — возрождения России. Буду ожидать от вас телеграммы о выезде.

[Дутов] Я сейчас в Уфе, был у себя в Оренбурге, Самаре вел переговоры с Самарскими и Уральскими представителями и теперь еду к вам, через полчаса выезжаю, со мной Штаб и конвойная сотня. Прошу не отказать в отводе квартиры. Приветствую вас, Сибирского вождя, и в вашем лице вашу армию. Сообщу Челябинска точно свой приезд. Пока до свидания.

[Гришин-Алмазов] Счастливого пути».

Дутов прибыл в Омск 26 июля. Вечером того же дня он был принят в Совете министров и рассказал о положении на Южном Урале, причем, судя по рассказам очевидцев, без особого уважения отозвался о КОМУЧе. Доклад его, изложенный в ровном и спокойном тоне, произвел хорошее впечатление на министров. В нем атаман дал понять, что симпатии Оренбурга склоняются в сторону Омска, а не Самары. Затем он встретился с Вологодским и Гришиным-Алмазовым. Вологодскому он показался хитрецом, себе на уме, с которым надо держать ухо востро. Гришин-Алмазов же, после встречи с атаманом, несколько разочарованно отметил: «Среди казаков ни одной сильной фигуры. Дутов интересуется лишь Оренбургскими делами. Мои усилия вытянуть его на более широкую де-

тельность не имели успеха». Тем не менее они обсудили множество неотложных вопросов, и в частности установили общий план военных действий в Туркестане и возможности мобилизации населения.

Поездка Дутова в Омск и встречи с членами Сибирского правительства вызвали крайне негативную и болезненную реакцию Самары, но это способствовало установлению более тесных взаимоотношений его с сибиряками. Между Оренбургским атаманом и Грипшиным-Алмазовым завязалась оживленная переписка по военным и политическим вопросам.

10 июля Алексей Николаевич Грипшин-Алмазов был произведен в генерал-майоры указом Временного Сибирского правительства «в воздаяние военных заслуг» (со старшинством с 1 июля 1918 года). Вскоре он заявляет, что отныне отказывается от сотрудничества с эсеровской партией, намереваясь работать теперь «для всего народа в целом». Разделяя программные положения Союза возрождения России¹¹, он считал неосуществимыми в условиях Гражданской войны эсеровские лозунги «народоправства» и поддерживал сторонников установления режима твердой власти, чем вызвал резкое недовольство со стороны сибирского руководства партии социалистов-революционеров и Самарского Комитета членов Учредительного собрания (КОМУЧа). Некоторое

¹¹ Союз возрождения России — антисоветская организация, образованная весной 1918 г. в Москве представителями кадетов, энесов и эсеров. Среди ее учредителей были видные общественно-политические деятели того времени — Н.И. Астров, С.П. Мельгунов, Н.Д. Авксентьев, Н.В. Чайковский и др. Прекратил существование в 1920 г.

представление о взглядах генерала того периода дает его приказ по армии от 2 августа 1918 года: «Молодая Сибирская армия наша, окруженная врагами государства, военными изменниками и предателями большевиками, находится в условиях, не бывавших в истории. В борьбе с поименованными врагами каждый начальник должен быть настойчив и беспощаден, проявляя необходимую инициативу, не боясь ответственности за превышение власти... Каждый воинский начальник должен помнить, что на театре войны все средства, ведущие к цели, одинаково дороги и законны и что победителя вообще не осудят любящие родную землю современники и благо-разумные потомки».

Выступая 16 августа на заседании Сибирской областной думы в Томске, Гришин-Алмазов говорил, что все группы, партии и классы должны напрячь силы для спасения родины. Он доказывал Думе, что сибирская государственность переживает критический момент, что борьба с большевиками предстоит отчаянная и что в такие моменты силы страны должны быть отданы для достижения победы. «Все для победы!» — восклицал он. Вся власть должна быть сосредоточена в руках военного командования. О разделении властей в такие моменты не может быть и речи. «Народоправство очень хорошая вещь», но с этим следует подождать, пока над большевиками не будет одержана окончательная победа. «Через армию придем к Сибирскому Учредительному собранию и к сильной, единой, нераздельной России», — заявлял он. Бурные аплодисменты сопровождали заявление военного министра, за исключением представителей край-

не левых партий, для которых он стал уже ненавистной фигурой.

Характеризуя основы организации Сибирской армии, он, основываясь на печальном опыте 1917 года, говорил: «Она должна быть создана и будет создана по типу, диктуемому во все времена, во всех странах, непреложными выводами военной науки, на основах строгой воинской дисциплины, без каких бы то ни было комитетов, съездов, митингований, без ограничения прав начальствующих лиц и без подчинения «постольку-поскольку» своему законному правительству».

Работы у управляющего Военным министерством были непочатый край... Помимо ведения боевых действий с остатками большевиков в Сибири, необходимо было налаживать регулярное снабжение развертывающихся корпусов и дивизий, вести большую организационную и кадровую работу. Гришин-Алмазов заявил по этому поводу: «Работа по организации армии весьма ответственная, т.к. требует ломки жизни общества, ведет к расходам и вовлекает в сферу опытов, от которых страдает сама же армия, как организм весьма хрупкий. В разработке вопросов надо иметь в виду, что метод войны с большевиками скоро кончится и тогда можно будет выйти из области импровизации и начать настоящую войну с немцами».

По настойчивому требованию Гришина-Алмазова Временным Сибирским правительством было сделано обращение к союзным державам о том, что оно не признает позорного Брестского мира, навязанного России немецкими ставленниками — большевиками, и находит-

ся в состоянии войны с Германией. Правительственная декларация гласила:

«Россия воскресает. Освобождены почти вся Сибирь, Урал и Поволжье. Каждый день приносит новую победу государственности над гнетом насилия и анархии. Ближится день, когда Сибирская армия с другими братскими и союзными силами станет в ряды борцов на новом русско-германском фронте.

Временное Сибирское правительство считает Сибирь частью нераздельной России. Вместе со всей Россией она не признает Брестского мира и в предвидении грядущего объединения областных правительств под одну общероссийскую властью торжественно заявляет, что все договоры и обязательства перед союзниками так же обязательны для Сибири, как и для прочих частей России, и что во имя общероссийских и союзных интересов Сибирская армия готовится к совместной с союзниками мировой борьбе...»

Алмазов понимал, что выиграть войну только с самоотверженными, но малочисленными добровольцами невозможно, поэтому настала пора приступить к всеобщей мобилизации населения. Но он не считал возможным начать мобилизацию до того момента, как будут подготовлены казармы, обмундирование, снаряжение, унтер-офицерский состав, подробный план набора и распределение контингента. Потом его станут упрекать в том, что он подготовил все только на бумаге. Действительно, сделано было немного, но вряд ли в тех условиях можно было сделать больше, и после ухода Гришина дело лучше не пошло. Тем не менее 31 июля указом Сибирского

правительства был объявлен призыв о мобилизации на действительную военную службу 19- и 20-летних новобранцев, что должно было дать армии порядка 230 тысяч человек. Все льготы были отменены, и повинность была сделана действительно всеобщей.

Предвидя возможные осложнения с призывом, Гришин-Алмазов выпускает упреждающий приказ по войскам Сибирской армии:

«Приказ № 46
по войскам Сибирской армии
10 августа 1918 года.

При осуществлении предстоящего набора новобранцев приказываю соответствующим начальствующим лицам и учреждениям приказывать, требовать, отнюдь не просить, не уговаривать, уклоняющихся от военной повинности арестовывать и заключать в тюрьму для осуждения по законам военного времени. По отношению к открыто неповивающимся закону о призыве, а также по отношению к агитаторам и подстрекателям к тому должны применяться самые решительные меры по уничтожению на месте преступления. Приказ этот ввести в действие по телеграфу и дать ему самое широкое распространение.

Подписал командующий армией
Генерал-майор Гришин-Алмазов»¹².

¹² Копия этого приказа хранится сейчас в фондах Алтайского государственного краеведческого музея.

Мобилизация в Сибирскую армию началась довольно успешно, и лишь в некоторых случаях пришлось прибегнуть к насильственным мерам для принуждения призыва. В частности, в городе Славгороде Алтайской губернии и близлежащих селах вспыхнул мятеж из-за нежелания местной молодежи идти в армию. Мятеж сопровождался многочисленными бесчинствами и убийствами офицеров, так что вскоре туда пришлось отправить воинские части для наведения порядка. Затем туда же, в Славгород, дополнительно был послан еще и партизанский отряд атамана Анненкова, двигавшийся через Омск с Верхнеуральского на Семиреченский фронт. Анненковцы прибыли в Славгород уже после подавления основных очагов мятежа и помогли установлению спокойствия в районе. Порядок в городе и окрестностях был в конце концов наведен, и вскоре Славгородский район дал Сибирской армии несколько тысяч новобранцев.

Стараясь не допустить никаких волнений среди вновь призванных бойцов Сибирской армии и привить им мысль, что мобилизовавшая их сибирская власть — это вполне законная российская власть, установившаяся для водворения твердого порядка и спокойствия в стране, Гришин-Алмазов выпускает специальный приказ-обращение к новобранцам:

«Приказ
по войскам Сибирской армии
№ 55
1 сентября 1918г. г. Омск

Новобранцы Сибирской армии!

Вас призвала в ряды войск наша умирающая родина — Россия.

Россия требует от вас — своих сыновей, чтобы вы освободили ее от насильников — большевиков и германцев.

Именем нашей родины — России я приказываю вам честно исполнять солдатский долг: неисполняющие его — преступники и будут караться беспощадно. С Богом, за работу!

Командующий армией

Генерал майор Гришин-Алмазов¹³.

В Сибирской армии лета 1918 года не было даже отличительных знаков на форме одежды, так как «демократическое» правительство Сибири принципиально не хотело возвращаться к форме одежды и знакам различия старой Императорской армии. Сибиряки носили либо имевшееся у них обмундирование старой армии — гимнастерки, кителя, френчи, шинели, либо чисто гражданскую одежду, иногда с элементами форменной. Гришин-Алмазов, чтобы не раздражать «демократов» и недавно прибывших с фронта солдат, где все эксцессы начинались из-за срывания погон, поступил вполне благоразумно. Он отдает приказание о введении знаков различия Сибирской армии — бело-зеленая ленточка на околыше фуражки вместо кокарды и такой же расцветки нарукавный шеврон на правом рукаве углом вниз.

¹³ «Омский Вестник. Вечерний выпуск», № 50, 4 сентября 1918 г.

Затем 24 июля появляется приказ № 10 по Военному ведомству о введении в армии нарукавного знака для различия чинов. Знак этот представлял собой щиток, носился на левом рукаве, был разной расцветки в зависимости от рода войск, а для различия званий на него нашивались тесьма, галун и звездочки. Конечно, кадровый офицер Гришин понимал, что вся эта мишура — лишь временная уступка сложившимся обстоятельствам и рано или поздно Русская армия возвратится к своей овеянной славой форме. Кстати, все эти новые знаки различия касались только регулярных армейских частей Сибирской армии — казаки (уральские, оренбургские, сибирские, семиреченские, забайкальские и енисейские) сразу же не приняли эти нововведения и продолжали носить свою традиционную форму одежды, принятую до революции.

Позаботился Гришин-Алмазов и о награждении особо отличившихся бойцов и командиров Сибирской армии, сделав это, правда, в завуалированной форме. Он созвал комиссию из 36 георгиевских кавалеров, которым предстояло решить вопрос о допустимости награждения военнослужащих орденом Святого Георгия и другими орденами. В этот период многие белогвардейцы считали борьбу с большевиками только частью великой войны с Германией и Австро-Венгрией и готовились к новым битвам с внешним противником. Такими настроениями был продиктован и единогласный вердикт георгиевских кавалеров:

«...В данный момент при ведении внутренней междоусобной войны награждать этими высокими наградами

совершенно не следует, а начать награждение этими наградами в момент столкновения с внешним врагом...»

Гришин-Алмазов несколько скорректировал это решение комиссии, указав, что в любом случае честь награждения орденом Св. Георгия может принадлежать лишь будущему Верховному Главнокомандующему всеми национальными Вооруженными силами. Пока же следует вести списки воинов, совершивших подвиг и достойных ордена Св. Георгия или его знаков отличия.

Впоследствии, уже при адмирале А.В. Колчаке, в Сибирской армии возобновили традицию награждения особо отличившихся воинов орденами Российской армии, в том числе и орденом Св. Георгия. Начало же этому было положено еще первым командующим — генералом Алмазовым.

Многих и очень многих в Сибирском правительстве раздражала, вызывала зависть бурная и результативная деятельность свежеиспеченного генерала. Премьеру же Вологодскому, который сам был больше всего обеспокоен личным отдыхом и спокойствием, всюду мерещились пьянки и кутежи Алмазова. Само Сибирское правительство в глазах левых вообще и правоверных эсеров, в частности, стало казаться слишком правым по своей сути. Острие этой ненависти было направлено, однако, на двух лиц, которым приписывалось руководящее значение в делах правительства, — на И.А. Михайлова¹⁴ и

¹⁴ *Михайлов Иван Адрианович* (1891—1946) — сын известного народовольца А.Ф. Михайлова. Журналист, политический деятель. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Министр финансов Временного Сибирского правительства,

А.Н. Гришина-Алмазова, наиболее молодых и энергичных деятелях кабинета. Гришина-Алмазова эсеры стали бояться главным образом как возможного военного диктатора. В некоторых кругах Омска и в самом деле постоянно ходили разговоры о необходимости военной диктатуры. Причем, как это обычно бывает, для правых кругов Сибирское правительство, наоборот, было слишком левым. Сам Гришин-Алмазов не имел отношения к этим закулисным играм, но для эсеров он стал особенно одиозной личностью. Один из них, Е.Е. Колосов, выступая на заседании Сибирской областной думы в Томске, истерически кричал по поводу генерала:

— Не будет этого, чтобы случайный претендент захватил власть!

Эсеры твердо решили свалить Гришина-Алмазова и Михайлова, тем более что их представители и сочувствующие были в составе правительства. Под влиянием эсеров вскоре изменилось отношение к генералу со стороны чехословаков.

Но были и доброжелатели, понимавшие, что именно он взвалил на свои плечи невероятную тяжесть и ответственность. Генерал Д.В. Филатьев писал впоследствии: «энергию и организаторские способности он (Гришин-Алмазов. — *М.И.*) выявил недюжинные и оказался вполне на своем месте».

затем правительства адмирала Колчака. В эмиграции в Китае, в Харбине. Сотрудничал с японцами и Русской фашистской партией. В 1945 г. арестован в Маньчжурии СМЕРШем, вывезен в СССР, судим в Москве по делу атамана Г.М. Семенова и расстрелян 30.08.1946 г.

А вот мнение управделами Временного Сибирского правительства Г.К. Гинса¹⁵: «Гришин-Алмазов, еще совсем молодой человек, ушедший с войны в чине подполковника, отличался ясностью ума, точностью и краткостью слога. Он отлично говорил, без цветистости и пафоса, но с темпераментом и убедительностью. Доклады его в Совете министров были всегда удачны. С его стороны не проявлялось упрямства и своеволия, он был лоялен к власти, но не скрывал, что, представляя реальную силу, он требует, чтобы с ним считались. Его тенденции были очень определены. Он стремился к созданию все-российского правительства, но сохранению сибирской армии. Его симпатии были на стороне единовластия, но он считал тактически несвоевременным останавливаться на этой форме власти. Я не знал в Омске военного, который бы годился больше, чем Гришин, для управления Военным министерством в демократическом кабинете».

И тот же Гинс пишет, что «недостатком Гришина была его самоуверенность. Он был убежден в неспособности

¹⁵ *Гинс Георгий Константинович* (1887—1971) — юрист, публицист, общественный деятель. Закончил юридический факультет Петербургского университета в 1909 г. Чиновник переселенческого управления. Работал в Семиречье и написал несколько работ по водному праву. С 1916 г. приват-доцент Петроградского университета. С 1918 г. управляющий делами Временного Сибирского правительства, затем на разных постах в правительстве Колчака. С 1920 г. в эмиграции в Китае. Профессор юридического факультета в Харбине. Автор мемуаров «Сибирь, союзники и Колчак» (Пекин, 1921). Член Народно-трудового союза (НТС). С 1941 г. в США. Редактировал газету «Русская жизнь». Преподаватель Калифорнийского университета в Беркли в 1945—1954 гг. Сотрудник радиостанции «Голос Америки» в 1955—1964 гг.

всех прочих конкурировать с его влиянием и значением в военных кругах. Он игнорировал министров Сибирского правительства, забывая, что это может вооружить их против него, и действительно нажил себе врагов, например Патушинского, исключительно на личной почве, из-за неотданного визита. Даже Вологодский «имел зуб» против Гришина, который, как ему казалось, оказывал председателю Совета министров недостаточное уважение. Все это проистекало исключительно из-за молодой самовлюбленности генерала, не интересовавшегося тем, как к нему относятся окружающие».

Военный министр тем временем, не обращая внимания на всю эту возню, продолжал со свойственной ему кипучей энергией деятельность по организации Сибирской армии, частенько взваливая на себя и функции других министров. Он постоянно находится в разъездах — в середине июля прибывает в Челябинск для встречи с представителями Чехословацкого командования, Комитета членов Учредительного собрания и антибольшевистской Народной армии, образовавшейся к тому времени в Поволжье, по вопросу создания единого командования и скоординированности действий против красных. Там же он встречается с представителями Антанты — французским майором Гинэ и членами Чехословацкого национального совета, а также «учредилловцами» из Москвы — Аргуновым, Павловым и Кролем. После переговоров их снимают на кинокамеру (интересно, сохранилась ли где эта пленка?). Затем опять бесконечные переговоры по поводу создания Всероссийской центральной власти, где «сибиряки» и «по-

волжцы» ведут себя строго официально, как посланцы двух иностранных держав.

На этих переговорах КОМУЧ заявил, что в состоянии исполнять функции центральной власти впредь, до созыва Учредительного собрания. Алмазов категорически отверг претензии КОМУЧа на власть и заявил, что его армия «приняла лозунг стоять вне политики» (как современно это звучит!), а «учредиловцы», по его мнению, страдают в подходе ко многим вопросам принципом партийности, игнорируя общегосударственные интересы, не учитывают в своей политике «национальные права башкир и киргизов»¹⁶.

В конце концов договаривающиеся стороны не приняли никакого конкретного решения, за исключением некоторых вопросов военного характера, и решили отложить на будущее вопросы государственного строительства. Гришин-Алмазов, министр финансов ВСП И.А. Михайлов и товарищ министра иностранных дел М.П. Головачев уезжают обратно в Омск. Начиналась борьба за власть между Омском и Самарой.

Вскоре управляющему Военным министерством пришлось схать в Екатеринбург, недавно освобожденный от большевиков, где местное областное правительство Урала, разрываясь между более сильными Самарой и Омском, тоже добивалось автономии в своих действиях.

В специально сформированном поезде в Екатеринбург выехал Гришин-Алмазов с охраной и большой свитой и министр снабжения И.И. Серебренников. В Екатеринбу-

¹⁶ Киргизами до середины двадцатых годов XX века называли не только собственно киргизов, но и современных казахов.

бург приехали рано утром, и на вокзале Гришин принял почетный караул казаков с оркестром и выслушал приветствия и рапорты военных властей города. Тут же, в вагоне, состоялось первое совещание с делегацией местных общественных деятелей, где сибиряки были вкратце проинформированы о желаниях уральцев.

После «вагонного» совещания Гришин-Алмазов с Серебренниковым выехали на автомобиле в город. Проехав на Вознесенскую площадь, они осмотрели снаружи дом Ипатьева, где 17 июля была расстреляна царская семья. Дом стоял мрачный, угрюмый, все еще обнесенный высоким деревянным забором, скрывавшим его со стороны улицы. Затем они отправились по военным учреждениям, а вечером присутствовали на совещании по вопросу об областном устройстве. Там они заявили, что Сибирское правительство не будет возражать против предоставления Уралу областной автономии при условии, что верховная власть останется за Омском, войска которого участвуют в освобождении Урала от большевиков. В итоге Урал все-таки признал верховную и военную власть Сибирского правительства, чем вызвал резкое недовольство присутствовавших тут же двух представителей Самарского КОМУЧа.

Гришин-Алмазов провел еще один день в Екатеринбурге. Он посвятил его военным делам и принял парад сибирских и чехословацких войск.

В эту поездку на Урал Серебренников близко познакомился с Гришиным-Алмазовым, составил о нем благоприятное мнение и впоследствии вспоминал: «Он произвел на меня очень хорошее впечатление. Честный рус-

ский патриот, отнюдь не ретроград, с живым и пытливым умом, он умело разбирался в сложной революционной обстановке и казался на своем посту вполне подходящим человеком».

У Сибирского правительства в лице Гришина-Алмазова был теперь явный союзник в их конкуренции с Самарой — Оренбургский атаман генерал А.И. Дутов. В начале августа Дутов направил управляющему Военным министерством ВСП пять шифрованных телеграмм о военном и политическом положении. Эти телеграммы были перехвачены представителями КОМУЧа, пытавшимися осуществлять тотальный контроль над Дутовым. Перехватывались и омские телеграммы, а в итоге не состоялась встреча Гришина-Алмазова с Дутовым в Челябинске 6 августа, причем первый на встречу приехал, а Дутов не имел о ней никаких сведений.

«Вполне уверен, — писал Дутов 18 августа Алмазову, — что эти телеграммы дальше Уфы не попали, вообще вся моя корреспонденция подвергается цензуре или же утаивается». Здесь надо заметить, что в связи с тем, что телеграф был прерван в районе Орска укрепившимися там большевиками, все железнодорожное сообщение и телеграфная связь Оренбурга с Омском осуществлялась через Уфу, а прямой связи не было. Орск оставался единственным городом на территории Оренбургского войска, который так и не освободили от красных казаки, и из-за этого территория войска фактически была разделена на две части.

«Количество моих врагов опять увеличивается, — отмечал далее Оренбургский атаман, — и очень трудно

работать в настоящий момент. После Омска я был вызван в Самару, и мне были там в Комитете предъявлены запросы: на каком основании я без разрешения Комитета ездил в Сибирь и кто меня уполномочивал вести там переговоры. На это я дал настолько исчерпывающие и вполне отвечающие достоинству Войскового Атамана ответы. Затем мне было задано несколько других мелких вопросов, каковые я просто оставил без ответа. Вообще Комитет был явно враждебно ко мне настроен, тем не менее, порвать окончательно с Самарой не представлялось возможным, во-первых, потому, что Войсковое Правительство было против этого, а во-вторых, развитие боевых операций на фронте требовало самого срочного пополнения снарядами и патронами, а их можно было получить только в Самаре. Оторванность от Вас и неимение железнодорожного пути к Вам заставляет Войсковое Правительство так или иначе вести соглашательскую политику с Самарским Комитетом. На этом же заседании мною было заявлено, что в своих действиях, как Войскового Атамана Оренбургского Войска, я даю отчет только Кругу и Комитет для меня безразличен. В то же время я высказал удивление, что за мною Комитет командировал в Омск Члена своего Брушвита, каковой, очевидно, предназначался наблюдать за мною. Комитет это предположение отвергнул и сказал, что поездка Брушвита совершенно самостоятельна и никакой связи с моим пребыванием в Омске не имеет... Казачьи массы, которые я знаю, определенно идут за мной. В Оренбурге все сознательные граждане согласны с моей политикой и, конечно, ориентируются на Сибирь. Только рабочий класс

и к ним примыкающие ведут кампанию против меня, но это неизбежно, ибо этому классу никакая власть не будет приятна...»

Письмо это Дутов, видимо, передал Гришину-Алмазову через специального посланника сибиряков полковника М.И. Замятина. В конце письма Оренбургский атаман отметил: «Полковник Замятин мне передал, что в Сибирских газетах упоминается мое имя в связи с Комитетом, когда критикуется Сибирское Правительство, и будто бы Комитет, осуждая действия Сибирского Правительства, всегда подчеркивал, — так же смотрит и Атаман Дутов. Подобные присмы мне знакомы еще в правительстве Керенского, и я полагаю, что Вы, Алексей Николаевич, сами разберетесь в газетных статьях и отличите правду от лжи. Мне, вот уже четыре года непрерывно находящемуся в боях и многократно видевшему смерть, особенно приходится дорожить своим словом и своим добрым именем. Мы и с Вами всегда пойдем друг друга, а общая задача спасти Россию даст нам веру друг в друга. Желаю Вам всего наилучшего, успеха в Вашей деятельности. Глубокоуважающий Вас А. Дутов».

В ответном письме Гришин-Алмазов писал Дутову: «С глубоким удовлетворением прочел я Ваше письмо, которое должно окончательно рассеять происшедшие недоразумения и устранить их возможность в будущем. Вы указываете на трудности в Вашей работе, на затруднения, чинимые Вам Вашими врагами, но это общая участь тех, которые твердо идут к намеченной ими высокой цели создания Великой России, в то время как другие не хотят и не могут отрешиться от своих мелких

личных и партийных интересов и ставят всякие препятствия в деле первых. Вы, я думаю, понимаете, что Ваши враги — это наши общие враги и в то же время враги нашей великой цели спасения России, но эта-то цель, эта задача должна дать нам силы для нашей работы и веру в ее удачное завершение. Касаясь частностей Вашего письма, я считаю своим долгом заверить Вас, что все сообщения г. Брушвита являются вымыслом и те методы, к которым прибегают эти господа, еще раз подчеркивают их слабость и фактическую и моральную. Однако, как Вам самим очевидно, в настоящее время на первом плане стоит вопрос борьбы с большевизмом и германизмом и было бы нежелательным и даже опасным рвать с элементами, которые могут оказаться так или иначе полезными для выполнения этой задачи. Относительно же лишения Комитетом Вас Ваших полномочий, теперь с образованием независимого Правительства Области Войска Оренбургского, такие выпады теряют всякое, не только практическое, но и формальное значение. Я надеюсь, что уфимское совещание, в котором Вы примете участие, сумеет создать единую твердую всероссийскую власть из лиц, сумеющих объединить все патриотически и государственно настроенные элементы и устранить всех тех, которые и в будущем осмелятся мешать общему делу, — власть, которую Вы и я будем единодушно поддерживать. Что касается офицерства, то я полагаю, что, несмотря на некоторые прискорбные исключения, в общей массе оно могло бы служить реальной поддержкой нашим планам, т.к. оно не раз за пережитое время показывало готовность служить России не за страх, а за

совесть, стоя вне партий и классов, проливая свою кровь и жертвуя своей жизнью. Кончая свое письмо, я еще раз хочу выразить уверенность в том, что установившаяся между нами непосредственная связь, общность наших идей и интересов будут не только залогом устранения всяких недоразумений, но и гарантией успеха. Искренно желаю Вам удачи в Ваших предполагаемых военных действиях».

Очевидно, что между Дутовым и Гришиным-Алмазовым установились вполне доверительные и деловые отношения, и командующий Сибирской армией всецело поддержал атамана.

24 августа 1918 года при Временном Сибирском правительстве был создан так называемый Административный совет, в задачи которого входило обсуждение всех проектов постановлений и распоряжений Совета министров, рассмотрение кандидатур на ответственные административные должности и право окончательно решать переданные ему дела. В числе других министров в него вошел и управляющий Военным министерством А.Н. Гришин-Алмазов.

Глава IV

ВНЕЗАПНАЯ ОТСТАВКА

20—25 августа 1918 года состоялось второе Челябинское совещание, на которое съехались члены КОМУЧа, Сибирского и Уральского правительства, представители казачьих войск, представители ЦК партии эсеров находя-

щегося в Самаре и проэсеровского Комитета национальных групп. От Сибири на нем присутствовали министр финансов Михайлов и командующий Сибирской армией генерал Гришин-Алмазов.

Совещание было открыто его старейшим членом, «бабушкой русской революции», старой эсеркой Е.К. Брешко-Брешковской. Опять начались бурные дебаты о создании всероссийской власти, объединении военного командования, о судьбе захваченного в Казани частями Народной армии золотого запаса России. Наконец, все сошлись на том, что в Уфе состоится Государственное совещание по решению всех этих проблем.

После закрытия этой конференции устроили банкет с выпивкой, на котором присутствовали представители некоторых союзных держав. На банкете, после нескольких бокалов вина, Гришин-Алмазов, возбужденный очень резкими и неприятными для русского патриота замечаниями и отзывами о России английского консула в Екатеринбурге Томаса Г. Престона, наговорил ему в ответ дерзостей и между прочим добавил: «Еще вопрос, кто в ком больше нуждается: Россия в союзниках или союзники в России... Одна Россия может сейчас выставить свежую армию, которая, в зависимости от того, к кому она присоединится, решит судьбу войны». Вроде бы даже он заявил консулу, что «...англичане, предав царскую фамилию, и сейчас тоже, как всегда, играют двойную игру».

Если это так, то эти слова были явным криминалом с точки зрения «демократического» кабинета Сибирского правительства, а уж тем более для социалистов-революционеров. Это свидетельствовало об очевидной контрре-

волюционности взглядов и, о ужас, о монархизме сибирского командарма!

Кстати, вполне благожелательное и уважительное отношение Гришина-Алмазова к памяти расстрелянной царской семьи, подтвердилось вскоре еще одним фактом. Как сообщали сибирские газеты, во время пребывания управляющего Военным министерством в Томске, он отдал распоряжение о том, чтобы были командированы в места последнего пребывания царской семьи специалисты для собирания исторических материалов, относящихся к последним дням династии Романовых.

На другой день после банкета Гришин еще более обострил свои отношения с союзниками. При встрече с председателем Чехословацкого национального совета доктором Богданом Павлу он заявил ему:

— Если вам, чехам, у нас не нравится, то вы можете уехать отсюда.

На это последовал ответ Павлу:

— Я знаю, что в политике благодарности ожидать не приходится; когда мавр сделал свое дело, он может уйти. Но я считаю, что мы своего дела еще не сделали. Россия нам нужна в наших интересах. А потому мы пока останемся, несмотря на ваше любезное предложение.

Вообще, к концу лета у военного министра обострились отношения с чехословаками, в частности с полковником Радолом Гайдой, поддержавшим когда-то Алмазова в свержении большевиков в Сибири. Чехи, почувствовав свою силу и безнаказанность, стали все больше вмешиваться в русские дела, были склонны предъявлять всякого рода ультиматумы, что очень не нравилось Алек-

сею Николаевичу. Они вели себя в Сибири, как в побежденной стране, ставили себя в исключительное положение при дележе трофеев. Порой это тяжело было по национальному самолюбию русских.

Вскоре после Челябинского совещания случился дипломатический скандал, поднялся шум, и последовала нота протеста от Совета консулов союзных государств в Иркутске Сибирскому правительству и телеграммы с выражениями протеста против поведения генерала. Возможно, что во всех этих выражениях протеста было чье-то планомерное руководство. Но многим только этого было и надо. Враги и недоброжелатели Гришина-Алмазова, эсеры и в том числе сам премьер Вологодский, решили использовать это обстоятельство и отправить Алексея Николаевича в отставку с занимаемых им постов. «Застрельщиком» выступил товарищ министра иностранных дел М.П. Головачев, державший теперь в своем портфеле телеграммы-протесты по поводу челябинского инцидента.

Совет министров Сибирского правительства поставил на обсуждение вопрос об увольнении Гришина-Алмазова от занимаемых им должностей командующего Сибирской армией и управляющего Военным министерством. За увольнение, притом немедленное, высказались министр туземных дел Шатилов, имевший репутацию соглядатая от партии эсеров в правительстве и министр юстиции Патушинский. Против увольнения были министр финансов Михайлов и министр снабжения Серебренников. Председатель Совета министров Вологодский сперва был в нерешительности и не знал,

как поступить. Самого «обвиняемого» не было на заседании.

При обсуждении вопроса начались бурные дебаты, которые во многом касались и общих вопросов, например, о том, «кто губит дело демократии и идет на поводу у реакции». Особенно усердствовал в этом Г.Б. Патушинский, в рвении своем нападавший на министра Михайлова и совершенно не стесняясь при этом в выражениях в его адрес. Эти нападки порой принимали у Патушинского истерический характер, и после бурной тирады он падал в изнеможении на кресло, ломал руки и закрывал ими свое лицо. Михайлов же спокойно выслушивал эти истерики и отвечал короткими репликами, приводившими противника в еще большую ярость.

Вопрос об отставке Гришина-Алмазова не был разрешен на одном заседании, и его пришлось перенести. Так тянулось еще пару дней. В течение этого времени министры Патушинский и Михайлов то подавали заявления о своей отставке, то забирали их обратно. Сибирская государственность переживала сильнейший правительственный кризис.

Наконец, премьер Вологодский решился на увольнение. На должность командующего армией и военного министра намечался бывший сподвижник Гришина-Алмазова по подпольной работе в Сибири, а ныне командир 2-го Степного Сибирского корпуса и войсковой атаман Сибирского казачьего войска генерал-майор П.П. Иванов-Ринов, кандидатуру которого усиленно продвигал М.П. Головачев. Он был неофициально запрошен о со-

гласии занять место Гришина-Алмазова. Вначале ответил уклончиво, а затем согласился. Вопрос был решен.

5 сентября 1918 года на должность командующего Сибирской армией и управляющего Военным министерством Временного Сибирского правительства был назначен генерал-майор П.П. Иванов-Ринов. Официальное сообщение появилось в газетах на следующий день:

Отставка А.Н. Гришина-Алмазова

Омск. 6—9 (Офиц. сообщ.)

Штабом Сибирской армии получено следующее распоряжение председателя Совета Министров сибирского Временного правительства, сообщенное штабом по телеграфу во все части и учреждения армии:

«Приказом сибирского правительства, от сего числа генерал-майор Гришин-Алмазов уволен от должности управляющего Военным министерством Сибирского Временного правительства и командующего отдельной сибирской армией и вместо него назначен командир Степного корпуса генерал-майор Иванов-Ринов. Прошу о состоявшемся приказе объявить по телеграфу всем войсковым частям, приказав исполнять с сего числа все распоряжения лишь генерал-майора Иванова-Ринова.

5 сентября 1918 г. г. Омск.

Председатель Совета Министров Вологодский»¹⁷.

Интересно отметить, что уже на следующий день после своего назначения, Иванов-Ринов издает приказ по

¹⁷ «Омский Вестник. Вечерний выпуск», № 52, 6 сентября 1918 г.

армии, восстанавливающий погоны, петлицы и кокарды, отмененные большевистской властью. Причем сделано это было без каких-либо консультаций и без санкции правительства, считаясь только с настроениями и пожеланиями офицерских кругов.

Сложилась парадоксальная ситуация — ожесточенными усилиями левых был свергнут Гришин-Алмазов, для того, чтобы быть потом замененным гораздо более правой фигурой.

Постановлением Административного совета от 13 сентября 1918 года А.Н. Гришин-Алмазов был зачислен «по полевой легкой артиллерии с назначением состоять в распоряжении Совета министров», т.е. фактически остался без какой-либо должности.

Алексей Николаевич, глубоко возмущенный и оскорбленный тем, как поступили с ним, поначалу еще попытался бороться и устроить нечто вроде нерешительной и неудачной попытки переворота. Едва узнав о приказе Сибирского правительства, он шлет телеграмму Иванову-Ринову:

«Командиру Степного Корпуса генерал-майору Иванову.

Сегодня ночью я получил приказ по Сибирской армии о том, что Вы вступили в командование Армией.

Основанием этого приказа поставлен приказ Совета Министров мне, Командующему Армией, не объявленный и, как мне точно известно, законно не оформленный.

По долгу службы, как солдат и часовой, не имеющий права оставлять своего поста, я объявляю Вам, что я по-прежнему остаюсь Командующим Сибирской Армией.

Приказываю Вам в дальнейшем руководствоваться тем, что укажет честь и совесть офицера и гражданина.

Командующий Сибирской Армией генерал-майор Гришин-Алмазов»¹⁸.

Вот как пишет об этом в общем-то благожелательно настроенный к нему управделами ВСП Георгий Константинович Гинс:

«Указ об увольнении Гришина был подписан. Уволен был без прощения, без назначения на какую-либо другую должность человек, которому Сибирское Правительство адресовало специальную грамоту с признанием его заслуг... Несколько дней было заполнено борьбой, возникшей на почве отставки Гришина. Административный Совет понял политическую опасность такого произвола со стороны правительства, которое и не подумало спросить мнения своих ближайших сотрудников, разделявших с ним и труды, и риск начатого дела...

Поздно ночью к моей квартире подъехал автомобиль. Раздался звонок. Гришин-Алмазов просит меня к себе. Ворча на судьбу политического деятеля, не знающего покоя ни днем ни ночью, но чувствуя неловкость отказа человеку, которого удаляют, я решил поехать.

У Гришина я встретил Михайлова, Пепеляева (покойного премьера)¹⁹ и Павловского (как оказалось по-

¹⁸ РГВИА. Ф. 39617, оп. 1, д. 31, л. 62.

¹⁹ *Пепеляев Виктор Николаевич* (1884—1920) — брат командира 1-го Среднесибирского корпуса А.Н. Пепеляева, депутат 4-й Государственной Думы, член партии конституционных демократов (кадетов). При Колчаке — министр внутренних дел, затем, с 23.11.1919 г. — председатель Совета министров. Расстрелян вместе с Колчаком в Иркутске.

том, авантюриста, выдававшего себя за представителя Франции). Гришин объяснил мне, что он находится в затруднении, как поступить. Обратиться за поддержкой к войскам он не хочет. В городе собрано много новобранцев. Всякая попытка сопротивления власти, спор между генералами сразу развратили бы эту молодежь. Желание Гришина одно — оформить все так, чтобы не повторялась корниловская история.

Гришин решил послать письма Вологодскому и Иванову с уведомлением, что он не считает себя законно уволенным, пока не получит указа об увольнении, и до тех пор не сдаст командование армией.

Это решение было всеми одобрено. Я не считал нужным, однако, скрывать от Гришина, что, по моему мнению, практических результатов его письмо иметь не будет. Вручить это письмо председателю Совета министров я отказался, считая, что я присутствовал при его составлении только как частное лицо.

Уезжая, я спросил Гришина, как относится к нему гарнизон, и назвал ему фамилии офицеров, которых видел днем и с которыми говорил о Гришине и Иванове.

— Все это преданные мне люди, — сказал Гришин.

— Вы ошибаетесь, — возразил я. — Сегодня они выражали радость по поводу вашего ухода, считая Иванова более способным администратором. А как к вам относятся чехи?

— Чехи? Они всегда приходили в ужас, услышав о моем желании уйти в отставку.

Впоследствии мне сообщили, что Гришин делал попытку призвать на помощь одну часть, но его распоряже-

ние было перехвачено. Я считаю это сообщение похожим на правду. В эту ночь я увидел в Гришине маленького, честолюбивого и самоуверенного человечка, не умевшего вести большой игры и доверявшего случайным людям.

Я с большим сожалением вспоминаю об этом способном человеке, который так подходил, по моему мнению, ко времени, но... *amicus Plato sed magis amico veritas* (Платон мне друг, но истина дороже — *лат.*) — недостаточная солидность толкала его в авантюристы. Сибирские эсеры и Сибирское правительство окончательно толкнули его на этот путь, лишив Сибирь одного из наиболее любивших ее офицеров».

С сожалением писал потом об увольнении генерала и И.И. Серебренников: «В лице Гришина-Алмазова сошел с сибирской сцены выдающийся деятель, которому Сибирское правительство было многим и многим обязано, особенно в первые дни своего существования».

Увольнение военного министра на несколько дней стало «злостью дня». Все говорили о нем и по-своему комментировали. Иванов-Ринов, узнав про попытку Гришина призвать на помощь войска, приказал арестовать его, но затем, после убеждений И.А. Михайлова, отменил этот приказ. В военных кругах эта неразбериха в правительстве постепенно приводила к мысли о необходимости и спасительности диктатуры, которая в конце концов выкристаллизовалась и оформилась окончательно к концу осени. Тогда в Сибири всем было уже известно имя прибывшего с Дальнего Востока адмирала А.В. Колчака, и эти мысли вскоре воплотились в реальность...

Надо отметить, что Алексей Николаевич оставлял после себя неплохое наследство: за время командования Сибирской армией (с 28.05 по 5.09.1918 г.) он довел ее численность до 60 тысяч бойцов при 70 орудиях и 184 пулеметах, положил начало ее объединению с Народной армией КОМУЧа и освободил от большевистской власти почти всю Сибирь. Успешно проводилась мобилизация населения.

Оставшись не у дел, оскорбленный недоверием и установленной за ним слежкой, молодой генерал решил перебраться в Добровольческую армию генерала А.И. Деникина, освобождавшую к тому времени области Северного Кавказа. Прекрасно представляя себе, каким трудным будет этот путь через территории, занятые красными, Алексей Николаевич решает оставить в Омске свою жену — Марию Александровну.

Глава V

ПОЕЗДКА НА ЮГ РОССИИ И ЯСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

22 сентября генерал-майор А.Н. Гришин-Алмазов покидает Омск со своим адъютантом. Передевшись в штатский костюм, надев для конспирации пенсне и запасшись на всякий случай фальшивыми документами, он в переполненном вагоне, вместе со своим верным попутчиком, едет до Уфы. Прибыв 26 сентября в переполненную участниками недавно закончившегося Государственного совещания и беженцами из Поволжья Уфу,

генералу, за неимением другого места, пришлось ночевать в городской комендатуре, прямо на столе в комнате дежурного офицера.

В Уфе, уже не конспирируясь, он встречается с новым Верховным главнокомандующим войск недавно образовавшейся директории генералом В.Г. Болдыревым и полковником Д.А. Лебедевым, эмиссаром Добровольческой армии в Сибири. Разговор с Лебедевым получился весьма плодотворным, и последний снабдил Алмазова рекомендательным письмом к адъютанту генерала М.В. Алексева полковнику А.Г. Шапрону-дю-Ларрэ, а также прикомандировал к генералу подпоручика Б.Д. Зернова, ставшего его личным адъютантом.

Далее опять едут на поезде до Оренбурга. В Оренбурге Гришин-Алмазов встретился, как со старым знакомым, с атаманом А.И. Дутовым. Они долго беседовали вдвоем. Между прочим, Гришин-Алмазов пообещал атаману, что не позднее середины октября в помощь казакам к Оренбургу должны подойти союзники. Дутов передал через Гришина-Алмазова сводки о политическом и военном положении на своем участке фронта для штаба Добровольческой армии и, по некоторым сведениям, свое письмо для генерала Алексева, с которым он состоял в переписке. Из Оренбурга, через территорию Уральского казачьего войска, встретившись по пути с представителями местного правительства, уже верхами Гришин с адъютантом добрались до Гурьева.

Из Гурьева по Каспийскому морю они доплыли до Петровск-Порта (ныне Махачкала), где Гришин-Алмазов встретился и переговорил с командиром отряда, действу-

ющего совместно с англичанами против турок, полковником Л.Ф. Бичераховым. Затем, минуя Кавказский хребет и Терскую область, добрались в октябре до Екатеринодара — ставки генерала Деникина. Все путешествие заняло в общей сложности тридцать восемь дней пути.

Всюду в дороге, вступая в беседы с властями и населением, Гришин-Алмазов опрашивал их об отношении к образовавшейся к тому времени в Уфе директории и Добровольческой армии и вынес мнение, что симпатии, безусловно, на стороне последней. Пока Гришин-Алмазов был в пути, 25 сентября (8 октября) скончался верховный руководитель Добровольческой армии генерал-адъютант М.В. Алексеев.

Прибыв в Екатеринодар, Алексей Николаевич быстро свел там знакомство со многими политическими деятелями и военными, среди которых были и такие известные добровольческие офицеры, как А.Г. Шкуро и В.Л. Покровский. С последними Гришин-Алмазов, видимо, хорошо покутил, так как на следующее утро пребывал «в несколько расстроенных чувствах».

Один из «екатеринодарских» политиков, конституционный демократ М.М. Винавер так вспоминал потом об этих днях из жизни генерала:

«Невысокий, хорошо сложенный, всегда чисто выбритый, с правильными, энергичными чертами лица, с властными жестами, Гришин-Алмазов явно позировал на Наполеона. Только слишком он был речист и слишком хвастлив для Наполеона. В первый же день [знакомства] он предложил мне пригласить нескольких друзей, чтобы выслушать его рассказ о Востоке, и предупредил при

этом, что если он будет говорить по четыре часа в день, то рассказ будет длиться чуть ли не целую неделю. ...Все мы после первого сеанса почувствовали, что второй уже будет бессодержателен и скучен. На этом втором сеансе и оборвались собеседования».

Антон Иванович Деникин, ничего не знавший о Гришине, встретил его весьма сдержанно. Позднее он писал о нем: «Я познакомился с ним в конце 1918 года, когда судьба заставила его покинуть Сибирь и появиться в Екатеринодаре. Молодой, энергичный, самоуверенный, несколько надменный, либерал (быть может, более политик, чем воин, с большим честолюбием и с некоторым налетом авантюризма), он несомненно сыграл бы большую роль в сибирском движении, если бы в самом начале своей карьеры не переоценил свой вес и влияние».

Но доклад Гришина о положении в Сибири произвел на Деникина благоприятное впечатление и, видимо, не зная, как с ним поступить, он решил пока командировать его в Румынию, с информацией об обстановке в Омске и вообще на востоке страны.

В это время в румынских Яссах открывалось так называемое Ясское политическое совещание между военными и дипломатическими представителями держав Антанты и США, с одной стороны, и русской делегацией — с другой. Совещание, учитывая поражение Германии и Австро-Венгрии в мировой войне, должно было выработать конкретные условия помощи союзников русским противобольшевистским силам и наметить меры к восстановлению России. Одним из первых шагов в этом

направлении была разработка программы политических и военных действий в Малороссии и Новороссии, оккупированных к тому времени австро-немецкими войсками. Необходимо было подготовить будущее военное вмешательство Антанты и замену австрийских и немецких контингентов на союзные войска.

В состав русской делегации входили представители Совета государственного объединения России, кадетско-октябристского «Национального центра» и Союза возрождения России. Председателем русской делегации был барон В.В. Меллер-Закомельский. В числе участников были А.В. Кривошеин, П.Н. Милуков, М.М. Федоров, В.И. Гурко, М.С. Маргулиес, И.И. Бунаков-Фундаминский, А.А. Титов, В.П. Рябушинский, Н.Н. Шебеко, А.И. Пильц, М.В. Брайкевич, К.Р. Кровопусков, С.Н. Третьяков и другие политические и общественные деятели. Большинство делегатов выехало на совещание из Киева 1 (14) ноября 1918 года.

Со стороны союзников на совещании были дипломатические представители этих стран в Румынии — английский посланник сэр Барклей, французский — граф Сент-Олер, Соединенных Штатов — Вопичко и итальянский поверенный в делах — Ауритти.

Совещание проходило в Яссах с 3 (16) по 10 (23) ноября, а затем по 23 декабря (6 января 1919 года) в Одессе.

Выезжая из Екатеринодара 29 октября 1918 года, Гришин-Алмазов познакомился там еще с одним членом русской делегации — представителем Добровольческой армии, известным политическим деятелем Василием Ви-

тальевичем Шульгиным²⁰. На их знакомстве и сотрудничестве настаивали генералы А.И. Деникин и А.М. Драгомиров. Гришин и Шульгин познакомились буквально на пути к вокзалу и, судя по всему, тогда не произвели друг на друга особого впечатления.

Ясская конференция проходила в здании русского консульства, в этом небольшом заштатном городке, где все еще находилось румынское правительство, перебравшееся туда после захвата Бухареста германцами. Сами румыны старательно игнорировали все заседания, видимо, чувствуя свою ответственность за недавнюю оккупацию и аннексию Бессарабии. Съехавшиеся из разных концов России русские политические деятели, в совокупности как бы представлявшие весь антибольшевистский общественный фронт, до хрипоты спорили и обсуждали положения предполагаемой программы действий союзников по помощи России, невзирая на то, что сами союзники, почти не присутствовали на заседаниях. Спорили о том, какую помощь должны дать союзники, о том, кто должен возглавить борющуюся против большевизма национальную силу, о том, насколько возможна вооруженная

²⁰ *Шульгин Василий Витальевич* (1878—1976) — один из лидеров российских националистов, монархист, талантливый публицист, член 2-й, 3-й и 4-й Государственной Думы. Один из тех, кто принял акт об отречении от престола в Пскове у императора Николая II. После Октября — один из организаторов и идеологов Белого движения, член «Особого совещания» при Деникине. С 1920 г. — в эмиграции. Автор ряда талантливо написанных книг — «Дни», «1920», «Что нам в них не нравится», «Три столицы». В декабре 1944 г. в Югославии арестован НКВД и препровожден в СССР. В заключении до 1956 года, затем жил во Владимире, где и умер. Посмертно вышла в 1990 году книга «Годы».

помощь со стороны Румынии. Милоков резко против этого возражал, утверждая, что вооруженная помощь Румынии может стоить окончательного отторжения уже захваченной ею Бессарабии. Спорили попутно и о многом другом, вызывая этим немалое удивление представителей держав Согласия.

Уже в первом обращении совещания к союзникам говорилось: «Только немедленный приход союзных вооруженных сил может предупредить восстание антисоциальных и узко-националистических элементов, которые повергнут страну в хаос анархии, сделают ее легкой добычей большевиков и лишат русские союзные силы необходимой базы для развития операций против Советской власти. Для поддержания бодрости среди русских сил, способных к организованному сопротивлению, необходима уверенность, что помощь союзников не замедлит. В ожидании, пока посылка более крупных сил станет возможной, некоторое количество судов, появившихся немедленно в гаванях Черного моря, как Одесса и Николаев, несколько отрядов войск в больших городах и в главнейших стратегических железнодорожных узлах было бы достаточно, чтобы на первое время поддержать эту надежду и удержать от выступления беспокойные элементы. Но нужно, чтобы эти первые проявления союзной помощи появились теперь же, в ближайшие дни».

Кстати на Яское совещание сам Гришин-Алмазов опоздал. Прибыв в Яссы, 26 ноября он узнал, что «почти все русские общественные деятели еще в субботу уехали обратно в Россию (в Одессу)», где с 25 ноября возобно-

вились совещания русской делегации, уже без союзников. Генерал бросился вслед за ними в Одессу.

17 (30) ноября и 18 ноября (1 декабря) на Яском совещании, уже перебравшемся к тому времени в Одессу, генерал-майор Гришин-Алмазов делает доклад о положении на востоке России, в котором он ярко обрисовал сложившуюся политическую и военную ситуации и в частности, особо указал на начинавшуюся проявляться все более неблагоприятную роль чехословацких войск во внутрироссийской смуте. Говоря о командном составе чехословаков, он охарактеризовал его следующими словами: «Начальники — все зеленая молодежь, которую нельзя было убедить, что надо обращаться к городским самоуправлениям и к русским властям за своими нуждами; что неприемлемо, чтобы они на каждый город смотрели, как на военную добычу. Исчезали целые поезда, тысячи сапог, чешская армия одевалась за счет сибирской». Эти «поручики в генеральских мундирах» — по его выражению, вошли во вкус неограниченной власти и, по существу, были господами положения. Своим поведением они развращали и русских воинских начальников, что вносило большое расстройство в гражданское управление краем.

Упомянул он, между прочим, и о политической линии Оренбургского атамана А.И. Дутова, приписав тому слова: «Пусть только придет Добровольческая армия, и для меня Уфа не будет существовать» (имелись в виду итоги Государственного совещания в Уфе, на котором было принято решение об объединении Самарского КОМУЧа и Сибирского правительства и создании Временного

Всероссийского правительства — директории). В записи П.Н. Милюкова эта фраза была не столь резкой: «Пусть призывает Добровольческая армия; я в ее распоряжении». (Кстати, сам Дутов тоже продолжал интересоваться судьбой Гришина-Алмазова, и в одном из своих писем в конце октября спрашивал у Деникина — прибыл ли к нему «Сибирский генерал», который должен был передать документы?)

Гришин-Алмазов присутствует на всех заседаниях, внимательно прислушивается к речам политических деятелей и дипломатов и знакомится с недавно назначенным французским консулом в Одессе, рыжеватым эльзасцем Эмилем Энно. Энно, в недавнем прошлом боевой офицер-танкист, а затем резидент французской разведки, был хорошо осведомлен в русских делах, работал при немцах в Кисеве и под влиянием В.В. Шульгина воспринял его точку зрения в русском вопросе. Именно Энно настоял перед французским посланником в Яссах графом Сент-Олсром пригласить Шульгина участвовать в этом совещании.

Во время совещания сам Шульгин валялся в постели с испанкой (тяжелой формой гриппа), которой он заболел еще в пути, и почти не появлялся на заседаниях. Совещание выработало текст обращения к населению Юга России с обещаниями немедленной помощи со стороны держав Антанты. Эмиль Энно, снабженный текстом этого обращения и полномочиями от союзных послов, не дожидаясь окончания работы совещания, выехал в Киев.

После многодневных дебатов участники конференции, наконец, выработали текст совместной резолюции

к правительствам держав Согласия с призывом «о немедленном приходе союзных вооруженных сил» на Юг России (в первую очередь в Одессу и Николаев) для поддержки антибольшевистского сопротивления. Было заявлено о необходимости восстановления «единой и неделимой России» в границах до 1914 года, но без Польши, непризнании «независимости и отдельного представительства государственных образований, созданных под германским влиянием и с целью раздробления России», поставлен вопрос об организации за границей дипломатического представительства существующих в России белых правительств и необходимости единого командования в борьбе с Советской властью. Участники совещания приняли решение об отправке особой делегации в европейские политические центры, которая отстаивала бы там положения, принятые в Яссах. Эта «малая делегация» должна была представлять все цвета российской политической радуги, и в состав ее вошли Милюков, Гурко, Третьяков, Титов, Кровопусков и Шебеко.

Глава VI

ОДЕССКАЯ ЧЕХАРДА

В то смутное время Одесса была сумбурным, суматошным городом с непрерывно менявшимися властями — большевики, германцы, гетмановцы, петлюровские самостийники, белые, французские интервенты. И вся эта «политическая свистопляска» проходила на фоне безудержной спекуляции, грандиозных афер, разнообразного

политического подполья и просто уголовного беспредела различных бандитов, во главе с некоронованным «королем Одессы» Мишкой Япончиком. В Одессе скопилось множество представителей аристократии, политической элиты, промышленников, финансистов, чиновничества и столичной интеллигенции, катившейся волнами, по мере наступления большевизма, из Петербурга в Москву, затем в Киев, а оттуда к берегам Черного моря.

После ухода в конце ноября оккупационных германо-австрийских войск власть в городе удерживалась немногочисленными и слабыми отрядами русских офицеров-добровольцев в количестве около полутора тысяч человек во главе с большим оригиналом генералом В.В. Бискупским²¹. Положение самого Бискупского было довольно щекотливым — формально он был назначен гетманом П.П. Скоропадским командующим 3-м Украинским корпусом. Но сам корпус существовал только на бумаге, а его добровольцы-офицеры не имели никакого желания защищать гетмана и его Украинскую державу и стремились влиться в ряды Добровольческой армии Де-

²¹ *Бискупский Василий Викторович* (1878—1945) — из потомственных дворян, муж известной певицы Анастасии Вяльцевой. Окончил 2-й кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Участник Русско-японской и Первой мировой войны. Командир 1-го лейб-драгунского Московского полка. Орден Св. Георгия 4-й ст. (1916). Генерал-майор (1916). Командующий 3-й кавалерийской дивизией (1917). С 1919 г. в эмиграции в Германии. Глава т.н. Западно-русского правительства в Берлине (июль—сентябрь 1919 г.). Участник Рейхенгалльского монархического съезда (1921). С 1936 г. — начальник Управления по делам русской эмиграции в Германии, генерал от кавалерии. Умер 18.06.1945 г. в Мюнхене.

никина. В то время в Одессе находился начальник местного центра Добровольческой армии адмирал Д.В. Нешоков к которому и тяготели все эти офицеры. Но сам Нешоков, не проявлял большой инициативы и считал, что, согласно указаниям Деникина, в оперативном отношении добровольцы должны подчиняться местному командованию, то есть Бискупскому.

В Одесском порту высадилась сформированная Деникиным в Екатеринодаре польская стрелковая дивизия под командованием генерала Люциана Желиговского, возвращавшаяся на родину. Поляки не имели желания вмешиваться во внутренние русские дела, не разбирались в той запутанной обстановке, что сложилась в городе, и стремились как можно скорее выехать домой. На город со стороны Вознесенска и Жмеринки двигались отряды петлюровского атамана Н.А. Григорьева, и вскоре ими были взяты Балта, Ананьев, Бирзула. Связь с Кисвом была прервана, и консул Энно остался в Одессе. Представители Антанты объявили Одессу, Николаев, Херсон и Крым зоной своих интересов и готовились ввести туда свой экспедиционный корпус. В последних числах ноября на рейде Одессы появились первые суда Антанты — французский линейный корабль «Мирабо» и несколько миноносцев.

3 декабря Энно получил телеграмму от генерала Бертело²² со следующим распоряжением: «Прошу вас пере-

²² *Бертело* (Berthelot) *Анри-Маттиас* (1861—1931) — французский дивизионный генерал (1914). Окончил Сен-Сирскую военную школу и академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны. Командовал 53-й дивизией и XXXII корпусом

дать главарям большевиков, а также Петлюре и Винниченко, что я их делаю лично ответственными за всякое враждебное выступление и всякое стремление нарушить спокойствие в стране...»

Банды Григорьева под «жовто-блакитным» флагом фактически «прошли» ряды войска Бискупского, даже не заметив его присутствия, и 7 декабря вплотную подошли к Одессе. Генерал Бискупский вступил в переговоры с пеглоровцами. В городе началась паника. Жители с ужасом представляли себе «прелести» жизни под властью погромно-самостийного атамана. Прибывший в ноябре в Одессу сербский полк отказался вступать в противостояние с Григорьевым, отряды польских легионеров также не хотели собственного уничтожения и заняли нейтралитет. Считавшиеся силами Антанты сербы и поляки заняли зону вокруг порта, чтобы в случае надобности быстро покинуть Одессу.

Минимальное сопротивление григорьевским бандитам еще пытались оказывать только немногочисленные офицерские дружины, у которых не оставалось никаких шансов на жизнь при победе погромного атамана. Офицеры надеялись только на ввод в Одессу французских войск или эвакуацию по морю в случае победы григорьевцев, и тоже начали стягиваться к порту.

под Вердепом. В 1916 г. — глава воспной миссии в Румынии. После разгрома румынской армии принял активное участие в ее реорганизации. В 1918 г. — командующий 5-й армией в Шампани, затем командующий Дунайской армией. В 1919 г. — командующий войсками Антанты на Юге России. В 1923—1926 гг. — военный губернатор Страсбурга.

В центре города стали вспыхивать перестрелки между польскими легионерами и оставшимися немецкими солдатами. Почувствовав полное ослабление власти, бандиты Мишки Япончика тоже перешли к активным действиям. Была брошена бомба в Русский театр во время спектакля для офицеров, совершены налеты на ряд гостиниц и на остатки немецких частей.

26 ноября (9 декабря) Григорьев предъявил ультиматум о сдаче Одессы. Гришин-Алмазов решил остаться в городе, но уйти в подполье. Петлюровские отряды под командованием И.М. Луценко вступили в Одессу 28 ноября (11 декабря) 1918 года. Они захватили железнодорожную станцию Одесса-Главная, вокзал и весь прилегающий район. Дружины белогвардейцев отошли и заняли зону в районе улиц, примыкающих к порту.

Порядка в городе от этого не прибавилось — окончательно распоясавшиеся бандиты Мишки Япончика и городское отребье штурмом взяли на следующий день Бульварный полицейский участок (Преображенская, 44) и выпустили оттуда 56 уголовных и политических заключенных.

Этого показалось мало, и вскоре разгоряченная толпа бандитов, босяков и рабочих с окраин направилась по Большефонтанской дороге к городской тюрьме. По дороге к ним присоединилась еще толпа налетчиков в несколько сот человек, во главе с самим Мишкой Япончиком, вооруженным до зубов. Скопище осадило тюрьму и, взорвав ворота, ворвалось во двор. Из тюрьмы было выпущено около 700 заключенных. Среди освобожденных были политические — большевики Голубенко, Соболев,

Панченко-Трюх, Южный-Горенюк, но основную массу составляли уголовники, в числе которых и опасные убийцы-изуверы. Япончик вызволил из заточения своего отца и младшего брата.

При разгроме тюрьмы была уничтожена канцелярия и все дела преступников. Охрана тюрьмы из 60 человек была буквально растерзана толпой, а начальник тюрьмы, запершийся в сарае, сожжен там заживо.

Новая петлюровская власть при этом продемонстрировала свою полную неспособность, а может быть, и нежелание навести порядок в городе. Это и не удивительно — сами григорьевцы мало чем отличались от бесчинствовавших в городе люмпенов. Хотя к тюрьме в конце концов был выслан петлюровский отряд, который успел пострелять в разбегающихся бандитов.

Характерный портрет типичного григорьевского воюки того времени оставила нам сестра милосердия Мария Нестерович-Берг: «Боже, что за тип! Высоченный, в огромной папахе, в длинной, до полу шубе, с винтовкой за плечами, ручные гранаты, два нагана и нагайка за поясом, в руках попросту дубинка, «украинская булава», — для разбивания голов несчастным жертвам. Пьян, еле на ногах стоит».

Через шесть дней после петлюровцев, 4 (17) декабря, в одесском порту высаживается первый эшелон французских войск — 156-я пехотная дивизия под командованием бригадного генерала Альбера Бориуса. Среди французов было немалое количество колониальных войск (зуавов) — сенегальцев и марокканцев, что затем долго служило предметом шуток одесситов. Они зани-

мают несколько улочек в районе порта и Николаевского (Приморского) бульвара, выставляют посты и объявляют здесь «нейтральную зону», над которой был поднят французский флаг.

Генерал А.С. Лукомский²³ писал затем: «французы, предполагали 5/18 декабря вступить в город с музыкой, но вследствие выяснившегося враждебного настроения петлюровцев, занимавших город, было решено первоначально очистить его от них.

Эта задача, под прикрытием огня с французских судов, была выполнена офицерским добровольческим отрядом, под начальством генерал-майора Гришина-Алмазова.

Потери добровольческого отряда исчислялись в 24 офицера убитыми и около 100 ранеными.

7 (20) декабря генерал Бориус, по соглашению с представителем Добровольческой армии, возложил на генерала Гришина-Алмазова обязанности военного губернатора Одессы».

Эти же события очень ярко и интересно описывает и ближайший сподвижник Гришина-Алмазова по Одессе

²³ *Лукомский Александр Сергеевич* (1868—1939) — из дворян. Окончил Петровский Полтавский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны. Генерал-лейтенант (1914). В 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего. Орден Св. Георгия 4-й ст. (1917). Участник Корниловского выступления. Начальник штаба Добровольческой армии с декабря 1917 по февраль 1918-го. Помощник главнокомандующего Добровольческой армией (1918). В 1919—1920 гг. Председатель Особого совещания. С 1920 г. в эмиграции в Югославии и Франции. Был помощником великого князя Николая Николаевича. Умер 25.02.1939 г. в Париже.

В.В. Шульгин. Приехав в Одессу, он поселился в «Лондонской», самой фешенебельной гостинице города, рядом с номером консула Энно, и стал непосредственным свидетелем и участником дальнейших событий.

«В Одессе среди русских командных лиц была не то что паника, но полная нерешительность. Выделился среди адмиралов и генералов недавно прибывший сибиряк Гришин-Алмазов. Очень зорко это понял Энно, сказав мне:

— Гришин-Алмазов производит на меня впечатление волевого человека.

Тем болсе было удивительно, как он это понял, ведь Гришин-Алмазов не говорил по-французски, все переводила будущая жена Энно...

И вот, по приглашению консула Энно, у него в номере состоялось совещание. Были приглашены все эти растерявшиеся русские генералы и адмиралы. В соседней комнате, мол, сидел Гришин-Алмазов, ожидая приглашения.

Энно в нескольких словах изложил присутствующим положение, т.е. анархию, безначалие.

— *Chere amic, traduisez!* (*Переведите.*)

Присутствовавшие выслушали, склонив голову, но не отвечали.

— Единственный человек, который производит на меня впечатление волевого характера, это генерал Гришин-Алмазов. *Chere amic, traduisez!*

И это выслушали растерявшиеся. Тогда пригласили генерала (он, собственно говоря, был полковником). Фамилия его была Гришин, Алмазов был псевдоним.

Вошел человек, явственно молодой для генерала. Одет он был в грубую солдатскую шинель, но с генеральскими погонами, широкую ему в плечах. Шапка, не сабля, была на нем пропущенная, как полагается, под погон. Он сделал общий поклон присутствующим. Энно предложил ему сесть. И снова повторил в его присутствии то, что говорил раньше.

— Chere amie, traduisez!

Сущность слов Энно состояла в том, что при безвластии в Одессе надо сконцентрировать власть в одних руках, а именно в руках генерала Гришина-Алмазова.

— Chere amie, traduisez!

Генерал Гришин-Алмазов, держа пашку между колен, обвел твердыми глазами «растерявшихся» и спросил:

— А все ли будут мне повиноваться?

«Растерявшиеся» ничего не сказали, но сделали вид, что будут повиноваться.

На этом собрание закончилось. Гришин-Алмазов стал диктатором в Одессе. Я увел его в свой номер. Там он сказал:

— Ну теперь мы посмотрим!

И, схватив кресло, сломал его.

Как я ни был печален, я улыбнулся.

— Александр Македонский был великий человек, но зачем же стулья ломать.

(Это из Гоголя, кажется. В скобках: Гоголь.)

За несколько дней до того, как Гришин-Алмазов стал диктатором в Одессе, небольшие отряды Добровольческой армии севернее Одессы были разбиты большевика-

ми. Они бежали и в Одесском порту захватили корабль «Саратов» и собирались уходить в Крым. К этим саратовцам явился новоиспеченный диктатор и сказал:

— Я назначен консулом Энно и представителем Деникина в Одессе Шульгиным главным начальником военных отрядов Добровольческой армии. Потрудитесь мне повиноваться.

Тут для меня впервые обозначилась магическая повелительная сила у Гришина-Алмазова. Повелевать — это дар Божий. Саратовцы подчинились. Диктатор в течение нескольких дней учил их, как простых солдат, умению повиноваться. Отшлифовав их таким образом, он бросил их в бой.

Против кого? Против большевиков, украинцев и примыкавших к ним, которые захватили Одессу, и в частности, «французскую зону», примыкавшую к гостинице, где жил консул Энно.

Саратовцы дрались прекрасно, но были малочисленны. К концу дня Гришин-Алмазов пришел ко мне:

— Формально мы победили, но потери есть. Если мы продержимся ночь, за завтрашний день я ручаюсь.

В это время явился адъютант Гришина-Алмазова, который был при нем неотлучно, кроме времени, когда сидел на гауптвахте.

— Ваше превосходительство, там один офицер, очень взволнованный, добивается увидеть вас немедленно.

— Просите.

Вошел офицер действительно совершенно, как у нас говорят, «расхристоченный». Он махал руками в воздухе, поддерживая «расхристанные» слова.

— Ваше превосходительство! Мы окружены со всех сторон. Противник дал нам для сдачи 10 минут.

Гришин-Алмазов холодно смотрел на взволнованного офицера. И сказал спокойно:

— Отчего вы так волнуетесь, поручик?

И вслед за этим загремел:

— Что это, доклад или истерика? Потрудитесь прийти в себя!

Это подействовало. Руки и ноги поручика успокоились, и он повторил уже без истерики то, что сказал раньше.

И Гришин-Алмазов успокоился и сказал:

— Вы говорите, что окружены со всех сторон. Но как же вы прорвались? Вот что. Возвращайтесь к посланному вас полковнику и скажите вашему начальнику: «Генерал Гришин-Алмазов, выслушав, что противник дал вам для сдачи 10 минут, приказал: дать противнику для сдачи 5 минут».

— Ваше превосходительство!

— Ступайте.

Поручик повернулся по-военному и пошел.

Я повторил вроде поручика:

— И что вы делаете, Алексей Николаевич?

Он ответил:

— Другого я ничего не мог сделать. У меня нет ни одного человека в резерве, кроме моего адъютанта. Я послал им порцию дерзости. Я хорошо изучил психику гражданской войны. «Дерзким» Бог помогает.

После некоторой паузы он повторил:

— Формально мы победили, если мы продержимся ночь, за утро я ручаюсь. А теперь пишите.

— Что?

— Приказ № 1.

— И что писать в этом приказе?

— Я поставил себя в полное подчинение генералу Деникину. Я умею не только приказывать, но и повиноваться. Пишите так, как написал бы Деникин, если бы он был здесь. Заявляю вам, что отныне вы моя «Деникинская совесть». Ухожу, чтобы вам не мешать.

Он ушел, я стал писать приказ № 1. Не думаю, чтобы Деникин так написал. Приказы того времени и в таких обстоятельствах обыкновенно начинались словами: «запрещается». Я, ощутив в себе тоже какую-то порцию дерзости, написал: «разрешается». Разрешается ходить по улицам днем и ночью. Когда возвратившийся Гришин-Алмазов прочел это, он посмотрел на меня вопросительно. Я сказал: «Это звучит гордо». Но ни один разумный человек не будет гулять по Одессе ночью — убьют и ограбят.

— Ну хорошо, дальше.

— Разрешается днем устраивать общественные собрания, где будут обсуждаться гражданами все важные дела, но в закрытых помещениях. Публичные митинги запрещены.

Гришин-Алмазов сказал:

— Наконец вы что-то запретили.

— Дальше опять будет либеральная политика. «Печать свободна».

— Да они Бог знает что будут писать.

— Не будут. Будут бояться. Назначьте несколько дельных офицеров в качестве необязательных цензоров. И они будут очень рады. (Надо отметить, что у генерала Гришина-Алмазова уже был опыт работы с воспной цензурой. Еще в августе 1918 года он занимался подготовкой Временных правил о специальной военной цензуре и специальном военном почтово-телеграфном контроле для Сибирского правительства в Омске. — *М.И.*)

В это время обсуждение приказа № 1 было прервано. Явился адъютант Гришина-Алмазова.

— Разрешите доложить.

— Докладывайте.

— По телефону звонят, что противник, которому было дано 5 минут для сдачи, сдался.

Надо было увидеть лицо адъютанта. Он смотрел на своего генерала, как на чудо. И в нем действительно было что-то чудесное. Он сказал радостно, но спокойно:

— Я хорошо изучил психику гражданской войны.

Фактически французская интервенция на Юге России началась. В одесский порт прибыли французские суда с небольшим числом французской пехоты. Во главе их стоял французский генерал Бориус. Они познакомились в моем присутствии. Я представил Бориусу Гришина-Алмазова, который сказал, кажется, по поводу украинствующих: «Ваши друзья — наши друзья. Но мы драться не будем».

На это Гришин-Алмазов ответил:

— На это мы и не рассчитываем. Драться будем мы.

Бориус спросил:

— А что вам нужно от меня?

— Несколько офицеров-французов.

— Зачем?

— Затем, чтобы они были свидетелями того, как мы будем драться.

Бориус очень обрадовался.

— Назначаю вас военным губернатором Одессы.

Генерал Бориус потребовал от петлюровцев, чтобы они очистили город. Получив отказ, он полностью доверился Гришину-Алмазову и его добровольцам. Французы оказали белым только огневую поддержку со своей эскадры. Уличные бои в городе шли в центре, районе вокзала, районе Нового рынка и Нежинской улицы.

В итоге инициатива Гришина увенчалась полным успехом. Через сутки, 5/18 декабря, город был полностью взят под контроль добровольцами, над Одессой был поднят трехцветный русский флаг, а петлюровцы отошли к северу и встали полукольцом вокруг города. Интересно, что в этот же день, пользуясь беспорядками и перестрелками в городе, одесские бандиты ограбили местное казначейство на сумму в миллион рублей.

Бориус был очень рад, что при занятии Одессы не была пролита французская кровь, и с тех пор стал полностью доверяться во всех делах новоиспеченному «диктатору Одессы».

Радуясь приходу французов и освобождению города от петлюровцев, одесские газеты запестрели приветствиями на русском и французском языках «дорогим друзьям

и союзникам» и лозунгами «Да здравствует единая Россия!». Разразился приветственной статьёй в «Одесском Листке» участник Ясского совещания, лидер кадетов П.Н. Милуков. Иван Бунин, проживавший тогда в Одессе, тоже написал специальное стихотворение по этому поводу:

22 декабря 1918 г.

*И боль и стыд и радость. Он идет
Великий день, — опять, опять варягу
Вручает обезумевший народ
Свою судьбу и темную отвагу.*

*Да будет так. Привет тебе, варяг.
Во имя человечности и Бога,
Сорви с кровавой бойни наглый стяг,
Смири скота, низвергни демагога.*

*Довольно слез, что исторгал злодей
Под этим стягом «равенства и счастья»!
Довольно площадных возжей
И мнимого народовластья!*

9 (22) декабря в Пресображенском кафедральном соборе отпели офицеров и солдат, павших в боях с петлюровцами, и с воинскими почестями похоронили на Военном кладбище.

Гришин-Алмазов, в официальном допесении на имя Деникина, красочно описал сложившуюся обстановку в городе, заверил его, что «нигде и ни при каких обстоятельствах не будет проводить политики иной, кроме указанной в директивах», и попросил утвердить его в должности военного губернатора Одессы и прилежащего рай-

она. Дспикин вскоре утвердил его и приказал произвести там призыв офицеров и двух возрастных классов, «руководствуясь условиями местной обстановки».

Дел же у «диктатора», как и в бытность его управляющим Военным министерством ВСП, было невпроворот... Необходимо было налаживать гражданскую жизнь в Одессе, выбрать вместе с Шульгиным ответственных лиц для занятия министерских должностей в создаваемом одесском «правительстве», покончить с бандитизмом и уголовщиной на улицах города и, самое главное, необходимо было немедленно занять уезды, прилегающие к городу, выйти на стратегический простор и начать наступление на Херсон, Николаев и другие южные части Новороссии, прилегающие к Черному морю. Между тем генерал Бориус, получив приказание от своего высшего командования занять лишь Одессу, категорически отказался развертывать дальнейшее наступление и запретил выполнять эту операцию добровольческими частям.

Одесса между тем задыхалась в кольце блокады. Власть Гришина распространялась лишь на город, а уже ближайшие деревни были заняты петлюровскими отрядами. В их руках было даже начало городского водопровода. В городе остро ощущался недостаток продовольствия и фуража, цены нисомверно росли, и это вызывало недовольство населения белыми и французскими интервентами. Гришин понимал, что ликвидировать продовольственный кризис возможно, только заняв прилегающие уезды, богатые хлебом и являвшиеся ближайшим рынком Одессы, и открыв железнодорожное сообщение с Румынией, где оставались большие запасы русско-

го имущества бывшего Румынского фронта. К январю 1919 года он располагал силами в количестве 1600 штыков, 56 сабель при 10 орудиях. Французский гарнизон состоял из бригады пехоты с артиллерией и техническими частями и конного полка. Этих сил было вполне достаточно для расширения зоны, учитывая крайне низкое моральное состояние петлюровских отрядов и их постепенное разложение. Определенные надежды были и на оставшиеся еще в Николаеве немецкие войска в количестве 25 тысяч человек, блокированные в городе и окончательно затравленные петлюровцами.

Связь между Екатеринодаром, Новороссийском и Одессой была очень плохая, донесения и распоряжения из деникинской ставки приходили с большим опозданием. Деникинское командование питалось различными слухами о происходящем в Одессе, в частности, о стремлении образовать там какое-то особое «правительство» для юго-западной России. Волновала и позиция французского командования в Одессе. Чтобы разобраться на месте во всех этих вопросах, 15/28 декабря Деникиным был командирован в Одессу генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский, помощник главнокомандующего Добровольческой армией.

Вот, что писал затем Лукомский:

«В Одессе я нашел обстановку крайне сложной.

Генерал Бориус мне сказал, что в ближайшем будущем ожидается прибытие в Одессу генерала Д'Ансельма, который примет командование над всеми союзническими войсками, направляемыми на юг России; что он, конеч-

но, будет иметь исчерпывающую директиву и что тогда будут устранены все недоразумения.

Ясно было, что до приезда генерала Д'Ансельма совершенно бесполезно убеждать генерала Бориуса изменить характер его действий, ибо он точно руководствуется полученной им инструкцией.

Во внутренние дела по управлению в Одессе и в распоряжения о мобилизации в городе Одессе генерал Бориус не вмешивался, предоставляя генералу Гришину-Алмазову полную самостоятельность.

Но из слов генерала Бориуса я понял, что представители различных общественных групп, находившихся в Одессе, очень недовольны полным подчинением русской администрации в Одессе генералу Деникину и состоящему при нем Особому совещанию и неоднократно ему заявляли, что власть в Одессе необходимо построить на автономных началах, так как управлять всем из Екатеринодара невозможно.

Из доклада генерала Гришина-Алмазова я узнал, что он вследствие постоянного перерыва сообщений с Новороссийском и необходимости наладить в Одессе правительственный аппарат образовал при себе особый орган для разрешения возникающих вопросов в составе отделов: гражданской части, торговли и промышленности, морского, юстиции, народного просвещения, путей сообщения, финансов, продовольствия и контроля.

Из дальнейшего доклада ясно выяснилось, что и генерал Гришин-Алмазов полагает необходимым, основываясь на мнении представителей общественных кругов и различных организаций, иметь в Одессе особое автоном-

ное правительство, которое должно руководствоваться лишь общими директивами от генерала Деникина.

Мотивами для такого предположения Гришин-Алмазов выставил: отсутствие должной связи с правительством (Особым совещанием) генерала Деникина; совершенно исключительное значение Одессы в торгово-промышленном отношении и в отношении правильного направления деятельности морского транспорта через правления пароходных обществ, которые все сосредоточены в Одессе; исключительное значение Одессы в смысле установления товарообмена с границей; особое значение Юго-Западного края, который, по мере освобождения от большевиков, будет тяготеть к Одессе, и, наконец, необходимость представителю главнокомандующего самому иметь право распоряжаться распределением денежных ассигнований, пользуясь имевшейся в Одессе экспедицией заготовления денежных знаков, так как опять-таки при отсутствии связи с Новороссийском и Екатеринодаром не будет никакой возможности своевременно испрашивать необходимые кредиты.

Затем генерал Гришин-Алмазов указал еще на то, что местные условия в Одессе и на юго-западе России настолько отличны от района действия Добровольческой армии на Северном Кавказе, что решать вопросы, относящиеся до Новороссии, в Екатеринодаре вряд ли будет возможно, — вследствие невозможности своевременно знать в Екатеринодаре о том, что делается в Одессе.

Я, соглашаясь с трудностью решать все вопросы, касающиеся Одессы и Юго-Западного края из Екатеринодара, категорически отверг допустимость образования

в Одессе какого-то автономного правительства, которое своими мероприятиями могло бы совершенно разойтись с тем направлением основных вопросов, которое будет проводиться генералом Деникиным через состоящее при нем Особое совещание.

Я указал, что вопрос должен был быть разрешен так: действующее при Гришине-Алмазове совещание должно быть сохранено, но исключительно в качестве совещательного органа, без правительственных функций, кои принадлежат лишь самому Гришину-Алмазову в пределах предоставленных ему полномочий.

Для неотложных и непредвиденных расходов он должен испрашивать достаточный кредит.

В случаях неотложной необходимости или перерыва связи с Новороссийском и Екатеринодаром он должен самостоятельно принимать решения, донося немедленно генералу Деникину.

Это решение, ставшее, конечно, сейчас же известным в Одессе и впоследствии (1/14 января 1919 г.) подтвержденное телеграммой генерала Деникина, не удовлетворило многих из общественных деятелей, некоторые политические организации, пароходные общества и торгово-промышленные круги».

Среди этих «неудовлетворенных» и ставших в оппозицию к военному губернатору организаций, в первую очередь был Совет государственного объединения, чьи представители принимали активное участие в совещании в Яссах. В те дни, когда решался вопрос об одесской власти и шли перестрелки на улицах города, бюро Совета укрылось в Крыму, теперь же, возвратившись в

Одессу, они стали ставить вопрос перед французским командованием о своем участии во власти и попутно требовать у Гришина-Алмазова субсидий на свою работу в Одессе и за границей (эти субсидии, кстати, исчислялись в десятки миллионов рублей). Член бюро Совета государственного объединения М.С. Маргулиес²⁴ с князем М.А. Куракиным побывали в декабре в Бухаресте, где заявили французам о желательности образования в Одессе Юго-Западного правительства, сперва хотя бы в форме совета при французском командовании. Свои претензии к губернатору были и у «Национального центра», Союза возрождения России, Совета земств и городов Юга России. Все они проводили бесконечные заседания, ставили вопросы о созыве Государственного совещания в Одессе, замене губернатора-диктатора директорией из трех лиц, лезли со своими предложениями «от лица общественности» к французским генералам и т.д.

Шульгин вспоминал об этом, в своем стиле: «Этого было достаточно для моего личного «зигзага». По времени он обозначился в начале 1919 года, когда я мог наблюдать в Одессе еврейскую работу против Добровольческой армии, персонифицировавшейся в лице талантливого генерала Гришина-Алмазова. При нем я был, так

²⁴ *Маргулиес Мануил Сергеевич* (1868—1939) — адвокат, прижизненный поверенный, видный масон. Окончил юридический факультет Новороссийского университета (1887) и медицинский факультет в Париже (1897). Член партии конституционных демократов (КД). Гласный Петроградской городской думы. Участник Ясского совещания. После отъезда из Одессы в 1919 г. был министром торговли и снабжения в Северо-Западном правительстве при генерале Н.Н. Юдениче. В эмиграции во Франции. Автор воспоминаний «Год интервенции» (Берлин, 1923).

сказать, на ролях «действительного тайного (и явного) советника». Это было, как известно, во время французской интервенции. Разложение пришедшей в Одессу французской армии было сделано в значительной мере антибелым жужжанием Одессы-мамы. А ведь никаких погромов еще тогда не было».

Свою лепту добавляли и другие партии и группы — от монархистов и оставшихся не у дел бывших деятелей гетманского режима до законспирированных украинских организаций. Причем все эти организации, как и положено в столь необыкновенное время, имели свои контрразведки, разведки или осведомительные органы. Если к этому добавить, что все эти контрразведки иногда работали одновременно на нескольких хозяев (М.С. Маргулис свидетельствовал, что одна и та же контрразведка обслуживала и немцев и Украинскую народную громаду, а другая работала одновременно на французов, на Гришина-Алмазова и, за особую плату, делилась сведениями с Советом государственного объединения), то получается очень яркая картина различных влияний, интриг, происков и подковерной борьбы за власть в одном отдельно взятом городе.

Глава VII

«ДИКТАТОР» ЗА РАБОТОЙ

Для решения внутренних городских проблем в Одессе Алексей Николаевич Гришин-Алмазов создал «правительственный аппарат» в составе восьми отделов

(иногда называемых «министерствами») — юстиции, путей сообщения, финансов, народного просвещения, торговли и промышленности, гражданской части, морского и продовольствия и контроля. Во главе этого аппарата, или гражданского управления Одессы, встал один из участников Ясского совещания А.И. Пильц²⁵ (он же стал управляющим внутренними делами). Постепенно и с большим трудом начало налаживаться гражданское управление города.

При штабе войск Добровольческой армии Одесского района были организованы политическое и разведывательное отделения, управления начальника снабжения войск армии Одесского района, заведующего передвижением войск, а также личная канцелярия военного губернатора Одессы. Начальником снабжений белой армии Одесского района 21 декабря 1918 года был назначен генерал-майор Н.М. Дедов. Ему были подчинены все отделы хозяйственного управления бывшего 3-го Украинского корпуса гетманской армии и всех хозяйственных учреждений Одесского района, всех учреждений Земского союза, Союза городов, Красного Креста, Украинского хлебного бюро и уполномоченного по ликвидации имущества военного времени в Херсонской губернии и Одессе.

²⁵ *Пильц Александр Иванович* (1869—1944) — юрист, действительный статский советник. Окончил училище правоведения (1893). В 1910—1916 гг. могилевский губернатор. С 14.02.1916 г. по 15.03.1916 г. — товарищ министра внутренних дел. В 1916—1917 гг. иркутский генерал-губернатор. Эвакуировался из Ялты осенью 1920 г. В эмиграции в Болгарии. Умер 25.10.1944 г. в Софии.

Начала действовать белая контрразведка, и открыл работу филиал деникинского Освага (Осведомительного агентства). Из профессуры Новороссийского университета была создана комиссия по национальным делам во главе с В. Шульгиным.

Шульгин возобновил в Одессе издание газеты «Россия», основанной им в Екатеринодаре. В газете в №1 за 1919 год появилось «Открытое письмо г. Петлюре» Василия Шульгина — яркий образец политической публицистики, во многом не потерявший актуальности до наших дней. Пожалуй, стоит привести его здесь полностью, как документ, прекрасно иллюстрирующий сложившуюся обстановку на Украине:

«Открытое письмо г. Петлюре

Милостивый государь!

Ровно год тому назад, когда Киев, как и сейчас, сжимался кольцом большевиков, ко мне явился некий господин из французской миссии по имени Ningler, который заявил мне следующее:

“Украинцы разделились. Явно изменническая политика Грушевского и Винниченко, продавшихся или предавшихся немцам, глубоко возмущает г. Петлюру, почему он тайно организовал новую младоукраинскую партию (Jeune Ukraine), которая желает работать с Антантой и быть в теснейшей связи с Россией.

Друзья Петлюры желали бы переговорить с Шульгиным и поискать, не найдется ли у русской партии города Киева общих с ними точек соприкосновения”.

Тогда я не знал, кто такой г-н Ningler, как не знала его французская миссия, доверявшая ему. Теперь этот господин на совершенно определенном счету, и, кажется, ему грозит суд. Но тогда этого никто не знал, и я согласился при его посредстве познакомиться с друзьями г. Петлюры.

От них я узнал:

“Петлюра хочет порвать с Грушевским и Винниченко. Они, в сущности, большевики, а кроме того, всецело преданы интересам Германии и ненавидят Россию. Он же, Петлюра, имеет только двух врагов: немцев и большевиков... и только одного друга — Россию. Поэтому разрыв неминуем”.

Выслушав с интересом заявление о рождении “Молодой Украины”, я спросил, чем я могу быть ей полезен.

Мне ответили, что Киев в страшной опасности и что украинцы своими силами защитить его не могут, ибо украинские войска — это одно недоразумение: они стихийно переходят на сторону большевиков; что около меня, как редактора “Киевлянина”, группируется очень много русских офицеров и что я мог бы помочь защите Киева, если бы, заключив соглашение с “Молодой Украиной”, направил русских офицеров в украинские части.

Подумав, я ответил, что ввиду опасности, угрожающей моему родному городу, я готов заключить соглашение с “Молодой Украиной”, и условия мои не будут тяжелы. При этом я подчеркнул, что, вероятно, эта минута никогда не повторится уже больше (в смысле уступчивости в политических требованиях).

Мои условия были следующие:

1) Эту страну, в которой мы живем и о которой спорим, обе стороны будут называть “Русью-Украиной” (Russie-Ukraine), а народ, ее населяющий, — “русско-украинским”. 2) Будет провозглашено равноправие языков русского и украинского. 3) Офицеры, которыми хотят воспользоваться, образуют русский полк, во главе которого станет русский генерал. Затем следовали технические условия формирования. Все это было изложено мною в письменной форме.

Не знаю, показались ли эти условия неприемлемыми, или по другим причинам, но дальше разговоров дело не пошло. Однако за два дня до вступления большевиков сам собой образовался русский отряд, под прикрытием которого Вы, милостивый государь, убежали из Киева.

И вот тут-то начинается Ваша история, столь противоречащая заявлениям Ваших друзей младоукраинцев.

Вы утверждали, что немцы — Ваши злейшие враги. Однако это не помешало Вам действовать с ними в добром согласии, когда “староукраинцы” осуществили давно задуманный ими изменнический план и позвали немцев в Киев. Вы, милостивый государь, торжественно вступили в Киев с ничтожной горсточкой Вашего украинского отряда за полчаса до того, как “украинскую” столицу заняли немцы. Ни малейшего сопротивления, хотя бы даже в виде газетной статьи, которую позволил себе написать Ваш покорный слуга, Вашим “злейшим врагам” Вы не оказали.

Правда, Вас скоро посадили в тюрьму, но ведь то же самое произошло и со “староукраинцами”, преданнейшими друзьями немцев, и доказывает лишь одно: у нем-

цев нет друзей, и есть только слуги, которых наказывают, когда они провинятся.

Таким же покорным рабом немецких велений был и гетман Скоропадский, опозоривший свою звонкую фамилию. Однако, когда “Его Светлость” слышал, что из Одессы должен прибыть некто, кто посильнее и кто требует единой России, он пробовал пропищать что-то несогласное с планами немцев.

“Взбунтовавшегося раба” решено было немедленно наказать. И тогда из тюрьмы выпустили Вас, милостивый государь. Вам приказали съесть Скоропадского. В Киеве прекрасно известно помещение, где заседали совместно украинцы (уже переставшие делиться на молодых и старых), немцы и большевики. На этих совместных заседаниях и было все решено. Немцы, обратив внимание на огромное число военнопленных, голодных и полуголодных, бродивших по стране, предложили Вам накормить, одеть и вооружить этих людей. Для этого они открыли Вам шестьсот складов, находившихся в их распоряжении на территории “Украины”.

Так и образовалась, милостивый государь, Ваша армия при деятельной помощи “злейших врагов Ваших” — немцев.

Но этого мало. Во главе этой армии Вы поставили австрийских офицеров. Во главе Киева и сейчас по Вашему назначению беснуется капитан австрийской службы и, по всей вероятности, давнишний германский шпион, как большинство Ваших сотрудников, — г. Коновалец.

В дополнение картины вернувшийся из Берлина Шелухин сделал доклад Директории, из которого явствует,

что он, Шелухин, подписал от имени Украинской Республики союзный договор с Германией. При этом Директорией было высказано, что единственный настоящий друг Украины — это немцы и что поэтому Германии нужно держаться во всяком случае. Должен сознаться, что в этом случае Директория не ошибается.

Из этого, милостивый государь, я заключаю, что Вы обманывали Ваших друзей, младоукраинцев, заявляя им, будто немцы — Ваши злейшие враги.

Теперь перейдем к большевикам, с которыми Вы будто бы боретесь. В этом случае очень характерен рассказ, обошедший все газеты, про то, как Вы “ссорились” с Винниченко.

“Дошло до того, что Петлюра... выхватил револьвер!”

Трагическое происшествие. Но не следует пугаться. Кроме “выхватывания” ничего больше и не будет.

Вы всегда будете только “выхватывать” револьвер, но никогда не пустите его в дело. Почему?

Да потому, что все Ваши ссоры — это одна комедия.

Разве Вы не подписывали квитанцию о том, что каждый Ваш солдат получит 25 десятин земли? Разве Вы не понимали, что это чисто большевистский отвратительный прием самого низкого разбора.

Пулю в лоб Вы дадите этим несчастным, обманутым мужикам, а не землю. А меж тем обманутые надежды, раздраженная жадность, когда Ваш обман обнаруживается, заставляет их бросаться на грабеж, насилие, убийства, чтобы чем-нибудь залить чувство обиды, которую Вы нанесли им Вашими обманчивыми обещаниями.

Генерал Бертело недаром публично признал Вас виновником всех ужасов, совершающихся по краю. Да, Вы — причина всех этих ужасных убийств и зверств, которым подвергается интеллигенция в городах и все мало-мальски зажиточное крестьянство. Это Вы Вашими воззваниями и обещаниями натравили на них преступные или неустойчивые элементы.

Нет, большевики отнюдь не “злейшие враги” Ваши. Это тот элемент, из которого Вы почерпнули Ваши войска, и Вы воевать с ними не можете. Они убьют Вас (если Вы не убежите), как только Вы попытаете оказать им какое-либо сопротивление. И они будут правы. Нельзя так бессовестно обманывать массы, как Вы это делали.

Вы утверждаете, что Вы боретесь с московскими большевиками. Но борьба с Лениным вовсе не есть борьба с большевизмом, если вместо Ленина в Киеве будет г. Винниченко — Ваш друг и приятель. Они отличаются так мало друг от друга, что, в конце концов, еще большой вопрос, что лучше: Ленин ли, уже напившийся крови, или Коновалец, капитан австрийской службы, только что начавший кровавую оргию.

Из всего этого я делаю заключение, что Вы обманывали Ваших друзей младоукраинцев и в том случае, когда говорили, что большевики Ваши злейшие враги. Вы, как Марта Шверлейн, готовы вступить в союз “хоть с самим сатаной”, лишь бы Вам парадировать на экране политической жизни.

И, наконец, перейдем к третьему Вашему утверждению: “Россия — Ваш единственный друг”.

Было бы смешно, если бы не было так больно говорить об этом сейчас.

Вы отлично знаете, что по переписи 1917 г. 62 процента населения города Киева считают родным своим языком русский язык, и только 9 процентов — украинский.

И вот Вы, называющий себя демократом, в угоду этим 9 процентам запретили все русские газеты, сняли или варварским образом уничтожили все вывески и надписи на русском языке, заменив их безграмотным жаргонном галицийского происхождения. Под страхом смертной казни Вы запретили в русском городе Киеве, который считается колыбелью Руси, Вы запретили всякое проявление национальных стремлений, называя это государственной изменой. Подкованный сапог Коновальца, австрийского капитана, измывается над несчастным русским городом, должно быть, во исполнение программы президента Вильсона “о правах народов”.

А что сделали Вы с русскими офицерами, помощи которых Вы просили год тому назад и, кто знает, не просите ли сейчас?

Захватив в плен город, сданный Вам презренным Скоропадским, Вы по тайному списку, составленному Коновальцем, расстреливаете по ночам беззащитных людей. Вы заперли их в музей, заманив туда обманном образом, и обрушили на их головы стеклянный потолок, искалечивши сотни людей, доверившихся великодушию Петлюры. Вы арестовываете их по всем дорогам, когда они бегут из Киева, сделавшегося огромным застенком.

И вся та бешеная ненависть к России, которая проявляется в каждом слове Ваших друзей, которая струится

со страниц печати, которой полны Ваши воззвания, — о чем свидетельствует все это?

Точно об одном: Вы злейший враг России.

Я кончаю. Цель настоящего моего открытого письма сказать Вам перед лицом России и Франции, что Вы или бессовестный обманщик, или ничтожный человек, которым руководят другие. Горе тем, кто пойдет с Вами и доверится Вам. Вы предадите их в самую трудную, самую последнюю минуту, как Керенский, на которого, говорят, вы очень похожи, как Керенский предал Корнилова».

«Россия» (одесское издание) № 1, 1919 г.

Тем временем Алексей Николаевич Гришин решил навести элементарный порядок в Одессе, избавить ее от распоясавшихся бандитов, которые устроили в городе настоящий «тихий погром». Помимо крупной буржуазии и остатков аристократии, которые обкладывались «данью» и служили объектами воровских налетов, жертвами одесских воров частенько становились и добровольческие офицеры, которых бандиты обычно подкарауливали при выходе из ресторанов, театров и кабаре, для того чтобы ограбить, избить или убить их. Бандиты настолько обнаглели, что стали совершать налеты прямо среди бела дня, на Дерибасовской.

В ответ на бандитский террор военный губернатор Одессы объявил войну бандитам. В предместья Одессы, где в основном располагались бандитские «малины», были введены воинские подразделения и броневики. Бандитов нещадно расстреливали на месте преступле-

ния. Начались широкомасштабные облавы на одесских «жиганов», во время которых «отстреливались» все подозрительные. Так, 27—29 декабря 1918 года произошло «разоружение Сахалинчика» (район Одессы) — было изъято 30 винтовок и револьверов и совершена облава на Молдаванке, при которой было арестовано около сорока человек. 12 февраля 1919 года произошел расстрел восьми налетчиков, обнаруженных на месте преступления на улице Госпитальной.

Эта борьба Гришина с уголовными элементами очень напоминала приписываемую молвой такую же борьбу с уголовщиной советского маршала Г.К. Жукова в послевоенной Одессе, ярко и увлекательно показанную в известном телесериале «Ликвидация».

В интервью газете «Одесские новости» в январе 1919 года Гришин-Алмазов сетовал: «То, что происходит сейчас в Одессе, внушает серьезные опасения... Одессе в наше безумное время выпала исключительная доля — стать убежищем всех уголовных знамен и главарей преступного мира, бежавших из Екатеринослава, Киева, Харькова».

Почувяв наличие хоть какой-то твердой и дееспособной власти, 31 января 1919 года на прием к генералу пришла депутация одесских торговцев и членов биржевого комитета, которые пожаловались ему на участившиеся случаи вымогательства, налетов и грабежей. Гришин-Алмазов попросил передавать ему письма бандитов с требованиями денег. Несколько таких писем члены делегации тут же передали военному губернатору, с надеждой на защиту от террора уголовных.

Борьба Гришина против бандитизма была столь жестокой, что «король» одесской уголовщины Мишка Япончик (послуживший впоследствии прообразом Бени Крика из «Одесских рассказов» И. Бабеля) направил губернатору Одессы умоляющее письмо-просьбу. В нем были такие строки: «Мы не большевики и не украинцы. Мы уголовные. Оставьте нас в покос, и мы с вами воевать не будем. Какое вам дело, что мы грабим? В Одессе есть тайные игорные дома, где ведется большая игра. Деньги мало что стоят. Ведется игра на драгоценности: брошки, серьги, золотые портсигары. Вот этих мы и грабим. Неужели вы их будете защищать?».

Но генерал не принял бандитского предложения...

Прочтя письмо Япончика, Гришин-Алмазов сказал Шульгину:

— Не может диктатор Одессы договариваться с диктатором уголовных.

И ничего не ответил ему.

Война продолжилась. Для широкомасштабных облав стали использоваться французские и греческие солдаты из союзнических войск. Вскоре было закрыто 44 притона бандитов, которые именовались буфетами, паштетными, трактирами.

С тех пор на Гришина-Алмазова уголовные устроили охоту — его машину стали обстреливать. Один раз это случилось, когда он ехал с В.В. Шульгиным. Охоту устроили также на гришинского министра внутренних дел А.И. Пильца.

Об этом периоде очень интересно и с присущим ей мягким юмором написала в своих воспоминаниях известная писательница Тэффи²⁶:

«Пока подходили большевики, горожан исподволь грабили бандиты, ютившиеся в заброшенных каменоломнях, образовавших целые катакомбы под городом. Гришину-Алмазову пришлось даже вступить в переговоры с одним из предводителей этих разбойников, знаменитым Мишкой-Япончиком. Не знаю, договорились ли они до чего-нибудь, но сам Гришин мог ездить по городу только во весь дух на своем автомобиле, так как ему обещана была «пуля на повороте улицы».

Один подобный случай описал Шульгин:

«Я жил далеко, на так называемой Молдаванке. Место сквернос. Но там мне отвели уютный двухэтажный домик. Верхний этаж занимал я с семьей. Нижний — так называемая “Азбука”²⁷. Это было общежитие из молодых офицеров, которых я посылал иногда, а вместе с тем они меня охраняли, были вооружены винтовками.

Итак, Гришин-Алмазов приказал подать машину. Машина подкатила к входным дверям Лондонской гостини-

²⁶ Тэффи (1872—1952) — псевдоним Надежды Александровны Лохвицкой, известной русской поэтессы и писательницы. Сотрудничала в журналах «Сатирикон» и «Новый Сатирикон». Ее называли «королевой русского юмора». В 1919 г. жила в Одессе. С 1920-го в эмиграции в Париже. Автор нескольких сборников рассказов и воспоминаний. Умерла 6.10.1952 г. в Париже. Похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

²⁷ «Азбука» — конспиративная, информационно-разведывательная сеть, работавшая на Добровольческую армию, созданная в годы Гражданской войны В.В. Шульгиным.

цы. В это время раздался залп по дверям. Одна пуля за- села в притолоку. Гришин-Алмазов загремел:

— Машина, потушить фары!

Фары потухли. Мы сели в машину и помчались. Благо- получно доехали до моего домика на Молдаванке. Гри- шин-Алмазов поехал к себе. Через несколько минут я ус- лышал выстрел невдалекс. Я сбежал вниз и скомандовал:

— В ружье!

Гришина-Алмазова обстреляли.

Они побежали. Все стихло.

В руках у них была пина от машины, пробитая пулями.

— Мы нашли это недалеко.

Еще через некоторое время позвонил телефон.

— Да, это я, Гришин-Алмазов, меня обстреляли не- далеко от вас, но в общем благополучно.

На следующий день я узнал, засада была недалеко от моего дома на Молдаванке. После залпа шофер круто свернул в проулок. Так круто, что Гришин-Алмазов вы- летел из машины. Но успел вскочить обратно и доехал домой».

Кстати, бесстрашный шофер Гришина-Алмазова, не- однократно вывозивший его и Шульгина из-под пуль, был евреем, безупречно служившим уже одиннадцатой одесской власти, как рассказывал он сам последнему.

Для собственной безопасности Гришин-Алмазов, как только стал у власти в Одессе, набрал себе конвой, или охрану из семидесяти человек.

Обратимся опять к воспоминаниям Шульгина:

«Эти семьдесят человек были набраны из татар и под- чинялись Масловскому, тоже из татар. Где их откопал

Гришин-Алмазов, не знаю. Но они все во главе с Масловским принесли на Коране присягу защищать Гришина-Алмазова. И все время, пока он был у власти, за ним неотступно, тесно за спиной, шел татарин с винтовкой, который убил бы всякого, кто бы покушался на Гришина-Алмазова».

Шулыгин вспоминает такой случай, красноречиво свидетельствующий как о конвойских нравах, так и о личности самого Гришина:

«В передней, надевая шинель, он еще говорил о Ницше, но, выйдя на крыльцо, сказал:

— Простите, мне необходимо нацукать свой конвой.

“Цукать” было необходимо потому, что ночью эти татары убили одного из своих. Он что-то украл. Кража у татар хуже убийства.

Странно, я не помню, какими словами Гришин-Алмазов “цукал” свой конвой. Но я помню звук его голоса, трещащий вроде пулемета. И помню лица этих татар: они были бледны, как будто действительно попали под пулемет.

Мне невозможно это понять, чем он их так напугал. Это кончилось очень быстро. Мы сели в машину, и разговор о Ницше продолжался. Я понял, что он, Гришин-Алмазов, настоящий диктатор. Он имел какие-то гипнотические силы в самом себе, причем он бросал гипноз по своему собственному желанию. Никогда, например, он не пробовал гипнотизировать меня. Наоборот, ему приятна была моя свободная мысль. Но адьютанты его, их у него было четыре, конечно, стояли под его гипнозом, хотя и не чувствовали этого.

Впрочем, из них, из четырех, один постоянно сидел на гауптвахте.

Применял он, я бы сказал, какой-то мирный гипноз к людям, его посещавшим. Сколько бы их ни было, он принимал всех. С часами на руках. Прием продолжался три минуты. Полминуты уходило на здоровканье (рукопожатие), две минуты на изложение дела. И еще полминуты, когда он говорил:

— Все, что вы сказали, чрезвычайно интересно. Прошу вас изложить это письменно. До свидания!»

Помимо борьбы с уголовщиной, Гришину-Алмазову, естественно, приходилось бороться и с разнообразным революционным подпольем, окопавшимся в Одессе, — большевиками, анархистами, эсерами, бундовцами, украинскими националистами и проч. Непосредственное руководство этой борьбой Гришин возложил на пробравшегося недавно в Одессу из Советской России высочайшего профессионала своего дела — следователя по особо важным делам В.Г. Орлова²⁸, который был назначен начальником одесской контрразведки.

²⁸ Орлов Владимир Григорьевич (1882—1941) — юрист, действительный статский советник. Участник Русско-японской войны. Во время Первой мировой войны следователь по особо важным делам при штабе Западного фронта. После революции, по заданию генерала М.В. Алексеева, под именем Болеслава Орлинского, работал в Петроградской следственной комиссии, где познакомился с нелегальным агентом английской разведки Сиднеем Рейли, отношения с которым поддерживал до 1925 г. В Одессе находился с середины января по начало апреля 1919 г. В эмиграции с 1920-го в Германии и Бельгии, не прекращал тайной войны с Советами. Убит гитлеровцами после оккупа-

Это революционное подполье нередко настолько тесно сплеталось с бандитскими элементами, что невозможно было различить — где кончается обычная уголовщина, а где начинается политический террор. Яркий пример этому — совместная деятельность того же Мишки Япончика (Моисея Винницкого), будущего красного комбрига Григория Котовского и анархиста Анатолия Железнякова (матроса Железняка) в борьбе с белой властью и французскими интервентами, борьбе, не гнушавшейся никакими средствами, вплоть до ограбления банков и тайных убийств из-за угла. Мишка Япончик на полном серьезе уверял анархиста Алешу (Израиля Улановского) за выпивкой: «У нас с тобой одна цель — бороться с капиталистами, только средства разные...»

Весь этот бандитско-политический альянс был плотно завязан на спекуляцию и различные торговые аферы с партиями ворованного оружия, боеприпасов, обмундирования и продовольствия. Интересно, что среди этих темных дельцов, обычно обдeldывавших свои гешефты в знаменитом кафе «Фанкони», находился близкий приятель Япончика, а впоследствии один из создателей и руководителей системы ГУЛАГа в СССР и кавалер трех орденов Ленина Нафталий Френкель.

Япончик распространял слухи о том, что под его началом имеется «армия» в десять тысяч человек. Конечно, это преувеличение, в лучшем случае он мог собрать одну треть от названного количества, но и этого было немало.

ции Бельгии. Автор воспоминаний «The secret dossier» (London, 1932) — в русском переводе «Двойной агент. Записки русского контрразведчика» (М., 1998).

Если прибавить сюда 300—400 человек революционного подполья, то видно, что эта «городская партизанская война» в Одессе начала 1919 года была крайне выгодна большевикам и очень опасна для белых.

Кстати, забегаая вперед, можно отметить, что уже при большевиках, летом 1919 года Япончик собрал все-таки свою «армию» из одесских воров и бандитов. Отряд, во главе со своим беспокойным командиром, получил наименование 54-го советского стрелкового полка имени тов. Ленина и был отправлен большевиками на петлюровский фронт, подальше от Одессы. Надо заметить, что уже при красных Япончик, легализировавшийся и ставший на путь сотрудничества с Советской властью, вовсе не прекратил свою бандитскую деятельность. Вот что писал тогда один из современников, скрывшийся за псевдонимом К. Алинин:

«Функции секции судебно-уголовного розыска, ведающей по декрету делами о спекуляции, до последнего времени узурпировались чрезвычайкой, а борьба с бандитизмом, составлявшая одну из прямых задач чрезвычайной комиссии, велась секцией судебно-уголовного розыска и велась поистине самоотверженно. Чуть ли не ежедневно лучшие агенты секции арестовывались бандитами среди бела дня и увозились на штейгере в неизвестном направлении. Через несколько дней их трупы находили выброшенными на улицу, изуродованными, со следами страшных предсмертных истязаний. И секция, представлявшая из себя горсточку мужественных, но почти безоружных людей, бывала зачастую атакуема

и осаждаема прекрасно вооруженными бандами воров, имевших в своем распоряжении не только ружья и револьверы, но и восемь пулемстов, предоставленных президиумом исполкома бандитскому полку «имени тов. Ленина» и предводительствуемому известным Мишкой Япончиком (Моисеем Винницким). Бандиты вообще прочно обосновались в Одессе. Одним крылом они уперлись в армию, другим в чрезвычайку. Таким образом, власть их была вполне обеспечена».

Мишка Япончик, прекрасно умевший организовывать убийства из-за угла и ограбления в одесских подворотнях, оказался абсолютно неспособным руководить большими массами людей в настоящем бою. При первом же серьезном столкновении с петлюровцами его «бойцы» позорно бежали с фронта, а сам командир налетчиков вскоре был расстрелян красными как дезертир и предатель. И уже после этого стала создаваться легенда о «благородном разбойнике»...

И вот для борьбы с подобными элементами особенно пригодился Гришину-Алмазову его «Особый Татарский отряд», который стал самым подходящим исполнителем бессудных приговоров, которые генерал предпочитал окружать атмосферой таинственности. Видя нарастание бандитско-большевистского террора, «одесский диктатор» начал действовать такими же методами.

Вспоминает Шульгин: «Он мог делать дела, для которых название было подобрано позже большевистскими газетами. Называлось это «бессудные убийства». Таких убийств насчитывалось одиннадцать. У диктатора была на этот счет своя теория.

— Чем их утратить? Они пускают все средства в ход, в том числе подпольные приговоры, и затем следуют таинственные убийства. Неудобных им лиц они уничтожают. Причем убийц найти нельзя, никакого следствие не помогает. Даже пытки. Вот я и отвечаю им тем же. Находят человека. Убит. За что? Почему? Тайна... Никто не может ругаться за свою жизнь. Выползает нечто безличное, неведомое. Тайна! Говорят, что это я. Но не все ли равно? А может быть, это и не я. Важно, что завелась смерть, которая видит. Но ее увидеть нельзя. Тайна!

Я понимал, конечно, что такие штучки заведут его далеко. Однако в нем было какое-то внутреннее убеждение в своей правоте».

Старший адъютант генерала, подпоручик Б.Д. Зернов, записывал в своем дневнике 21 февраля 1919 года:

«Много шума сейчас вокруг имени Масловского по случаю расстрелов без суда. По ликвидационным спискам отправлено на тот свет немало людей. Одесса все видит, все знает, и вокруг этих событий, естественно, поднялся страшный шум со стороны “демократии”. Горы протестов, особенно потряс Одессу “расстрел 11-ти”. Это группа большевиков, переданная татарам для ликвидации французской к-р (контрразведкой. — *М.И.*)».

Так называемая «группа одиннадцати», в составе которой была известная международная революционерка Жанна-Мари Лябурб, входила в подпольную Коллегию иностранной пропаганды при Одесском обкоме КП(б) У, проводила пропаганду среди французских войск в Одессе и готовила восстание на кораблях французского флота. Она была полностью разоблачена в подрыв-

ной деятельности и расстреляна 16 февраля/2 марта 1919 года.

В начале января 1919 года в Одессе обосновался штаб группы французских дивизий во главе с генералом Филиппом-Анри Д'Ансельмом, сменившим генерала Бориуса. Бориус — строевой офицер, не имел никакого интереса к политике, и фактически всеми политическими вопросами при нем заведовал Энно. Теперь, при Д'Ансельме, всей внутренней политикой стал управлять начальник штаба дивизии полковник Анри Фрейденберг (Фредамбэр в другой транскрипции. — *М.И.*), советам которого неукоснительно следовал Д'Ансельм. Сам Фрейденберг, по некоторым данным, был коренной одессит, родившийся и проведший детство в Одессе, где его отец служил в бельгийском трамвайном обществе.

К этому времени консул Эмиль Энно, крайне доброжелательно относившийся к Добровольческой армии и отлично осведомленный во всех местных делах, был отстранен от дел и готовился уехать в Париж, пожелав напоследок свои «искренние пожелания успеха Добр. Армии».

Кстати, дружественные отношения с Энно, Гришин-Алмазов сохранил и после отстранения от дел последнего. Доказательством этому служит тот факт, что генерал и В.В. Шульгин были шаферами при бракосочетании Энно с г-жой Погребинской, которое состоялось 21 февраля в университетской церкви. Жена Энно, крещеная еврейка из Киева, была, как писал Шульгин, такой русской патриоткой, какой не была ни одна русская. Особенно не-

навидела она «украинствующих», утверждая, что они продают не только Россию, но и Францию.

Сейчас же, при Д'Ансельме, политика французского командования резко изменилась. Оно начало поиски такой комбинации сил, которая наиболее благоприятствовала бы французской оккупации, решив начать консультации с разными общественными и политическими организациями и даже с Украинской директорией в лице петлюровского военного министра генерала Грекова²⁹.

Тем не менее Гришин-Алмазов обращается на этот раз и к генералу Д'Ансельму с заявлением о необходимости безотлагательно расширить зону, занимаемую союзными войсками и добровольческими частями, до линии Тирасполь — Раздельная — Березовка — Николаев — Херсон, указывая, что с занятием этой линии достигается связь с Бессарабией и ликвидируется наступивший в Одессе продовольственный кризис.

Генерал Д'Ансельм, вняв этому заявлению Алмазова, 24 января вызвал в Одессу генерала Грекова и обратился к нему с предложением очистить указанную зону и вос-

²⁹ *Греков Александр Петрович* (1875—1959) — из дворян Черниговской губернии. Окончил Московский университет (1897), Александровское военное училище (1899) и Николаевскую академию Генерального штаба (1904). Участник Первой мировой войны. Генерал-майор, начальник штаба 6-го армейского корпуса. С марта 1918-го — помощник военного министра УНР, затем в гетманской армии. С января 1919-го — военный министр и наказной атаман УНР. В марте 1919-го отправлен Петлюрой в отставку. С мая по июль 1919-го главком Галицкой армии. С 1919-го в эмиграции в Австрии. В 1948-го арестован в Вене, вывезен в СССР и находился в лагерях до 1956-го. Вернулся в Вену, где и умер 2.12.1959 г.

становить прямое сообщение с Киевом, пригрозив, что в случае неисполнения этого требования французы вынуждены будут применить силу. Греков, не желая обострять отношения с французами, подчинился. В течение января — начала февраля, по мере высадки греческих дивизий, союзные войска продвинулись на линию Тирасполь — Бирзула (ныне Котовск) — Вознесенск (исключая) — Николаев — Херсон. Позади этой линии еще долго оставались петлюровские части, уже не подчинявшиеся своему командованию, которые постепенно разлагались и разбегались по домам.

Французские экспедиционные силы на Юге России к тому времени включали следующие соединения:

Штаб 1-й группы пехотных дивизий (Одесса) — командующий дивизионный генерал Д'Ансельм в составе:

штаб 156-й пехотной дивизии (Одесса) — бригадный генерал А.-Ш. Бориус — дивизионная пехота (Севастополь) — полковник Э.-Ж. Труссон: 175-й пехотный полк (Севастополь), 176-й пехотный полк (Одесса), 1-й маршевый африканский пехотный полк (Одесса); дивизионная артиллерия (Одесса): 242-й колониальный артиллерийский полк — 1-я группа (Севастополь), 2-я и 3-я группы, 9-я группа 2-го артиллерийского полка; дивизионные инженеры (Одесса): 5-я рота 15-го инженерного полка, 19-я рота 34-го инженерного полка (Севастополь), 16-я парковая рота 16-го инженерного полка.

Штаб 2-й группы пехотных дивизий — командующий дивизионный генерал Патэ в составе:

штаб 30-й пехотной дивизии (Одесса, затем Кремировка) — бригадный генерал А.-Э. Нерель — дивизи-

онная пехота (Одесса, затем Кремидовка) — полковник Э. Лежэ: 40-й пехотный полк (Одесса, затем Кремидовка) и 58-й пехотный полк (Одесса, затем Раздельная); дивизионная артиллерия (Одесса): 1-я и 2-я группы 19-го колониального артиллерийского полка, 7-я группа 2-го артиллерийского полка.

Части 16-й колониальной дивизии и не входившие в состав дивизий: 4-й африканский конно-егерский полк (Одесса, затем Кремидовка), в Одессе — 21-й полк туземных стрелков (1, 2 и 3-й батальоны), 10-й полк алжирских стрелков (2-й и 3-й батальоны), 9-й батальон (этапный) 8-го полка алжирских стрелков, 1-й маршевый индокитайский батальон, рота 5 танков «Рено FT 17» 303-й секции 1-го батальона 501-го полка специальной артиллерии, 2 секции 10-й группы броневедомостей, 504-я и 510-я авиаэскадрильи и 8-й альпийский лазарет; в Севастополе — 129-й батальон сенегальских стрелков.

Всего к марту 1919 года французский контингент насчитывал 8 тысяч человек. Следует отметить, однако, что укомплектованы французские части были не полностью. Так, в конце марта 1919 г. в полках 156-й пехотной дивизии оставалось по 2 батальона вместо 3, причем в ротах в среднем было по 80 человек. На каждый пехотный полк приходилось всего 2—3 капитана, и поэтому ротами командовали молодые и неопытные су-лейтенанты (младшие лейтенанты).

Рота французских танков «Рено FT 17», вооруженных 37-мм пушками, выгрузившаяся в Одессе в декабре, вступила в свой первый бой на русской территории 7 февраля 1919 г. под Тирасполем.

Кроме французов, с начала 1919 года на Юге России стал действовать экспедиционный греческий 1-й армейский корпус генерала Нидера в составе двух пехотных дивизий: 2-й (командующий — генерал Влакопулос, штаб — в Одессе) и 13-й (командующий — генерал Манетас, штаб — там же) — общей численностью около 30 тысяч человек. На Черном море находились 2 греческих линкора, 1 линейный крейсер, 8 эсминцев, госпитальное судно и 1 транспорт.

Для осуществления контроля за выводом германо-австрийских войск из Крыма 1 декабря 1918 года в Севастополе было высажено 500 офицеров и рядовых британской Королевской морской пехоты.

Выдвижение войск союзников в сторону Николаева и Херсона и занятия ими этих городов, больно ударили по самолюбию атамана Григорьева, уже привыкшего считать себя полновластным хозяином этих мест. Он начал действовать независимо от петлюровской директории, а его отряды пытались оказывать сопротивление силам Антанты при занятии ими Херсона, Николаева и Вознесенска. При взятии французскими зуавами (алжирскими колониальными солдатами) и греками Николаева, большую помощь в освобождении города от григорьевцев оказали остававшиеся еще там немецкие части. Они вытеснили крестьянских повстанцев Григорьева из пригородов Николаева к станции Водопой. На всех железнодорожных станциях интервенты размещали свои гарнизоны. На крупных станциях, таких как Раздельная, Березовка, Колосовка гарнизоны Антанты доходили до 400—500 бойцов. Линию фронта от Дне-

стра до Раздельной заняли части 40-го корпуса Румынской армии.

Ввиду большой удаленности Одессы от Екатеринодара и массы недоброжелателей Гришина там из числа тех, кто «растерялся» при первом наступлении петлюровцев, а затем перебрался в кубанскую столицу и теперь клеветал там на него, усложнились отношения генерала и с командованием Добровольческой армии. Чтобы как-то наладить ситуацию, Шульгин пишет письмо председателю Особого совещания при главнокомандующем генералу А.М. Драгомирову, где пытается объяснить и доказать необходимость действий Гришина в Одессе, в том числе и причины печатания своих «одесских» денег. Драгомиров, кажется, понял это, как понял и генерал Лукомский, побывавший с инспекционным визитом в Одессе. Но недоброжелатели не унимались.

Не складывались отношения Гришина и с новым французским командованием. Началом раздоров стало закрытие французами одесской газеты «Россия», редактируемой В.В. Шульгиным, стоявшей на позиции единой и неделимой России и бичевавшей украинский сепаратизм.

Гришин-Алмазов отправил резкое письмо Д'Ансельму, выразив «живейшее огорчение» по поводу того, что газета «Россия» была закрыта «...помимо русской власти и против установленных ею правил» и по поводу того, что французское командование разрешило в Одессе выход украинствующих газет «враждебных Добровольческой армии». (Газета «Россия» была закрыта французами все-

го на восемь дней, но Шульгин в знак протеста отказался возобновлять издание. В то же время в Одессе выходила самостийная газета «Нови шляхы».)

Французское руководство категорически воспрепятствовало мобилизации в Одесском районе, под предлогом непопулярности Добровольческой армии и могущих возникнуть на этой почве беспорядков. Масло в огонь противостояния подливали некоторые «общественные деятели».

В конце концов, в январе месяце, генерал Деникин для усиления своего влияния в Одессе назначил туда «главнокомандующим и командующим войсками Юго-Западного края» генерал-лейтенанта Александра Сергеевича Санникова³⁰, бывшего при гетмане Скоропадском городским головой Одессы, а следовательно, хорошо знакомого с местными условиями. Гришин-Алмазов должен был остаться его помощником и военным губернатором города. Как писал Шульгин, Алексей Николасвич, «который обладал бешеным темпераментом, был разъярен приездом Санникова. Однако наличие в нем настоящей офицерской дисциплины помогло ему укротить свой

³⁰ *Санников Александр Сергеевич* (1866—1931) — из семьи военных. Окончил Киевский кадетский корпус, Павловское военное училище (1885) и Николаевскую академию Генерального штаба (1892). Генерал-майор (1910). Участник Первой мировой войны. Начальник штаба 2-й и 9-й армий. Генерал-лейтенант (1916). Георгиевский кавалер (1916). В 1917-го — начальник снабжения Румынского фронта. С мая по август 1918-го — городской голова Одессы, затем начальник снабжения Добровольческой армии. В 1919-го — главный начальник снабжения ВСЮР. С 1920-го в эмиграции в Турции, Югославии и Франции. Умер в Париже.

прав. Он подчинился Санникову. Но я понял, что если Гришин-Алмазов не смог справиться с затруднениями, возникшими в Одессе, то Санников, старый и безвольный, доконает дело. Так оно и вышло».

По прибытии в Одессу 27 января/9 февраля Санников нанес визит генералу Д'Ансельму, который долго не мог понять, по какому праву генерал Деникин делает назначения в районе, занятом французскими войсками. В лице Фрейденберга генерал Санников встретил полное непонимание и нежелание сотрудничать. Тем не менее Д'Ансельм посоветовал Санникову сохранить при себе Гришина-Алмазова. Санников сейчас же встретился с Гришиным и консулом Энно и начал совместную работу.

Тем временем положение в Одессе и прилегающем районе снова стало осложняться. С севера и востока на Одессу вновь повели наступление отряды бандитствующего атамана Григорьева, который решил порвать с Петлюрой, а с февраля месяца уже открыто перешел на сторону Красной армии. Войска большевистского Южного фронта тоже начали успешное наступление на юг страны и, прорвав фронт белоказачьей Донской армии, уже угрожали Таврии и Донецкому бассейну. Советские агенты искусно вели пропаганду среди французских моряков и солдат с призывами к мятежу против своих офицеров. Подпольная типография издавала газету «Одесский коммунист» на русском и французском языках, распространявшуюся среди войск интервентов, и среди них началось скрытое брожение.

Не понимая сложившейся обстановки, французское командование запретило проводить мобилизацию населения в одесской зоне под эгидой Добровольческой армии, а решило ограничиться формированием так называемых бригад-микст, то есть смешанных русско-французских бригад, набранных на добровольной основе, не подчиняющихся командованию Добровольческой армии и в форме «применительно к французской, без погон». За формирование таких бригад горячо выступили М.С. Маргулиес и появившийся в городе Вольнский губернский староста Андро де Ланжерон (на самом деле Дмитрий Федорович Андро)³¹. Приехавший в Одессу 12 февраля генерал Бертело однозначно стоял за формирование таких бригад, считая этот вопрос даже не подлежащим обсуждению.

Естественно, что Деникин усмотрел в этом ущемление национального достоинства России, как он его пони-

³¹ *Андро Дмитрий Федорович* (1866—1938) — из дворян. Окончил Пажеский корпус. Бывший подъесаул Лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка, уездный предводитель дворянства на Вольни, депутат 1-й Государственной Думы. В мае 1918 г. был назначен Скоропадским старостой (губернатором) Вольнской губернии. С 21.11.1918 г. — министр внутренних дел гетманской Украины. В декабре 1918 г. во главе сформированного им отряда прорвался в Киев из Житомира. После взятия Киева Петлюрой прибыл в Одессу. «Де Ланжероном» стал уже в Одессе, в намек о своем родстве (от внебрачного сына) с известным одесским градоначальником. В эмиграции во Франции обвинялся П. Рутенбергом в хищении казенных средств при эвакуации Одессы. Отрицая все обвинения на него, Андро предполагал обратиться за разбирательством только к русскому суду. Таким образом, разбирательство откладывалось до восстановления легитимной власти в России. Умер 14.11.1938 г. в Польше.

мал, и своим приказом категорически запретил генералу Санникову принимать какое-либо участие в формировании таких частей. Деникин просил Санникова передать генералу Д'Ансельму, что он, как главнокомандующий, не допускает «ничьего вмешательства в вопросы формирования Русской армии. Если бы кто-либо позволил себе сделать это, объявите, что исполнившие незаконное распоряжение будут мною преданы суду».

Андро, в сопровождении двух чинов штаба Д'Ансельма, съездил к Деникину в Екатеринодар с докладом о проведении принятых французами решений, но Деникин остался непреклонен в отношении формирования франко-русских отрядов, и вскоре этот вопрос был отодвинут на время, а затем и вовсе отставлен.

Для непосредственного командования отрядом добровольцев, сформированным Гришпиным-Алмазовым, Деникин еще в январе прислал в Одессу толкового и храброго генерала — Николая Степановича Тимановского³² с группой офицеров-марковцев. Из офицерских добровольческих частей Тимановский формирует Отдельную Одесскую стрелковую бригаду в составе двух Сводно-стрелковых и Сводно-кавалерийского полка с 4-х орудийной конной батареей. К марту 1919 года бригада насчитывала пять тысяч человек (3350 штыков и 1600 сабель).

³² *Тимановский Николай Степанович* (1889—1919) — участник Русско-японской и Первой мировой войны. Георгиевский кавалер (1915). С декабря 1917 г. — в Добровольческой армии. Помощник, а затем командир 1-го офицерского пехотного генерала Маркова полка. Генерал-майор (1918), генерал-лейтенант (1919). С ноября 1919 г. — начальник Офицерской генерала Маркова дивизии. Скончался от сыпного тифа 18 (31) декабря 1919 г. в Ростове.

Несмотря на запрещение французских оккупационных властей и с негласного одобрения Гришина-Алмазова и Санникова, Тимановский объявляет мобилизацию офицеров и вскоре занимает с бригадой район Очакова. Отношения между представителями Добровольческой армии в Одессе и французским командованием напряглись до предела.

Деникин писал потом, что Санников и Гришин-Алмазов испытывали подчас оскорбительное отношение французского командования. Они «проявили и добрую волю, и уступчивость до таких пределов, за которыми следовал бы явный ущерб не только достоинству, но и целесообразности».

В это время в Одессе по инициативе бывшего председателя Государственной Думы А.И. Гучкова и с негласного одобрения генерала Деникина начинается работа по организации десантной армии для захвата Петрограда с моря. На пост командующего десантной армией Гучковым был выбран живущий в городе генерал-лейтенант Алексей Владимирович Шварц³³.

³³ *Шварц Алексей Владимирович* (1874—1953) — из дворян. Окончил реальное училище, Николаевское инженерное училище (1895) и Николаевскую инженерную академию (1902). Военный инженер. Участник Русско-японской и Первой мировой войны. Орден Св. Георгия 4-й ст. (1905). В 1914—1915 гг. успешно оборонял от немцев Ивангородскую крепость, за что был удостоен звания генерал-майора и награжден Георгиевским оружием. С 1915 г. комендант Карской крепости, затем начальник Главного военно-технического управления. Генерал-лейтенант (1917). После октября 1917 г. и до подписания Брестского мира командовал Северным и Петроградским участками обороны большевиков, но затем бежал на юг. После эвакуации Одессы в эмиграции в Ита-

Предполагалось, что десантная армия в количестве около 210 тысяч человек будет сформирована из русских военнопленных, находившихся в Германии, и офицеров-добровольцев, набранных в Одессе. Наступление планировалось с балтийских островов Эзель и Даго и со стороны Прибалтики, где уже начал действовать генерал Юденич. Десантный флот для перевозки армии и ее снаряжения должен был состоять из всех русских судов разбросанных по портам Европы. Само вооружение и снаряжение должны были дать союзники, на что, как уверял Гучков, было получено согласие французского маршала Фоша. Военный флот, прикрывающий десант, должна была дать Англия. Авиацию с личным составом — Англия и Франция. Одежду и экипировку — французы. Предполагалось, что на французскую форму офицерами и солдатами будут надеты только русские погоны и кокарды. Удар должен был быть нанесен возможно ближе к Петрограду, с десантированием где-нибудь в районе Ораниенбаума, а затем, после захвата Петрограда, планировалось молниеносное наступление на Москву. Для этой цели рассчитывалось на широкое использование грузовых автомобилей в количестве до трех тысяч единиц.

Шварц втайне начал формирование штаба будущей армии из лиц, находящихся в Одессе. Начальником штаба был приглашен генерал-майор А.И. Прохорович, а коман-

лии, Франции, а с 1923 г. в Аргентине, где был профессором фортификации местной академии Генштаба и Высшей военно-технической школы. Автор многочисленных трудов по фортификации и воспоминаний. Умер в Буэнос-Айресе 27.09.1953 г.

дующим десантным флотом — вице-адмирал А.А. Хоменко, уже имевший опыт командования подобными десантными высадками во время Трапезундской операции Великой войны. На другие начальствующие должности в будущей армии были приглашены генерал Филатьев, адмиралы Канин, Ислямов и Покровский.

В результате складывалась интересная ситуация... В городе, формально находящемся под юрисдикцией Добровольческой армии в лице генералов Санникова и Гришина-Алмазова, начиналась создаваться новая и независимая от них антибольшевистская сила под руководством других русских генералов. Причем создавалась она если и не в тайне от местных белых властей, то, во всяком случае, без всякого на то их согласия и совершенно самостоятельно.

Как военному губернатору, Гришину-Алмазову приходилось заниматься различными административными делами, в том числе и налаживанием нормальной жизни и учебы кадетов Одесского кадетского корпуса. Сам бывший кадет, он прекрасно понимал важность правильного патриотического и профессионального воспитания будущих офицерских кадров Русской армии.

Одесский кадетский корпус, располагавшийся в огромном здании из красного кирпича на Фонтанской дороге, в полной мере испытал на себе все тяготы революционного лихолетья. Летом 1917 года, из-за ухудшения положения на фронте, он был эвакуирован в Ростов-на-Дону, а затем в Новочеркасск, где многие кадеты приняли участие в первых боях Добровольческой армии с большевиками. Возвратившись с Дона небольшими группами и

одиночным порядком, кадеты и преподаватели возобновили занятия в Одессе в конце 1917-го. В 1918 году, при гетмане Скоропадском, корпус безрезультатно пытались «украинизировать» новые украинские власти. Правда, кадетам пришлось все-таки надеть погоны украинского образца, презрительно называемые ими «селедками». С прибытием французов и победой над петлюровцами добровольцев Гришина-Алмазова, кадеты и офицеры корпуса вздохнули свободно и наконец-то почувствовали свою по духу власть. Кадеты вновь надели свои родные синие погоны с желтой шифровкой, и занятия в корпусе возобновились полным ходом.

Один из кадетов — Г.Н. Есаулов вспоминал много лет спустя, как однажды Гришин-Алмазов проводил смотр корпусу, куда он приехал с каким-то французским генералом. Кадетов выстроили в Портретном зале, французский генерал обошел строй и остался очень доволен их видом и выправкой. Кстати, кадет Георгий Есаулов, проживший долгую жизнь и умерший в 1996 году в Канаде, наверное, был последним на свете из одесских кадетов и, возможно, последним, кто помнил еще живого Гришина-Алмазова.

Гришин-Алмазов по-прежнему работает в тесной связке с Шульгиным и пытается как-то нормализовать внутреннюю жизнь в городе. Разделяя взгляды генерала А.И. Деникина и вообще всего руководства Добровольческой армии о триедином русском народе, состоящем из великороссов, малороссов и белорусов, он очень негативно и скептически относился к политике предыдущей гетманской власти. Видимо, здесь во многом сказалось

влияние Шульгина, уроженца Украины. Характерен их разговор по поводу так называемой украинизации школ, искусственно навязываемой в Одессе во времена гетмана Скоропадского. Шульгин вспоминал:

«Помню, что как-то зашел разговор об образовании. По поводу гимназий Гришин-Алмазов спросил меня:

— Как вы обошлись тут с украинствующими? Ведь при Скоропадском в Одессе вводили украинский язык. Это недопустимо.

— Очень просто, Алексей Николаевич. Все дело тут только в волшебной букве «у». Отбросьте ее, и от Украины будет только Краина, или край. Отбросьте украинovedение, получится краеведение — весьма полезный предмет...»

В итоге в одесских гимназиях преподавание продолжилось на русском языке, но все желающие могли заниматься дополнительно украинским. Таких оказалось всего двое — дети самого Шульгина.

Все это в точности соответствовало деникинской политике на Украине. Большой процент среди офицеров и солдат Добровольческой армии был, как сейчас бы сказали, «этническими украинцами». У самого Деникина мать была полька, он родился в Польше и долгое время служил на Украине, поэтому хорошо знал местные особенности. Будучи либералом и государственным, он всегда подчеркивал, что недопустимо никакое запрещение и преследование «малорусского народного языка». Каждый имел право в местных учреждениях и присутственных местах говорить по-украински. Частные школы, содержащиеся на частные средства, могли

вести преподавание на каком угодно языке. В казенных школах и гимназиях, если на то находились желающие, могли быть учреждаемы уроки украинского языка в его классических образцах. В первые годы обучения в начальной школе тоже могло быть преподавание украинского языка для облегчения учащимися усвоения знаний. Не допускалось и никакое ограничение в отношении малорусского языка в печати. При этом государственным языком на всем пространстве бывшей Российской империи, подвластной Добровольческой армии, оставался русский.

Глава VIII

АГОНИЯ «БЕЛОЙ» ОДЕССЫ И КОНЕЦ ФРАНЦУЗСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Французское командование окончательно запуталось в создавшейся в Одессе сложной обстановке. Не зная, на кого положиться, оно выслушивает предложения различных политических партий и группировок, окопавшихся в Одессе, а затем начинает переговоры с Украинской директорией в лице атамана А.П. Грекова, с целью найти силы для противодействия большевикам. Не желая иметь дело с Петлюрой, считая его тоже большевиком, только с национальным оттенком, да еще и ответственным за многочисленные кровавые еврейские погромы, прокатившиеся по Украине, французы выдвигают Грекову требования отставки Петлюры и подписания договора с Деникиным о совместных действиях. А тем временем

петлюровский атаман Григорьев уже переметнулся к большевикам, и его части вошли в состав 1-й Заднепровской дивизии советского Украинского фронта, ведущего наступление на Одессу, Херсон и Николаев.

Французы разработали далеко идущий политический план, по которому новообразованная Украина с Новороссией временно разделялись бы на две части: собственно Украина (управляемая директорией) и Южнорусский край со столицей в Одессе, во главе с собственным правительством и при условии оккупации этого края французскими войсками. В Южнорусском крае предполагалась создать смешанную французско-русскую армию и взять под свой контроль железные дороги и финансы. Вопрос о признании независимости Украины передавался на рассмотрение Парижской мирной конференции.

Яркую и словно ожившую на экране панораму Одессы как раз того времени — марта 1919 года оставил нам Алексей Толстой в своей сатирической повести «Похождения Невзорова, или Ибикус»:

«Что за чудо — Дерибасовская улица в четыре часа дня, когда с моря дует влажный мартовский ветер! На Дерибасовской в этот час вы встретите всю Россию в уменьшенном, конечно, виде. Сильно потрепанного революцией помещика в пальтеце не по росту, — он тут же попросит у вас займы или предложит зайти в ресторан. Вы встретитесь с давно убитым знакомцем, — он был прапорщиком во время Великой войны, а смотришь — и не убит совсем и еще шагает в генеральских погонах. Вы увидите знаменитого писателя, — важно идет в толпе и улыбается желчно и презрительно этому, сведенному до

миниатюрнейших размеров, величию империи. Вы наткнетесь на нужного вам до зарезу иссиня-бритого дельца в дорогой шубе, стоящего от нечего делать вот уже час перед витриной ювелирного магазина. Вы поймаете за полу бойкого и неунывающего журналиста, ужом пробирающегося сквозь толпу, — он наспех вывалит вам весь запас последних сенсационных известий, и вы пойдете дальше с сильно бьющимся сердцем и первому же знакомому брякнете достоверное: “Теперь уже, батенька мой, никак не позже полутора месяцев будем в Москве с колокольным звоном”. — “Да что вы говорите?” — “Да уж будьте покойны — сведения самые достоверные”.

На Дерибасовской гуляют настоящие царские генералы. Какое наслаждение глядеть, как мартовское солнце горит на золотых погонах, как лихие юнкера, подхватив под козырек, столбами врастают в землю. Видя эту сцену, какой-нибудь растерянный отец семейства, у которого от революции переболтались мозги в голове, — снова, хотя бы только на минуту, приобретает уверенность в нерушимости основ иерархии, быта и государства.

Про дам на Дерибасовской и говорить нечего: на все вкусы. Шляпы, меха, манто, караты. Петербурженки — худые, рослые, англазированные, с них никакими революциями не собьешь высокомерия. Одесситки — русские парижанки, слегка страдающие полнотой, не женщины, а романс. А худенькие, стриженные артистки различных кабаре! Любой из них нет и двадцати лет, а уже раз десять эвакуировалась и пешком и на крышах вагонов, и уж горькие морщинки легли в углах губ, и в глазах — пустынька.

Встретите также на Дерibasовской рослых английских моряков с розовыми щеками — идут, держась за руки, будто в фойе театра, в антракте забавнейшей пьесы. Или с хохотом проталкиваются сквозь толпу французские матросы, в синих фуфайках, в шапочках с помпонами, — ах ты, боже мой, как оглядываются на них дамы с Дерibasовской, а знаменитый писатель остановился даже, окаменел, почернел: вот они римляне, победители, — хохочут, толкаются, поплевывают... А мы-то, мы?..

Если вас одолело сомнение: да верно ли, не мишура ли вся эта разодетая, шумная Дерibasовская? Действительно ли это Измайловский марш вырывается из раскрытых дверей ресторана? Прочно ли здесь укрепились белая Россия на последнем клочке берега? Если душа ваша раздвоилась и заскулила, сверните скорей на Екатерининскую, дойдите до набережной, станьте у подножия герцога Ришелье... Какой великолепный и успокаивающий вид! Бронзовый герцог, в римской тоге, приветливым и важным жестом указывает на широкий, покрытый мглою порт. Вдали — подозрительные пески Пересыпи, направо — длинная стрела мола. А за ним на открытом рейде лежат серыми утюгами французские дредноуты. “Милости просим”, как бы говорит герцог Ришелье, которому в свое время, лет сто двадцать пять тому назад, точно так же пришлось уходить с небольшим чемоданом из Парижа, от призрака гильотины на площади Революции.

Тридцать тысяч зуавов, в красных штанах и фесках, и греков — в защитных юбочках и колпаках с кистями, —

выгружено в одесском порту. В ста верстах от города, на фронте, против босых, голодных, вшивых красных частей, — утверждены тяжелые орудия, ползают танки, кружатся аэропланы. Нет, нет, никакие сомнения неуместны, дни безумной Москвы сочтены. Возвращайтесь смело на Дерибасовскую. А если усилится ветер с моря — сверните в кафе Фанкони».

А тем временем на французском флоте в Черном море начались волнения. Вспыхнуло открытое возмущение на линейных кораблях «Мирабо», «Жюстис», «Жан Барт», миноносцах «Фоконно», «Мамелюк», крейсере «Брюи» и флагманском корабле «Вальдек Руссо».

Еще одним дурным предзнаменованием стали инциденты в Тирасполе и Беляевке (начало одесского водопровода), где произошло выступление местных большевиков и крестьян. Французские части не проявили никакого желания драться, и восстание пришлось подавлять русским добровольцам. Тогда же французский отряд из «цветных» африканских войск бросил свои позиции под Вознесенском, откуда начал наступление в сторону Одессы небольшой отряд местных красных.

10 марта, после недели упорных боев, войска Григорьева в количестве 1700 человек с тремя орудиями занимают Херсон. На улицах города происходят штыковые бои с повстанцами. Город оборонялся одним батальоном греков и ротой французов с двумя орудиями, причем французы почти не участвовали в боях, и вся тяжесть борьбы легла на греков. Ворвавшиеся в Херсон григорьевцы устраивают массовые расстрелы сдавшихся на милость победителей греческих солдат (было

расстреляно около 70 пленных). Под прикрытием прибывших на поддержку двух батальонов и огня судовых орудий остатки союзных войск были срочно посажены на транспорты и увезены в Одессу. В итоге греки потеряли в боях за Херсон более 300 солдат и офицеров убитыми и пленными. Отряды греческой пехоты, оборонявшие город, прибыли туда со своими мулами, которые оказались не подготовленными к зимним боям в городе и получили презрительное прозвище «ослиной кавалерии». Хотя, по общему признанию, сами греки вели себя храбро, особенно в сравнении с французскими солдатами, но часто просто не разбирались в русской междуусобице.

После Херсона наступил черед Николаева. Еще 5 марта Григорьев отправил ультиматум городской думе Николаева с требованием немедленно сдать город. Но атаки города 5—7 марта были успешно отбиты союзниками с большими потерями для григорьевцев. Казалось, что Николаев можно отстоять...

Но 12 марта французское командование без боя и с большой поспешностью эвакуирует Николаев, оставляя противнику огромные трофеи, в том числе бронепоезд, орудия, пулеметы и мощную радиостанцию. При сдаче Николаева большую роль сыграли немецкие войска, командование которых подписало соглашение о восстановлении в городе советской власти и разоружило находящуюся там небольшую белогвардейскую добровольческую дружину. Своим отходом из Николаева французы оставляют открытым для красного наступления остров Березань с его огромными артиллерийскими складами,

и только выдвижение добровольцев Тимановского к Очакову снова спасает ситуацию.

Еще через несколько дней союзники терпят новое поражение, теперь у станции Березовки. Атакованные большевиками, французы бегут, бросая раненых, обозы и имущество, оставляя на поле боя шесть орудий и пять танков «Рено». Эти танки вскоре были отправлены в Москву, и через полтора года, по их образцу в Сормове были выпущены первые 15 советских танков, самый первый из которых получил личное название «Борец за свободу товарищ Ленин». Положение под Березовкой с трудом выправил греческий батальон, выдвинутый из резерва. В переходе от Березовки он остановил часть отступавших французов, другие же бежали до самой Одессы. Из-за этого и других непонятных действий союзного командования вскоре возникают неприязненные отношения французов с греками. Ореол победителей в мировой войне — французов, меркнет в глазах большевиков. Действия советских войск становятся все смелее, пропаганда их в Одессе, все откровеннее и наглее, а настроение французского офицерства падает с каждым днем.

Под влиянием всех этих неудач союзное командование решает было оттянуть все войска непосредственно к Одессе, и только благодаря настойчивым разъяснениям и увещаниям Гришина-Алмазова соглашается удерживать фронт на линии Тирасполь (румыны) — Буялык (греки и небольшие части французов) — Очаков (русские добровольцы). Кольцо вокруг Одессы снова начинает сжиматься. Чувствуется острая нехватка хлеба, нефти и угля.

Начинается общее наступление советского фронта на юге. Для спасения Крыма, в котором было небольшое количество французских войск и не было крупных частей белых, Деникин решает перевезти из Одессы в Севастополь добровольческую бригаду, но в ответ на это распоряжение получает от генерала Гришина-Алмазова телеграмму: «Херсон после боев очищен союзниками. Николаев ими эвакуируется. Генерал Д'Ансельм, считая Одессу угрожаемой, заявил мне, что генерал Бертелло приказал не выпускать добровольческую бригаду из района Одессы».

Со 2/15 марта генерал Д'Ансельм объявляет в Одессе осадное положение, принимает на себя командование всей зоной и организует при французском штабе совет с исполнительной властью, во главе с вездесущим Дмитрием Андро. В состав совета (или нового правительства) вошли Андро (председатель и внутренние дела), Григоренко (земледелие, торговля и промышленность), Маргулис (финансы) и генерал Шварц (воен.). Гришин-Алмазов был оставлен командовать частями Добровольческой армии. Он и Санников были только потом приглашены к генералу Д'Ансельму, где их поставили перед фактом о состоявшемся решении. Андро, присутствовавший при этом, рассказывал затем, что Гришин с угрозой заявил: «Посмотрим еще, как Деникин отнесется к русским, участвующим в этом деле!»

Реакция Деникина не заставила себя ждать. Узнав о произошедшем, он шлет Санникову телеграмму с указанием передать «самый решительный протест» Д'Ансельму и приказом не вступать ни в какие сноше-

ния с Андро, не выполнять никаких его распоряжений ни военным, ни гражданским властям. В итоге создается явно ненормальное и двусмысленное положение в осажденной Одессе, и французам пришлось дезавуировать эту ситуацию. Д'Ансельм заявляет в печати, что назначение Андро, без согласования с Деникиным, объясняется исключительно создавшимися обстоятельствами, мешающими быстроте сношений с Екатеринодаром, французское командование не имеет в виду изменять административный аппарат созданный властью Добровольческой армии, а образованный при нем совет является лишь вспомогательно-техническим аппаратом.

Тем временем части Григорьева подступают вплотную к Одессе, и украинско-советский атаман шлет телеграмму Гришину-Алмазову с требованием безоговорочно сдать город, угрожая в противном случае снять с генерала кожу и натянуть ее на барабан. «Обкладываю Одессу и скоро возьму ее. Приглашаю всех товарищей партизан приезжать на торжество в Одессу!» — самоуверенно заявлял Григорьев.

Вокруг Алмазова в это время вертится еще один юрский авантюрист — генерал В. Сокира-Яхонтов, уже успевший послужить при нескольких властях. Как шанс к спасению, он предлагает Алмазову срочно формировать отряды «белой народной армии» из одесских студентов, гимназистов и немцев-колонистов. Ему даже удастся собрать несколько мизерных добровольных дружин такой «армии» и раздать часть оружия. Фактически же Одессу обороняет лишь стрелковая бригада генерала Тимановского, начало формирования которой

было положено Гришиным-Алмазовым еще в конце 1918 года.

Политический ажиотаж в Одессе достиг предела. Вскоре выяснилось, что в ближайшее время в город должны прибыть генералы Франше Д'Эспере³⁴ и Бертело, которые на месте должны были разрешить судьбу одесской власти. Во французском штабе была получена телеграмма, подписанная Бертело, в которой он уведомлял, что командование союзными войсками на Юге России переходит к Франше Д'Эспере, а Бертело остается командующим войсками только на Балканах.

7/20 марта в Одессу прибывает главнокомандующий французскими войсками на Востоке генерал Франше Д'Эспере, впоследствии маршал Франции, с целью лично ознакомиться с ситуацией. Он беседует с Андро, бароном Меллер-Закомельским и делегацией Союза возрождения России, которой он заявил:

«Целью пребывания французских войск на территории России является всемерное оказание помощи русско-

³⁴ *Франше Д'Эспере* (Franchet d'Esperey) Луи-Феликс-Мари-Франсуа (1856—1942) — маршал Франции (1921), член Французской академии (1934). Окончил Сен-Сирскую военную школу и академию Генерального штаба. Служил в Алжире, Индокитае, Китае и Марокко. Участник Первой мировой войны. В 1914-м командовал I-м армейским корпусом, затем 5-й армией. С марта 1916 г. командующий Восточной группой армий, с декабря — Северной группой армий. С июня 1918 г. командующий Восточной армией в Македонии, затем главнокомандующий союзными войсками на Балканах. С марта 1919 г. верховный комиссар Франции на Юге России и командующий там союзными войсками, сменил на этом посту генерала Бертело. В 1923—1931 гг. генерал-инспектор французских войск в Северной Африке.

му народу в его стремлении к созданию в стране должного порядка. При этом, однако, союзники совершенно не имеют в виду вмешательство в русские дела. Они отнюдь не намерены создавать здесь колониальный режим. Все их старания будут направлены на то, чтобы помочь создать здесь такие условия порядка, при которых возможен будет созыв Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права».

После таких успокоительных слов, он отдаст распоряжение Д'Ансельму отстранить от должности главнокомандующего в Одессе генерал-лейтенанта Санникова и военного губернатора генерал-майора Гришина-Алмазова. На следующий день Д'Ансельм выпускает приказ, в котором объявляет состав совета при французском командовании и предлагает обоим русским генералам немедленно отправиться в Екатеринодар, в распоряжение генерала Деникина, с письмом к нему. Причем сделано это было с ненужной и непонятной грубостью: в экземпляре приказа, присланном Гришину-Алмазову, была приписка: «Завтра 9 (22) марта ген. Санников выезжает в Екатеринодар. Его сопровождает ген. Гришин-Алмазов (Le general Grishin-Almasoff l'accompagnera)».

Генерал-губернатором Одессы, без согласования с командованием Добровольческой армии, был назначен генерал-лейтенант А.В. Шварц, готовивший десант на Петроград. Франше Д'Эспере съездил к нему на квартиру, т.к. Шварц был болен и лежал дома с температурой и после получасового разговора убедил последнего занять должность генерал-губернатора, попутно пообещав

щав ему уладить дело с Деникиным и прислать в Одессу дополнительные войска. Шварц оповестил через одесскую печать о своем вступлении в должность, выразил готовность «подчиниться указаниям генерала Деникина и работать в полном дружном контакте» и послал соответствующее донесение в Екатеринодар. Деникин не удостоил его ответом.

На этом судьба «одесского диктатора» была решена, но фактически была решена и судьба «белой» Одессы...

10/23 марта Гришин-Алмазов отбывает в Екатеринодар. Перед отъездом он отдает последнее распоряжение добровольческим частям — всем начальствующим лицам исполнять приказы французского главнокомандующего. Обращимся еще раз к запискам Шульгина:

«Вот порт. Отходит корабль. Гришин-Алмазов на корабле, положив руки на фальшборт. Он все такой же. Моложавый, в солдатской шинели, которая ему широка в плечах.

Говорит:

— Ну что же, моя деникинская совесть? Выдержал я экзамен?

— Выдержали.

Иногда ему бывало очень трудно. Он готов был опять ломать стулья. Но дисциплина одерживала верх. Он выдержал до конца».

Фактически вся власть в городе перешла к французам, но все это продлилось очень недолго.

12/25 марта атаман Григорьев выслал ультиматум в Одессу, в котором, обращаясь к союзникам и «товарищам офицерам Добровольческой армии» сообщал: «Если

к 29 марта по новому стилю вы не сдадитесь, то в этот день я возьму Одессу штурмом...»

В этот же день григорьевцами была захвачена станция Сербка, а 26 — станция Колосовка, где в боях было взято в плен до 2 тысяч союзников. 28 марта пала станция Кремидовка. Попытка союзников провести 29—31 марта контрнаступление на станцию Сербка не принесла желаемого успеха. В этом контрнаступлении приняли участие около 8 тысяч штыков и сабель французских, греческих, румынских и польских войск. После массированного артобстрела, где погибло более 100 григорьевцев, станция Сербка была временно отбита. Но уже на следующую ночь григорьевцы снова пошли в атаку, а союзники в панике покинули станцию, оставив повстанцам ценный трофей — французский самолет.

29 марта белыми был оставлен Очаков и оборона союзников сконцентрировалась на участке Раздельная — станция Сербка — Одесса. Город был в полном окружении красных повстанцев. 31 марта союзники снова попытались атакой, при поддержке двух танков, отбить станцию Сербку, но наступление захлебнулось во встречном пулеметном огне красных. В боях за Сербку было убито и тяжело ранено до 600 бойцов союзных войск.

2 апреля Д'Ансельм вызвал генерала Шварца и объявил ему, что получен приказ Антанты об эвакуации из Одессы союзных войск. На подготовку эвакуации было дано всего 48 часов. Неофициально это связывалось с падением во Франции кабинета Клемансо. На самом же деле решение об эвакуации союзников из Одессы было принято Советом четырех (Клемансо, Ллойд-Джордж,

Вудро Вильсон и итальянский премьер Витторио Орландо) 27 марта 1919 года, а 29 марта Клемансо издал соответствующую директиву для армии.

Известие об эвакуации вызвало восстание на рабочих окраинах — Пересыпи и Молдаванке. Рабочие и большевицкие дружины стали обезоруживать и расстреливать попавшихся им офицеров-добровольцев. На рынке Еврейской студенческой дружиной были расстреляны несколько офицеров из Польского легиона. В порту началась забастовка рабочих и судовых команд. В городе создалась атмосфера хаоса и паники, чем не замедлили воспользоваться криминальные элементы, тут же начавшие грабежи складов, пакгаузов и бандитские налеты.

Восстание с помощью воинских частей и броневиков безрезультатно попытался подавить генерал Бискупский, но отведенные с фронта войска уже не могли выправить положение.

23 марта/5 апреля союзники в крайней спешке эвакуировались из Одессы, а власть в городе перешла к местному Совету. Шульгин уехал в Екатеринодар еще до эвакуации города. Это постыдное бегство армии — победительницы в мировой войне, вызвало бурю разнородных чувств в Одессе. Среди интеллигентных горожан, как оставшихся, так и попавших на уходящие пароходы, общим настроением была ненависть и презрение к французам, на которых еще недавно возлагались такие большие надежды.

При эвакуации «союзниками» было отказано в погрузке на суда частям Одесской стрелковой бригады генерала Тимановского. По существу, они бросили ее на

произвол судьбы. Тимановскому пришлось с тяжелыми боями и потерями пробиваться к Днестру, в Бессарабию, оккупированную румынскими войсками. Оттуда, через Румынию, потеряв все тяжелое вооружение, броневики и артиллерию, бригаде удалось отплыть в Новороссийск, в расположение Вооруженных сил Юга России, как тогда уже именовались объединившиеся Добровольческая и Донская армии.

Этим же путем отступала из Одессы польская дивизия генерала Желиговского, только из Бессарабии она отправилась в Польшу.

Деникин, как видится, совершенно напрасно начал вскоре кампанию по дискредитации генерала Шварца перед английским и французским оккупационным командованием в Константинополе. Шварц был порядочным русским генералом с немалыми заслугами в прошлом, и не только его вина в том, что при падении Одессы произошло так много неприятного для белых.

24 марта/6 апреля части Григорьева вошли в Одессу, не встречая никакого сопротивления. Самодовольный Григорьев, стоя в автомобиле, ехал по Пушкинской улице и протягивал руку для поцелуев сбежавшемуся народу. Григорьевские головорезы официально именовались тогда 6-й дивизией Украинского фронта под командованием В.А. Антонова-Овсеенко (1883—1939). Впрочем, сам атаман Григорьев недолго пробыл с большевиками — вскоре он вновь «переметнулся», а затем, уже летом 1919 года, нашел свою смерть то ли от руки самого батьки Нестора Махно, то ли от кого-то из его подручных.

Одесса же до августа месяца оставалась под властью большевиков, погрузившись в пучину кровавого чекистского террора, пока вновь не была взята морским десантом Добровольческой армии и восставшими офицерскими организациями.

Глава IX

ЛЕГЕНДЫ И НЕКОТОРЫЕ ЗАГАДКИ ЖИЗНИ В ОДЕССЕ

Помимо военной и административной деятельности в Одессе, у «диктатора» оставалось немного времени и на личную жизнь, на встречи и знакомства с людьми, с которыми ему было интересно общаться, с которыми он чувствовал себя легко и непринужденно. Жил он в особняке, довольно далеко от «Лондонской». Как отмечал Шульгин, там царил необычайный порядок — паркетные полы натерты до зеркального блеска, хотя вся обстановка была довольно скромная.

Алексей Николаевич был не чужд литературе и искусству, что не раз отмечалось его современниками. Он всегда много читал и особенно интересовался философией. Был знаком со многими людьми искусства, оказавшимися тогда в Одессе, и старался помогать им по мере сил, пользуясь своей «диктаторской» властью. Пользовался вниманием со стороны женщин, тем более что жена его оставалась далеко в Омске, и в этом отношении он чувствовал себя абсолютно свободным. Как и все офицеры того времени, играл в карты, любил покутить в хорошей

компании. Но все это могло быть только в редкие свободные вечера. В обычные же дни, как отмечал Шульгин, обедал он очень скромно — ни водки, ни вина у него не было, а вместо ликеров он предпочитал разговоры на «утонченные» темы.

Мнения того периода о Гришине-Алмазове, даже среди представителей противобольшевистского лагеря были диаметрально противоположны. Бывший член Государственного совета Российской империи и камергер В.И. Гурко (1862—1927) так, например, достаточно зло, писал о нем:

«Во главе добровольцев был поставлен генерал колчаковского производства³⁵ Гришин-Алмазов, незадолго перед тем прибывший из Сибири. Обладая несомненной энергией и некоторыми организационными способностями, он был авантюрист в душе и, к сожалению, отличался необузданными страстями. Этим страстям, попав в главенствующее положение в Одессе, он дал полную волю. Предался он совершенно недопустимым оргиям и тем утратил всякое обаяние, как в городе, так и перед французским командованием прибывших в Одессу союзных войск. Другой представитель Добровольческой армии, назначенный начальником тыла и снабжения (фамилии не припомню), держался лично вполне безупречно, но не обладал должной энергией и вовсе не был на высоте порученного ему дела³⁶. Перебравшийся из Кисва в Одессу совет государственного национального объ-

³⁵ Конечно не «колчаковского», а «сибирского» производства. — *М.И.*

³⁶ Вероятно, речь идет все-таки о генерале А.С. Санникове, а не о начальнике снабжения генерале Н.М. Дедове.

единения, сговорившись предварительно с французским командованием, причем инициатива шла, по-видимому, от последнего, решил сменить командование русскими войсками и областью и, опираясь на французов, предложил Гришину-Алмазову и начальнику тыла выехать из Одессы, сдав командование генералу А.В. Шварцу — славному защитнику Ивангородской крепости. Смена эта отнюдь не должна была обозначить разрыва с Добровольческой армией и обуславливалась исключительно непригодностью назначенных ею в Одессу начальствующих лиц».

А вот другое мнение — простого офицера, штабс-капитана В.А. Масвского, оказавшегося в Одессе проездом из румынских Ясс:

«Но нашелся вскоре отважный и энергичный человек, сумевший на долгий срок отогнать от Одессы нависшие над нею осенью 1918 года кошмары. Этим человеком был доблестный генерал Гришин-Алмазов, только что прибывший со специальным поручением от адмирала Колчака и быстро сформировавший отряд из подобных себе смельчаков и в два-три удара очистивший от банд всю Одессу. Город вздохнул свободно и стал оправляться. Начались в нем добровольческие формирования, и отсюда потекла обильная помощь в нужных людях на фронты белой армии Кавказа и Крыма».

Премьер Вологодский в Омске исподволь отслеживал судьбу своего бывшего министра через своих информаторов. В своем дневнике он оставил запись об известной артистке Лидии Липковской, примадонне Мариинского

и Одесского оперного театров, бывшей, по его данным, любовницей Гришина-Алмазова, о его кутежах, пьянках и участии в сомнительных коммерческих предприятиях. Приехавший с юга в Омск корреспондент газеты «Русское Слово» М.С. Лембич и некий капитан Пясоцкий из Одессы также докладывали премьеру о безобразном поведении там Гришина-Алмазова. Вероятнее всего, Вологодский выискивал в этих донесениях только то, что соответствовало его собственному, давно сложившемуся мнению об «одесском диктаторе».

Люди же, лично знавшие Гришина по Одессе, оставили совсем другие свидетельства о нем. Одна из них — это известная писательница Тэффи (Надежда Лохвицкая), оказавшаяся в Одессе в самом конце 1918 года. В своих остроумных воспоминаниях, опубликованных в Париже, она оставила нам множество свидетельств о жизни в этом «городе-анекдоте» многих своих знакомых, в том числе и о «диктаторе». О нем она писала с юмором и явной симпатией и хорошо подметила некоторые черты его характера и поведения. Стоит послушать и ее...

«Правил Одессой молодой сероглазый губернатор Гришин-Алмазов, о котором тоже никто в точности ничего не знал. Как случилось, что он оказался губернатором, кажется, он и сам не понимал. Так — маленький Наполеон, у которого тоже “судьба оказалась значительнее его личности”».

Гришин-Алмазов, энергичный, веселый, сильный, очень подчеркивающий эту свою энергичность, щеголявший ею, любил литературу и театр, был, по слухам, сам когда-то актером.

Он сделал мне визит и очень любезно предоставил помещение в гостинице “Лондонской”. Чудесную комнату номер шестнадцать, где во всех углах были свалены кипы “Общего дела”: до меня здесь останавливался Бурцев.

Грипин-Алмазов любил помпу и, когда заезжал меня навестить, в коридоре оставлял целую свиту и у дверей двух конвойных.

Собеседником он был милым и приятным. Любил говорить фразами одного персонажа из “Леона Дря” Юшкевича.

— Сегодня очень холодно. Подчеркиваю “очень”.

— Удобно ли вам в этой комнате? Подчеркиваю “вам”.

— Есть у вас книги для чтения? Подчеркиваю “для”.

Рекомендовал коменданту гостиницы, бородатому полковнику, гулявшему целые дни с двумя чудесными белыми шпицами, заботиться обо мне.

Словом, был чрезвычайно любезен.

Время для него было трудное.

“Ауспиции тревожны” — такова была модная одесская фраза, и она хорошо определяла положение».

Тэффи вспоминала, как однажды к ней явился поэт Максимилиан Волошин и сообщил, что где-то то, ли в Феодосии, то ли Анапе, арестована по чьему-то оговору поэтесса Е.И. Кузьмина-Караваева (в будущем — мать Мария, участница французского Сопротивления в годы Второй мировой войны) и ей грозит расстрел. Он попросил Тэффи замолвить за нее слово перед Гришиным-Алмазовым, так как они были хорошо знакомы. Тэффи позвонила военному губернатору и, объяснив положение,

попросила его вступить за Кузьмину-Караваеву. Он только спросил ее:

— Вы ручаетесь?

— Да, — ответила Тэффи.

— В таком случае завтра же отдам распоряжение. Вы довольны?

— Нет. Нельзя завтра. Надо сегодня и надо послать телеграмму. Очень уж страшно — вдруг опоздаем!

— Ну хорошо. Пошлю телеграмму. Подчеркиваю «пошлю».

В итоге Кузьмину-Караваеву освободили.

В общем, отношения генерала с Тэффи были достаточно доверительные и дружеские. Она даже открыто спрашивала его — берет ли его полиция взятки? (Это по поводу открытия разных клубов и увеселительных заведений.) На что Гришин, не моргнув глазом, отвечал:

— Ну что ж! Эти деньги идут исключительно на благотворительность. Подчеркиваю «идут».

Интересно, что после отъезда Гришина-Алмазова из Одессы Тэффи быстренько выселили из «Лондонской», сославшись на то, что она отойдет под штаб, и предложили номер в менее престижной «Международной».

Вообще, гостиница «Лондонская» в то время оказалась центром общественной жизни города. По вечерам в ней рекой лилось шампанское и кишел самый разнообразный народ из обломков прежнего строя, слетевшийся сюда из различных местностей России. «И кого только не было в эти памятные дни в этом шикарном убежище? — вспоминал один из современников, штабс-

капитан В. Масвский. — Укрывались в нем недавние царские министры и генералы, высшие сановники рухнувшей империи и известные артисты (Фигнер, Смирнов, Собинов), знаменитые писатели (Бунин, Чириков, Аверченко), оперные (Липковская) и кинематографические звезды (Вера Холодная), финансовые тузы (Манташев, Путилов, Лианозов) и всякие дельцы». Это был островок старого стабильного мира, среди взбаламученного моря российской действительности, островок, державшийся только за счет войск союзников и доблести добровольческого офицерства, часто голодающего и лишенного самых элементарных удобств на позициях близ Одессы.

Доверительные отношения сложились у генерала с митрополитом Херсонским и Одесским Платоном. Он пытался привлекать его к обсуждению и решению важных и неотложных вопросов городской жизни, не раз апеллировал к его авторитету, как духовного лидера. Видимо, и Платону вполне импонировал Алмазов — в атмосфере всеобщего развала и забвения традиционных христианских ценностей, даже у представителей противобольшевистского лагеря, он видел в нем неподдельную религиозность и стремление следовать церковным канонам.

Очень неясными и таинственными представляются взаимоотношения Гришина-Алмазова с британским суперагентом Сиднеем Джорджем Рейли (1873—1925), этим реальным предшественником Джеймса Бонда. Сидней Рейли (настоящее имя — Шломо, или Зигмунд Розенблюм), уроженец то ли Одессы, то ли Херсона, был ярким ненавистником и принципиальным врагом большевиков. Он писал о них, что большевики — это

«раковая опухоль, поражающая основы цивилизации», «архивраги человеческой расы» и даже «силы антихриста».

В биографии Сиднея Рейли столько запутанного и загадочного, что невозможно порой отличить, где правда, а где сознательный вымысел. Достоверно впрочем, известно, что Рейли находился в Одессе с 3/16 февраля по 10/23 марта 1919 года, то есть именно в то время, когда там хозяйничал Гришин, и покинул город в один день с ним.

Лейтенант Рейли прибыл в Одессу из Екатеринодара как эксперт британской военной миссии. Основной его задачей в России была оценка сил и возможностей армии Деникина и сбор информации о ситуации на Юге России. Он поселился в «Лондонской» и вскоре встретился с Гришиным-Алмазовым.

В своих донесениях в Лондон Рейли критиковал французское командование (англичане, союзники по Антанте, тогда ревновали и были очень недовольны самоуправством французов в Одессе) за «бесспорно недружелюбное» отношение к армии Деникина (который пользовался в основном поддержкой со стороны Англии) и писал про их «отношение к русским офицерам с явным недостатком элементарной любезности и даже с оскорбительной грубостью». В особенности он критиковал полковника Анри Фрейденберга, который почему-то намеренно ставил палки в колеса белогвардейцам.

Сидней Рейли запишет, что Одесса середины февраля 1919 года — «один из наихудшим образом управляемых и наименее защищенных городов мира».

3 марта в белогвардейской одесской газете «Призыв» появляется анонимный очерк «Иностранец, который знает Россию», автором которого, возможно, был сам Рейли. В этом очерке впервые рассказывалась биография британского агента, указывалось, что Рейли был одним из организаторов «заговора послов» в Петрограде и о том, что большевики приговорили его к смертной казни. В номере той же газеты от 20 марта Рейли публично сдает белой контрразведке трех законспирированных в Одессе чекистов — Грохотова, Петикова и Жоржа (Георгия) де Лафара с которыми он встречался в Советской России.

Во главе одесской контрразведки находился в то время сотрудник и старый знакомый Рейли, много сделавший для него еще в начале 1918 года в Петрограде, Владимир Григорьевич Орлов. Упомянутые чекисты были арестованы белыми и в апреле расстреляны, уже после отъезда Рейли и Гришина и незадолго до вступления в город григорьевцев. Владимир Орлов, как свидетельствовал сам Рейли, в отношении большевиков применял очень решительные меры, как и его непосредственный шеф Гришин-Алмазов.

В Одессе Рейли установил контакты с Советом государственного объединения России, Союзом хлеборобов, наверное, наладил какие-то агентурные связи и провел «Вечер встречи бывших портартуровцев». Из Одессы он отбыл в Константинополь, а затем в Европу.

Еще один загадочный и овеянный романтическими легендами эпизод из жизни А.Н. Гришина-Алмазова в Одессе — это его взаимоотношения с первой звездой российского кинематографа, замечательной актрисой

и очаровательной женщиной, от которой сходило с ума полстраны, Верой Холодной (1893—1919).

Вера Васильевна Холодная прибыла в Одессу из красной Москвы в июне 1918 года, в составе кинофирмы Дмитрия Харитонова. В Одессе с ее участием было снято четыре фильма — «Последнее танго», «Женщина, которая изобрела любовь», «Азра» и «Княжна Тараканова». Они пользовались бешеной популярностью у публики — на Дерибасовской, перед синематографом «Кино-Уточкино» выстраивались огромные очереди желающих посмотреть на первую красавицу России.

В Одессе актриса выступала в коммерческих концертах и на благотворительных вечерах, весь сбор от которых шел в пользу Красного Креста или неимущих работников сцены. Часто появлялась в обществе блестящих белых генералов и изысканных французов из руководства интервентов. Круг ее одесских знакомств был чрезвычайно разнообразен. И как раньше, когда молва записывала ей в мужья и любовники постоянных ее партнеров по фильмам — актеров В. Максимова, В. Полонского и П. Чардынина, так теперь поползли слухи о ее романе с военным губернатором Одессы Алексеем Гришиным-Алмазовым. Впрочем, в этом Гришин-Алмазов был не одинок — такую же роль молва отводила иногда консулу Эмилю Энно.

По всей видимости, Вера Холодная, вместе со всей киногруппой Харитонова, хотела отсидеться в Одессе до наступления более спокойных времен в России. От политики она была чрезвычайно далека и, наверное, плохо понимала, что же происходит сейчас во взбаламученной

стране, хотя и остро переживала грозные события. Вряд ли помышляла об отъезде за границу, так как муж, сестра и приемная дочка оставались в Москве. Сам Д.И. Харитонов, трезво оценивая ситуацию, в случае окончательной победы большевиков намеревался эмигрировать из страны, что и сделал впоследствии, уже в 1920 году. А пока же он купил участок земли на Французском бульваре, где к концу 1918 года возвел павильон для киносъе-мок, и продолжал производство фильмов, в которых участвовала Вера Холодная и ее звездные коллеги по экрану.

Как и вокруг всякой известной и овеянной славой личности, вокруг русской кинодивы постоянно вертелось множество самых разнообразных лиц, зачастую имеющих весьма отдаленное отношение к искусству. Среди них, как это вполне убедительно показал одесский краевед и кинокритик Георгий Островский, были и тайные агенты большевиков, за которыми, в свою очередь, охотилась белая контрразведка. Один из «поклонников» — это уже упоминавшийся выше, засланный из Москвы чекист Жорж Лафар (или де Лафар), работавший в Одессе под подпольной кличкой Шарль. Еще один — это одесский театральный актер Петр Инсаров, работавший в киноателье «Мирограф», по соседству с кинофабрикой Харитонова и неведомо по каким мотивам примкнувший к большевистскому подполью. Вероятно, они, пользуясь доверчивостью и политической неопытностью кинозвезды, а также вхожестью ее в высшие круги интервентов и белогвардейцев, попытались выведать через нее какие-то тайны, а возможно, и подкупить начальника французского штаба Фрейденберга, вроде бы по уши влюбленно-

го в Веру (о том, что Фрейденберг был падох на деньги и почти открыто брал взятки и спекулировал казенными товарами, писали как белые, так и красные авторы). У Лафара был отличный аргумент для разговора с Верой в этом плане — ведь ее муж, бывший офицер, дочка и младшая сестра были в Москве, оставаясь, по существу, заложниками в руках чекистов, а чекисты никогда не упустили такой возможности надавить на людей.

Неожиданная смерть Веры Холодной, последовавшая 3 (16) февраля 1919 года, породила целую массу слухов и домыслов, некоторые из которых продолжают гулять и поныне. Хотя, возможно, смерть эта явилась избавлением ее от втягивания в опасную игру с агентами Лубянки. Официальная причина смерти — испанка (тяжелая форма гриппа с легочными осложнениями), сразу же была подвергнута сомнению. Откуда-то пошли гулять версии, что ее то ли расстреляли революционные матросы как белую шпионку, то ли консул Энно прислал ей огромный букет отравленных белых лилий, от запаха которых она и задохнулась. И еще одна версия, почему-то подхваченная в последние годы некоторыми украинскими газетами: Вера Холодную задушил из ревности ее любовник, генерал Гришин-Алмазов.

Если версия об отравлении (правда, неизвестно, кем, и как) еще имеет право на существование, то первая и последняя версии смерти актрисы абсолютно безосновательны. Все, по-видимому, было гораздо проще и будничней, но от этого не менее печальной — пандемия испанского гриппа унесла в 1918—1919 годах, по разным подсчетам, от 50 до 100 миллионов жизней во всем мире.

Не выдерживает никакой критики версия писателя Валентина Катаева и некоторых белоэмигрантских авторов, что большевики через Веру Холодную дали большую взятку французскому военачальнику — то ли Д'Ансельму, то ли Фрейденбергу, то ли самому Франше Д'Эспере для того, чтобы он вывел союзные войска из Одессы. Она заболела и умерла почти за два месяца до эвакуации союзниками Одессы, когда об оставлении города никто и не думал, и физически не могла этого сделать. Да и само решение об эвакуации союзных войск принималось вовсе не в Одессе, а на самом высоком уровне — на совещании Совета четырех в Париже, в последних числах марта, а антантовские генералы были лишь послушными исполнителями воли своих политических руководителей. Кстати, и сам генерал Франше Д'Эспере впервые появился в городе только 7/20 марта, то есть через месяц с лишним после смерти кинозвезды. Другое дело, что проведенная в бешеном темпе эвакуация союзников из Одессы в апреле, оставившая наступающим красным войскам огромные трофеи, приведшая к беспорядкам в городе и не позволившая многим желающим попасть на отходящие корабли, могла быть выполнена не столь поспешно и бездарно. Здесь уже вина полностью ложится на генерала Д'Ансельма и его начальника штаба Фрейденберга, и кто его знает, не была ли причиной этому определенная материальная заинтересованность? Тем более что, по свидетельству В.И. Гурко, до французского правительства вскоре дошли слухи о взяточничестве полковника Фрейденберга, и оно вынуждено было даже назначить специальное расследование

по этому делу. Сам Фрейденберг, кстати, тотчас по прибытии в Константинополь, подал в отставку, и открыл там, очевидно, на «честно заработанные деньги» банк.

Вера Холодная была знакома с начальником гришинской контрразведки Владимиром Орловым, непревзойденным асом следственного дела, и неоднократно встречалась с ним. Возможно, что именно с ее подачи Орлов выпел на след большевистского подполья в Одессе, перехватил несколько донесений де Лафара в Москву, а свидетельства Сиднея Рейли в марте лишь подтвердили его предположения и догадки, и он приступил к арестам и ликвидации подпольщиков — Николая Ласточкина (Ивана Смирнова), Шарля (Жоржа де Лафара) и других. Временно избег этой участи актер Петр Инсаров — он был разоблачен, арестован и расстрелян уже при втором пришествии белых в Одессу — осенью 1919 года.

Добавила загадочных слухов и неожиданная смерть еще одного знакомого Веры Холодной, молодого журналиста и доверенного агента Владимира Орлова Б.М. Ржевского (псевдоним — Раевский). Личность эта была чрезвычайно таинственная и подозрительная во всех отношениях — Ржевский выполнял различные щекотливые поручения еще царского МВД, успел поработать на ВЧК в Москве, на уголовный розыск и контрразведку белой Одессы и, судя по всему, на Япончика и его бандитов. Но Орлов, знавший Ржевского еще по работе в Петрограде в 1918 году, вроде бы был неплохого мнения о его деятельности. За несколько дней до смерти Ржевского французская контрразведка сообщила белым, что «Раевский по-

дозрительный человек и провокатор», и ему было предложено оставить Одессу.

Ржевский был найден мертвым возле клуба «Дома артистов» в Колодезном переулке, через четыре дня после смерти актрисы — 20 февраля. В его теле обнаружили пятнадцать пуль. В этом клубе «Дома артистов» неоднократно бывала как В. Холодная, так и многие ее знакомые, включая полковника А. Фрейденберга. Посещение этого клуба считалось хорошим тоном, а потом выяснилось, что там же были завсегдатаями и некоторые тайные агенты ЧК. Какие тайны унес Ржевский-Раевский на тот свет?

Создается такое впечатление, что несчастная женщина с печальными и прекрасными серыми глазами просто запуталась во всех этих играх разведок и контрразведок, каждая из которых хотела каким-то образом использовать ее в своих целях. Ей же хотелось только одного — играть свои роли в кино и выступать на концертах и вечерах. Но жестокое и безжалостное время не располагало к этим занятиям...

Отпевали безвременно ушедшую артистку 6/19 февраля в Спасо-Преображенском кафедральном соборе. Вход в собор, где она лежала в открытом гробу, загримированная и в своем лучшем платье, охранялся усиленным караулом. К гробу имели доступ только избранные, среди которых видели и некоего французского генерала (Фрейденберг? Но он был полковником. — *М.И.*). Он положил к ее гробу пышный букет с лентами, на которых блистала французская цитата.

После папихиды гроб с телом Веры Холодной вынесли из собора и на руках понесли по Преображенской на Первое христианское кладбище. Движение на Преображенской остановилось — за гробом шла огромная толпа народа, друзья и поклонники. Одесса прощалась со звездой отечественного кинематографа. Похороны снимали на киношленку, а вскоре вышел и «последний фильм с ее участием», который так и назывался — «Похороны Веры Холодной». Эта кинохроника сохранилась до наших дней...

Когда-то декадентский эстрадный кумир Александр Вертинский посвятил Вере одну из своих песен — «Ваши пальцы пахнут ладаном, а в ресницах спит печаль». Актриса возмутилась тогда, увидев в этих строках картину своей смерти, и Вертинский снял посвящение. Теперь невольное предсказание сбылось, и потрясенный Вертинский, бывший тогда на гастролях в белом Ростове, вновь восстановил его...

Шел ли за гробом Веры Холодной ее предполагаемый возлюбленный — «одесский диктатор», или он только присутствовал в соборе на отпевании? И вообще, было ли какое-то чувство между ними, или это все досужие домыслы? Вероятно, об этом мы уже никогда не узнаем.

Известная современная «дамская писательница» Елена Арсеньева, дав волю своей фантазии, достаточно увлекательно и в то же время скромно и целомудренно описала их взаимоотношения в своей исторической новелле «Последнее танго в Одессе». Но все это лишь догадки и предположения, хотя и интригующие.

Василий Шульгин, единственный близкий Гришину-Алмазову человек по Одессе, оставивший свои воспоминания, написал о Вере совсем немного и с изрядной долей сарказма, нисколько не упомянув о каких-то ее «особых отношениях» с генералом, как и о загадках, связанных с ее смертью. Хотя, возможно, у него были на то свои основания — ведь его «Азбука» плотно сотрудничала с контрразведкой белых и Освагом (Осведомительным агентством), и ему не было резона разглашать что-то лишнее, даже спустя много лет:

«В Одессе в это время проживала очень известная кинематографическая актриса Вера Холодная. Холодная она была по мужу, по отцу она была Левченко, почтового чиновника в Харькове³⁷. И Вера Левченко была не холодная, а горячая. К тому же избалованная успехом...

Она побывала у Гришина-Алмазова. Она принесла ему билеты на благотворительный спектакль. Тогда она уже не играла... Она как будто предчувствовала свою смерть... Между прочим, раздавала даром свой богатый гардероб. Около ее номера в гостинице всегда стояла очередь из дам, бедных и небедных.

Так вот она принесла билеты Гришину-Алмазову для него и для меня. И затем, рассердившись, что ей пришлось немного подождать, ушла, не прощаясь.

Когда я после этого побывал у Гришина-Алмазова, он сказал мне:

— Вот билеты для вас!

Я сказал:

— Я не пойду, но пошло деньги! Где ее искать?

³⁷ На самом деле — дочь учителя словесности из Полтавы.

Гришин-Алмазов позвонил.

Явился один из 4-х адъютантов.

— Адрес Веры Холодной!

Адъютант пошел искать, но вернулся смущенный:

— Ее адреса нет!

— Она была у меня. А я раз и навсегда приказал, чтобы адреса всех лиц, у меня побывавших, записывались. Ступайте на гауптвахту!

Но я как-то разузнал ее адрес. И сказал моему сыну Ляле:

— Вот тебе деньги. Разущи Веру Холодную, поблагодари ее и скажи, что я не приду.

Он исполнил это поручение и рассказал:

— Она очень-очень просила, чтобы ты пришел.

Но я все же не пошел. Я был так печален, что не мог посещать вечеров, хотя бы и благотворительных.

Концерт прошел оживленно, а затем Вера Холодная умерла скоропостижно. Она болела одиннадцать дней так называемой испанкой. Эта болезнь вид гриппа и страшна своими осложнениями. От испанки умерли миллионы людей после войны.

Подробности ее смерти рассказал мне значительно позже, уже в Константинополе, один знакомый мне до того человек, разыскавший меня. Разыскать кого-нибудь в Константинополе было трудно. Не только не было адресного стола, но не было названия улиц, не говоря уже о номерах.

Этот человек, разыскавший меня, с места брякнул:

— Я был последним любовником Веры Холодной!

— И для того чтобы мне это сообщить, вы проделали невозможное, отыскиали меня?

— Я не знаю, почему я пришел к вам. Должно быть, она мне это приказала перед смертью. Вы думаете, она меня любила? Ничуть! Дело было так. У нас была дочка восьмилетняя. Девочка где-то застряла. На улицах шла стрельба. Я под пулеметами притаился и отдал матери. Так вот — в благодарность...

Прошли года и года, больше 10 лет. Я был в Варшаве. В одном из театров шли старые фильмы, в том числе кинокартины с Верой Холодной. Три сеанса в день, театр всегда переполнен. А затем Холодная, прожив свой век, исчезла, и позднейшие поколения о ней не знают ничего. *Sic transit gloria mundi!*»³⁸.

Первое христианское кладбище, на котором похоронили Веру Холодную, было уничтожено в тридцатых годах, и на его месте, на костях людей, разбит парк имени Ильича. Могилы Веры Холодной не сохранилось — она была уничтожена, как и сотни других надгробий, в том числе и могилы Льва Сергеевича Пушкина, брата поэта, генерала Ф.Ф. Радецкого, героя Кавказа и Шипки, и еще многих и многих. Здесь есть какое-то мистическое совпадение: Гришин-Алмазов, переживший Веру Холодную всего на два с половиной месяца, также остался без последнего земного пристанища...

Могилы Веры не осталось, но в 2003 году, на Преображенской улице в Одессе, напротив дома, где она умерла, был поставлен изящный бронзовый памятник работы

³⁸ Так проходит земная слава (*лат.*).

скульптора Александра Токарева, и поклонники ее творчества и таланта, могут постоять около него и отдать долг памяти несравненной «королеве экрана».

Глава X

ПОСЛЕДНЕЕ ПЛАВАНИЕ

Еще до эвакуации Одессы, 18/31 марта, город покинул Особый татарский отряд во главе с ротмистром Бекирбеком Масловским. На судне «Георгий» он отплыл в Ялгу для развертывания отряда, а вернётся, как писал подпоручик Б.Д. Зернов, «чтобы 10—15 дней пожить в свое удовольствие в тепле и солнце», несмотря на то, что накануне от Алмазова была получена радиограмма: «Деникин одобрил поездку в Сибирь. [С] татарами немедленно ехать в Екатеринодар. Нужны деньги. Брать кого-либо, кроме офицеров и татар, воспрещено». 20 марта отряд сошел на берег, разместившись в Ливадии, где, очевидно, и пробыл около десяти дней, вместо пополнения заметно уменьшившись за это время.

По прибытии в Екатеринодар Алексей Николаевич встретился с Деникиным и доложил ему о сложившейся в Одессе обстановке. Почему-то Деникин не предложил ему никакой должности в Вооруженных силах Юга России, а решил отправить его на восток, в Сибирь. За то время, что Гришин-Алмазов был на юге, в Омске многое переменилось — произошли события, полностью изменившие расстановку сил. Временное Сибирское правительство сменила Директория, а та, в свою очередь, была

*Генерал-майор А.Н. Гришин-Алмазов.
Рисунок В. Желдакова, 1918 г.*

*Оренбургский атаман
генерал А.И. Дутов*

*Главнокомандующий ВСЮР
генерал-лейтенант А.И. Деникин*

*Генерал-майор
Н.С. Тимановский. Лето 1919 г.*

В.В. Шульгин

*Управделами Временного Сибирского
Правительства Г.К. Гинс*

*Екатерининская площадь в старой Одессе.
Открытка начала XX в.*

*Дерибасовская улица в старой Одессе.
Открытка начала XX в.*

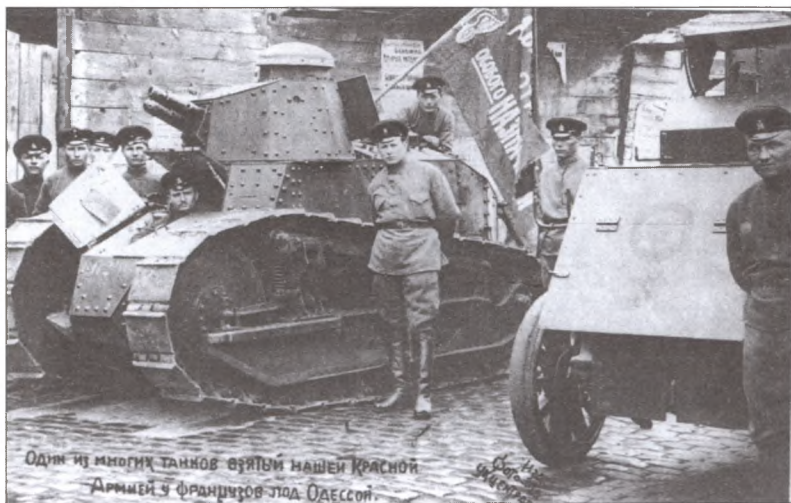
*Участники политического совещания в Челябинске.
Сидит пятый слева А.Н.Гришин-Алмазов. Июль 1918 г.*

*Вступление частей Григорьева в Одессу
в апреле 1919 г.*

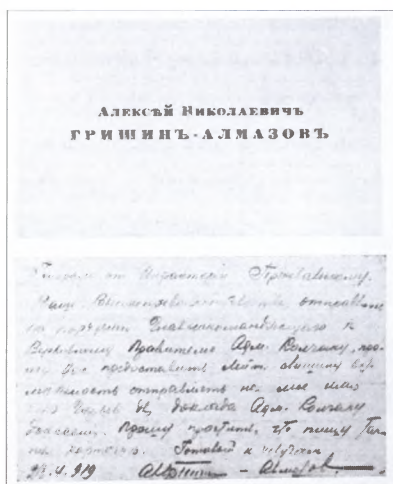

*Встреча союзников на Украине. — «А ведь это те самые вилы, которыми ты собирал снопы для немцев».
Карикатура из газеты «Одесский листок»*

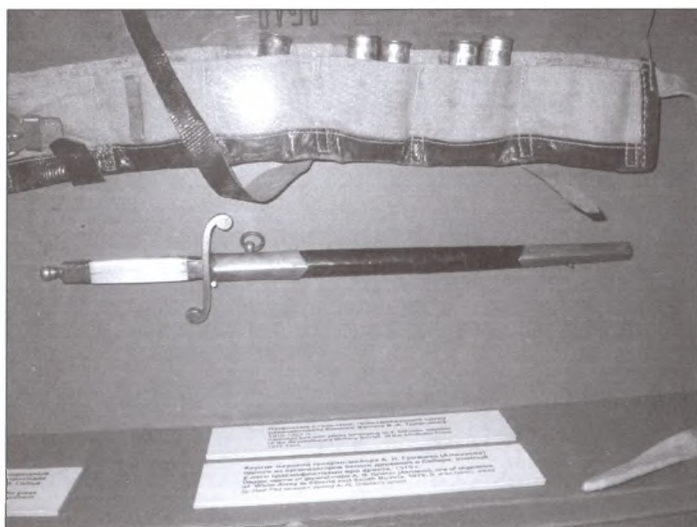

Один из многих танков взятых нашей Красной Армией у французов под Одессой.

Французские танки, взятые красными под Одессой. 1920 г.

Визитная карточка А.Н. Гришина-Алмазова с запиской генералу М.А. Пржевальскому, апрель 1919 г.

Морской кортик А.Н. Гришина-Алмазова, снятый с его тела краснофлотцами. Ныне хранится в Музее политической истории России в Санкт-Петербурге

*Берега Мангышлака в районе Форта-Александровска.
Фото 2008 г.*

*Форт-Александровск (ныне Форт-Шевченко).
Фото 2007 г.*

свергнута в ноябре 1918 года военно-казацким переворотом. К власти пришел Верховный правитель России — адмирал Александр Васильевич Колчак.

Деникин поручил Гришину новое важное задание — пробраться в Сибирь, к Колчаку с рядом важных документов, обзоров и докладов о положении дел на Юге России и дальнейших планах и задачах. Вероятно, мысль о командировке в Сибирь мелькала у Гришина еще в Одессе — тогда В.В. Шульгин дал ему свое письмо для адмирала. Неприкаянный генерал стал собираться в дальний путь.

Маршрут для путешествия Гришин выбрал такой же, как и полгода назад, только в обратном направлении — Петровск-Порт, затем через Каспий в Гурьев, а оттуда по территории Уральского казачьего войска в Омск. С собой он решил взять достаточно сильный отряд, чтобы в случае необходимости, силой пробиться по направлению к Омску. «Вчера пришел из Ялты отряд Масловского, 20 всадников едут с нами», — записал в дневнике адъютант Гришина-Алмазова Б.Д. Зернов 3/16 апреля в Екатеринодаре. По другим сведениям, с Гришиным-Алмазовым отправился отряд из 16 офицеров и 25 солдат, Шульгин же пишет о 12 офицерах, отправившихся с ним в опасную экспедицию.

Как бы то ни было, отряд Гришина-Алмазова выехал из Екатеринодара в Петровск-Порт, для того, чтобы начать свое последнее плавание на пароходике «Лейла». Незадолго перед отплытием побывал генерал в Темир-Хан-Шуре (ныне Буйнакск), где находилась английская миссия.

Об этом последнем пути и гибели А.Н. Гришина-Алмазова существует целая масса различных источников — как белых, так и советских, в некоторых деталях не совпадающих друг с другом. Попытаемся же и мы, на основании всех этих данных, восстановить все подробности произошедших событий...

Прежде всего, необходимо пояснить, что собой представляла весной 1919 года акватория Каспийского моря. На севере, в дельте Волги и в районе Астрахани, держалась советская 11-я армия (командарм Н.А. Жданов), защищавшаяся со стороны моря Астрахано-Каспийской флотилией под руководством С.Е. Сакса, бывшего прапорщика. С востока, со стороны Гурьева и Урала, на 11-ю армию красных напирала белоказачья Уральская армия под командованием атамана Уральского казачьего войска генерала В.С. Толстова, поддерживаемая небольшими отрядами алашордынцев³⁹. По восточному берегу Каспия, почти пустынному, стояли только небольшие гарнизоны белых в Александровском форту (ныне Форт-Шевченко) и Красноводске (ныне Туркменбаши), из состава Уральской и Туркестанской армий. Персидское побережье Каспия контролировалось английскими войсками и флотом с базой в порту Энзели. По западному побережью, от персидской границы на юге и до Дербента, тянулась территория провозгласившего независимость Азербайджана (в Баку также находились английские войска и база флота). Далее

³⁹ *Алашордынцы* — киргизские (казахские) милиционные отряды, сформировавшиеся т.н. правительством Алаш-Орды.

на север, почти до дельты Волги, территорию занимали части из терских, кубанских и астраханских казаков, вошедшие вскоре в состав Кавказской армии генерал-лейтенанта барона П.Н. Врагеля, стремившиеся прорвать фронт красных и соединиться с уральцами. На самом море полновластным хозяином была английская военная флотилия, состоявшая в основном из вооруженных старых русских пароходов и возглавлявшаяся коммодором Дэвидом Норрисом. В Петровск-Порте располагались гарнизон и база небольшой, только формирующейся Каспийской флотилии белых под командованием капитана 1-го ранга А.И. Сергеева.

Надо сказать, что переход через Каспий отряда генерала Гришина-Алмазова был достаточно хорошо подготовлен и держался в строгом секрете. Для перевозки отряда был зафрахтован частный бакинский пароходик яхточного типа — «Лейла» («Чайка»). Как сам капитан «Лейлы» Мирза, так и все матросы вплоть до выхода в рейс не знали, куда направится судно.

По воспоминаниям лейтенанта Н.Н. Лишина, служившего у англичан и лейтенанта белой Каспийской флотилии Н.З. Кадесникова, 27 апреля (нового стиля. — *М.И.*) 1919 года «Чайка» пришла на якорную стоянку английской флотилии у острова Чечень. Генерал Гришин-Алмазов и сопровождающие его офицеры были приглашены на английский флагманский крейсер «Президент Крюгер»⁴⁰, где коммодор Норрис принял их исключи-

⁴⁰ «Президент Крюгер» — бывший русский пароход, построенный в 1902 году в Воткинске и названный в честь президента бурской республики Трансвааль Пауля Крюгера, злейшего врага

тельно любезно, а узнав о цели их поездки, предложил генералу эскортировать его через море, плавание по которому было небезопасно, ввиду частого появления в этих водах кораблей Астраханско-Каспийской флотилии красных. Коммодор Норрис настоятельно советовал также Алмазову изменить курс на более спокойный, с его точки зрения, то есть двигаться из Петровска не прямо на Гурьев, а с заходом в Форт-Александровск на полуострове Мангышлак, где стоял небольшой гарнизон белых и имелась радиостанция, связывавшая Петровск с Гурьевом, а фактически — войска Деникина и Колчака, через посредство Уральской армии. Генерал согласился с предложением коммодора.

Лишин вспоминает, что пароходик «Лейла» пришвартовался к «Крюгеру» и Гришин-Алмазов ответил на прием англичан, пригласив их к себе. Штаб генерала состоял почти сплошь из молодых офицеров, которые относились с каким-то обожанием к своему шефу, а последний производил впечатление сильного, энергичного и умного человека, тактичного, сдержанного и осторожного в своих суждениях.

«Лейла» простояла на якорной стоянке у острова два дня, а вечером 28-го апреля состоялся конфиденциальный разговор лейтенанта Лишина с генералом в его каюте.

Подробный доклад русского морского лейтенанта, находившегося в силу обстоятельств на английской службе, продолжался всю ночь, и к утру, 29-го в руках гене-

англичан. Англичане решили не переименовывать судно, разместили на нем штаб своей флотилии и вооружили его пятью английскими морскими пушками.

рала осталось множество листов сделанных им записей. В результате этого доклада Верховный правитель адмирал Колчак должен был получить точную информацию из первых рук и с объяснительными комментариями, обо всем, что происходило на Каспии, о неприемлемых для русских действиях англичан, о сложившейся обстановке и вытекающих из нее опасностях, а также некоторые соображения о мерах, которые следовало бы предпринять дипломатическим путем. Огромное большинство тех фактов, о которых Лишин доложил генералу, было, по словам последнего, абсолютно неизвестно в штабе Деникина, а тем паче не могло быть известно Колчаку. Гришин-Алмазов был неприятно поражен и подавлен — хорошо знакомая ему по Одессе двуличная и эгоистическая политика «союзников» по Антанте продолжалась и здесь, на Каспии. Перед расставанием он сказал Лишину:

— Все, что вы мне доложили, будет доложено адмиралу. Это будет сильным и необходимым ударом по вере в союзников. Может быть, и удастся что-нибудь сделать, чтобы спасти положение. Но как же здесь будет тем временем? Ведь несомненно, что много важных событий еще впереди. На них надо реагировать, о них надо знать. А между тем у нас нет связи. Вы находитесь в центре событий, в боевом и политическом штабе Каспия, и никто из русских офицеров, кроме вас, не обладает возможностями знать почти все происходящее. Вам должна быть дана возможность пересылать мне для доклада Верховному правителю ваши дальнейшие донесения.

Затем Гришин-Алмазов подошел к столику, вынул свою визитную карточку и написал на ней:

«Генералу от инфантерии Пржевальскому⁴¹. Ваше Высокопревосходительство, отправляясь по поручению Главнокомандующего к Верховному Правителю Адм. Колчаку, прошу Вас предоставить Лейт. Лишину возможность отправлять на мое имя через Гурьев для доклада Адм. Колчаку донесения. Прошу простить, что пишу так — на карточке. Готовый к услугам А.Н. Гришин-Алмазов. 28.4.1919».

Передавая карточку, генерал сказал Лишину:

— Держитесь на английской службе до последней возможности и посылайте регулярные донесения мне через генерала Пржевальского. Мы еще с вами увидимся, когда я вернусь сюда из Петровска. Мы, наверное, переночуем у острова Чечень.

Впоследствии обстоятельства сложились так, что лейтенанту Лишину не пришлось передать эту визитную карточку генералу Пржевальскому, и она осталась у него.

Утром 29-го апреля Гришин-Алмазов ушел со своим штабом на пароходе в Петровск, а Лишин на «Президенте Крюгере» отправился крейсировать по северной части

⁴¹ *Пржевальский Михаил Алексеевич* (1859—1934) — из дворян. Закончил Полтавскую военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище, Михайловскую артиллерийскую академию и Николаевскую академию Генерального штаба. В 1892—1901 г. секретарь российского генерального консульства в Эрзеруме, занимался сбором разведывательной информации в регионе. Участник Первой мировой войны. Отличился в Сарыкамышской и Эрзерумской операциях. Ордена Св. Георгия 4-й и 3-й ст. Генерал от инфантерии (1916). В 1917 г. командующий Кавказской армией и главнокомандующий Кавказским фронтом. С 1918 г. командующий добровольческими войсками на Кавказе. С 1920 г. в эмиграции в Югославии. Умер 13.12.1934 г. в Белграде.

Каспия. Плавание «Крюгера» продолжалось несколько дней, во время которых вдали ясно виднелись силуэты красных миноносцев. Вернувшись на Чечень, «Крюгер» снова застал там Гришина-Алмазова на своем пароходе «Лейла», возвратившегося из Петровска.

Коммодор Норрис еще раз повторил ему свое предложение конвоировать его, но на этот раз предложил свои услуги только до Форта-Александровска, причем было решено, что «Крюгер» возьмет пароходик-яхту на буксир. Коммодор предложил генералу проделать поход на «Крюгере», и только уже у Форта-Александровска пересесть на «Лейлу», но Гришин отказался от этого, ссылаясь на большое количество работы.

Лейтенанту Лишину удалось еще раз переговорить с генералом с глазу на глаз. Тот был задумчив и как будто расстроен. Расставаясь, он вдруг сказал:

— Если со мною что-нибудь случится в пути, то я беру с вас слово, что вы сами проедете к Верховному правителю и сделаете ваш доклад лично. Поезжайте тогда через Гурьев и там явитесь генерал-майору Владимиру Сергеевичу Толстому, атаману Уральского казачьего войска. Он устроит для вас все, что надо, чтобы проехать в Омск с наивозможной скоростью.

Написав несколько слов на своей карточке, генерал передал ее Лишину. Затем они попрощались, чрезвычайно сердечно. (Забегая вперед, следует упомянуть, что лейтенант Н.Н. Лишин выполнил пожелание генерала — уже в июле он был в Омске и сделал там подробный доклад лично адмиралу Колчаку.) Последние слова Гришина-Алмазова при этой встрече были такими:

— Возможно, что верховный найдет нужным послать к вам офицера для связи. Если со мной ничего не случится и я благополучно доеду до Омска, оставайтесь на «Крюгер» во что бы то ни стало и старайтесь поменьше рисковать порчей ваших отношений с англичанами и вашей службой у них. Мы связь с вами наладим.

Для подстраховки рейса генерала через Каспий решено было связаться с радиостанцией в Форте-Александровском, а через нее и в Гурьеве, чтобы проконтролировать прохождение «Лейлы» и встретить там миссию Грипина-Алмазова, обеспечив ее дальнейшее продвижение к Омску.

Все бы так и вышло, если бы не одно обстоятельство... Дело в том, что 30 апреля (нового стиля) отрядом кораблей Астрахано-Каспийской флотилии под командованием А.В. Сабурова был захвачен Форт-Александровский и находившаяся там радиостанция. Причем красные, пользуясь удаленностью форта от других гарнизонов белых, решили не раскрывать карты, а продолжить радиоигру с ними в Петровск-Порте и Гурьеве. Получив в свои руки коды и шифры, они продолжали регулярно выходить на прием. Под наблюдением матроса Никиты Чемрукова радиотелеграфист Александровского форта Калиновский получал шифротелеграммы белых, которые просматривались большевиками, а потом, в зависимости от обстоятельств, или отправлялись далее, или вообще не доходили до адресата. Известный казахстанский журналист Ракип Насыров писал, что этим радиотелеграфистом был не Калиновский, а добровольно со-

гласившийся работать на красных П.М. Шпанов-Егоров, впоследствии известный советский полярник. Как бы то ни было, уловка подействовала, и уже 3 мая большевиками были задержаны две шхуны, идущие из Гурьева в Петровск с грузом табака и продовольствия. Конечно, мистификация не могла продолжаться слишком долго, но вскоре красным несказанно повезло...

В ночь на 5 мая была получена шифровка: «Пароходе «Лейла» сопровождении «Президента Крюгера» выехал Петровска Гришин-Алмазов тчк Примите меры быстрейшей доставки его через Гурьев ставку верховного правителя тчк». В ответ полетела радиограмма о готовности Александровска к встрече.

«Лейла» на буксире у «Президента Крюгера» и в самом деле вышла к Александровску 21 апреля/4 мая в шесть часов вечера. Как и было условлено, капитан Мирза и его команда, которых не выпускали на берег до отплытия, только в море узнали конечный пункт своего следования. Лейтенанты Н.З. Кадесников и Н.Н. Лишин пишут, что помимо «Крюгера» в кильватере «Лейлы» шел еще один английский корабль — «Вентюр» (бывший русский пароход «Австралия»). Советские источники об этом почему-то умалчивают. Ночь прошла спокойно.

Наступило утро 22 апреля/5 мая 1919 года. Лейтенант Лишин часто выходил на корму «Президента Крюгера», чтобы посмотреть, как ведет себя пароходик на буксире, и чтобы обменяться приветствием с кем-нибудь из офицеров Гришина-Алмазова, выходивших на палубу. Плавание проходило в спокойной обстановке, неприятеля нигде не было видно.

Не доходя двух десятков миль до Форта-Александровского, коммодор Норрис приказал отдать буксир и попросил Лишина передать в рупор на «Лейлу», что опасности больше нет и генералу Гришину-Алмазову предлагается самостоятельно идти к форту. Лишин в мегафон передал все на пароходик. Генерал вышел на палубу «Лейлы» и приветливо помахал рукой. Затем он взял в руки мегафон и крикнул:

— Передайте, пожалуйста, коммодору Норрису и всем офицерам мою благодарность за любезный прием и за помощь. Вам же желаю всего наилучшего.

— Счастливого пути, ваше превосходительство, желаю всяческой удачи и благополучного прибытия в Омск, — ответил Лишин.

— Спасибо, прощайте, — еле слышно донеслись слова с удаляющейся «Лейлы».

«Крюгер» и «Вентюр» развернулись и пошли обратно к Чеченю. Лейтенант Лишин еще долго стоял на палубе и следил за удаляющимся пароходиком, пока на горизонте не осталась лишь узкая полоска дыма.

Было почти безоблачное небо и совершенно гладкое море, весеннее солнце ласково согревало своими лучами скалистые берега Мангышлака и каспийские воды. Казалось, ничто не предвещало опасности...

Около полудня, через пару часов после того, как «Крюгер» и «Вентюр» покинули «Лейлу» (или через полчаса, по другим источникам), со стороны Форта-Александровского показались красные корабли. Это были эсминец «Карл Либкнехт» (бывший миноносец «Финн», переброшенный с Балтики), шедший на перехват, и крейсер

«Красное Знамя» (бывший сухогруз «Коломна»), прикрывавший операцию (по другим источникам, советских кораблей было три). «Карл Либкнехт» на всех парах пошел наперерез «Лейле». Вероятно, на «Лейле» сперва не поняли, что это красные, приняв эсминец за свой корабль, посланный из Гурьева. Когда же ошибка обнаружилась, та резко изменила курс и стала уходить на запад, в сторону Кавказского побережья.

Но эсминец неотвратно настигал пароходик. Командир «Карла Либкнехта» М.С. Россет, кстати, бывший офицер Российского Императорского флота, наблюдая в бинокль с капитанского мостика за происходящим, приказал сделать несколько предупредительных выстрелов по «Лейле» из бокового орудия. Фонтаны каспийской воды взметнулись неподалеку от ее бортов. «Лейла» застопорила машины. Миноносец подошел к ней метров на сто.

И тут на пароходике началась паника — из открытых иллюминаторов в воду полетели какие-то бумаги, несколько офицеров выпрыгнули за борт и поплыли к берегу. С мостика эсминца в рупор предупредили: «Немедленно закрыть все иллюминаторы, иначе пароход будет расстрелян в упор!» Предупреждение подействовало. С миноносца спустили шлюпку. Десяток моряков во главе с боцманом А. Болонкиным спустились в нее, и она ходко пошла к «Лейле».

Гришин-Алмазов, видя, что сопротивление бесполезно, спустился в свою каюту и стал сжигать какие-то документы. Затем он приготовил револьвер и стал ждать...

Десантная группа военморов во главе с Болонкиным взобралась на палубу, и сразу же несколько человек ки-

нулись вниз, в кают-компанию. Оттуда раздались выстрелы и боцман, схватившись за ногу, стал сползать вниз, по крутому трапу. Военморы бросились к каюте, срывая двери, и в этот момент прогремел еще один выстрел. Когда они ворвались, Алексей Николаевич был уже мертв — последней пулей он застрелился.

Кроме генерала на «Лейле» успели покончить с собой его адъютант подпоручик Зернов и начальник личного конвоя (вероятно, это был ротмистр Бекирбек Масловский, исполнивший свою клятву до конца).

Как вспоминали затем участники захвата «Лейлы», оказавшись в каюте генерала, они увидели там страшный беспорядок. На узком кожаном диване лежал покончивший с собой бывший «одесский диктатор», на полу валялись раскрытые чемоданы и саквояжи, кругом были разбросаны какие-то бумаги, письма и газеты. Среди этих бумаг они нашли и запечатанный пакет с личным посланием главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России генерала Деникина Верховному правителю адмиралу Колчаку, который так и не успел уничтожить Гришин-Алмазов. Там же находился подлинник секретного письма, отправленного французским консулом в Одессе Энно в Париж, но перехваченный белогвардейской контрразведкой, сообщавший о положении на Юге России и в Добровольческой армии, а также письмо деникинского генерала Поживина колчаковскому генералу Лебедеву, содержавшее весьма ценные для большевиков сведения о комплектовании ВСЮР. Нашли военморы и письмо Шульгина Колча-

ку, которое, как вспоминал затем Шульгин, было потом большевиками где-то напечатано.

Но самое главное было в личном послании Деникина к Колчаку, которое содержало ближайшие планы военной борьбы с Советской республикой, планы совместного похода на Москву. Деникин предлагал соединить оба белых фронта в Саратове.

«В предыдущем письме своем, — писал Деникин, — которое Вы теперь несомненно получили, я высказывал свой взгляд на необходимость — после нашего реального соединения — установления единой власти, слив Восток и Юг. Мысль эта была выражена почти тождественно тому, как это сделано в последнем Вашем письме. Очень рад. Даст Бог — встретимся в Саратове и решим вопрос на благо Родине <...>

Те обстоятельства, о которых Вам доложит ген. Гришин-Алмазов, указывают на необходимость нам рассчитывать только на свои русские силы. Союзники близки к повторению знакомых нам чудес русской жизни <...>

Роль “Политического совещания” в Париже и его политика для меня не вполне ясны. И поэтому никакого признания этого совещания с моей стороны не было. Официальные сношения ведутся исключительно с Сазоновым, который считается представителем Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. С ним Маклаков и Гирс. Участие Львова и Чайковского приемлемо.

Французское командование на Юге России оправдывало свой ложный шаг (Одесса) одобрением “русского правительства в Париже”. Огнюдь не признаю и считаю

полным недоразумением. Полагаю, что француз не понял роли совещания.

В данное время получаем широкую помощь снабжением от англичан и широкое противодействие со стороны французов. Но все это менее важно, чем наше соединение, которого жду с величайшим нетерпением<...>

Главное, — призывал Деникин, — не останавливаться на Волге, а бить дальше по сердцу большевизма — Москве... Поляки будут делать свое дело, что же касается Юденича, он готов и не замедлит ударить на Петроград».

Когда эти и многие другие захваченные документы передали в Астрахань С.М. Кирову, члену Реввоенсовета 11-й Красной армии, он вроде бы воскликнул:

— Такой улов можно приравнять к выигрышу крупного сражения!

Наиболее важные материалы были тщательно упакованы и немедленно отправлены из Астрахани в Москву. Письмо Деникина было напечатано в московской «Правде» и вскоре послужило причиной очередной размолвки белых с французами, вызвав сильнейший гнев премьера Жоржа Клемансо.

Операция по захвату «Лейлы» была закончена. На судне начался допрос арестованных. Кроме капитана Мирзы и его команды сдались еще семь белых офицеров, английский капитан, французский майор и бывший саратовский губернатор Соколов. Нигде ничего не упоминается о судьбе татарского конвоя, бывшего с Гришиным-Алмазовым.

Это только одна версия случившегося... Другие несколько разнятся.

Лейтенанты Лишин и Кадесников упоминают о перестрелке на борту «Лейлы», во время которой Гришин-Алмазов был ранен в ногу, а затем, выпустив все пули из своего револьвера, застрелился. Сопровождающие его офицеры были частью убиты, а частью изранены и захвачены в плен живыми. Конечно, сам Лишин, как и Кадесников не были участниками этой драмы, так как находились вдали от места событий. Подробности трагедии стали известны Лишину позже, когда по дороге в Омск, к адмиралу Колчаку, он встретился с солдатом, бежавшим от большевиков из Форта-Александровска к белым в Гурьев.

Вряд ли справедливы и обвинения Кадесникова англичан в произошедшем, сводящиеся к тому, что «коммодор Норрис не мог не знать, что Гурьев (? — М.И.) был в руках красных, что на большевистской базе в Форт-Александровском стояли в готовности и нередко выходили в море вооруженные пароходы «Дело», «Бомбак», «Коломна» и переброшенные с Балтийского моря миноносцы «Деятельный», «Дельный», «Расторопный», «Финн» и «Эмир Бухарский».

Как бы ни была своекорыстна политика англичан, они вряд ли бы стали заведомо подставлять группу офицеров, среди которых находились и иностранцы — английский капитан и французский майор. У Кадесникова же были свои счета с англичанами, но об этом не место здесь говорить...

Р. Насыров упоминает о двух застрелившихся адъютантах генерала и начальнике конвоя...

Очевидцем этих событий оказался и будущий советский адмирал флота Н.Е. Басистый (1898—1971), который в своей книге «Море и берег» пишет, что Гришин-Алмазов застрелился в котельном отделении «Лейлы», где сжигал бумаги. Правда, Басистый тоже не был непосредственным участником этих событий — он находился тогда не на «Карле Либкнехте», а на крейсере «Красное Знамя» (бывшая «Коломна»), обеспечивавшем эту операцию.

В.В. Шульгин, который вообще был тогда в Екатеринодаре и пользовался чьими-то рассказами, пишет о двенадцати молодых офицерах, бросившихся в море, часть из которых добралась до берега, где, вероятно, они были расстреляны.

Наконец Деникин, опираясь на данные своей разведки, так описал конец генерала:

«Не пожелав дожидаться нормального рейса, он нанял частный катер и с бывшими при нем офицерами и командой вышел из Петровска на Форт-Александровск в сопровождении английского военного судна. 5 мая в виду Александровска английское судно ушло на север, а катер в четырех верстах от форта неожиданно подвергся нападению большевистских миноносцев... Выхода не было никакого... Генерал Гришин-Алмазов, уйдя в каюту, выстрелом из револьвера смертельно ранил себя и умер под смех и надругательства большевистских матросов. Его примеру последовали четыре офицера; один бросился в море; остальных большевики увезли в Астрахань, и судьба их неизвестна (со слов механика катера — един-

ственного человека, которому удалось потом уйти от большевиков)».

Как бы то ни было, ясно, что молодой, талантливый и многообещавший генерал А.Н. Гришин-Алмазов нашел свой конец среди вод Каспийского моря 5 мая 1919 года.

«Умер геросм. Геросм, Гришин-Алмазов! Подчеркиваю, героем», — подражая его манере, писала затем Тэффи.

Интересно, что даже его трагическая гибель послужила поводом для разных сплетен о нем, распространявшихся его недоброжелателями еще по омскому периоду. Так, председатель Временного Сибирского правительства, а затем премьер в правительстве Колчака П.В. Вологодский, немало постаравшийся для снятия Гришина с поста управляющего Военным министерством, распространял о нем самые нелепые слухи — генерал якобы продался большевикам, предав на смерть весь свой отряд, а сам свободно разгуливает по улицам Самары. Все эти нелепости, конечно, выявились уже к осени 1919 года, что вынужден был признать и сам Вологодский.

На Каспии же ситуация для белых прояснилась гораздо быстрее. Уже утром следующего дня, 23 апреля/6 мая, Гурьев запросил Форт-Александровск: «Сообщите, прошел ли мимо форта пароход “Лейла”». Продолжая радиоигру, красные ответили: «Прошел». Через некоторое время над фортом появился английский гидросамолет. С его борта были прекрасно видны красные военные корабли, стоявшие в бухте, и плененная «Чайка». Игра была окончена...

Через несколько дней, во время очередного крейсерства «Крюгера», он наткнулся на два парусника, стоявших на

якоре на линии Форт-Александровск—Астрахань, милях в сорока от форта. Парусники оказались большевицкими, и, забрав команду и документы, англичане потопили их артиллерийским огнем. От забранной команды белые и англичане подтвердили информацию о том, что Форт-Александровск находится в руках большевиков, оборудовавших там базу.

— Будем надеяться, что генерал Гришин-Алмазов избежал плена, — сказал тогда коммодор Норрис, хотя почти всем было ясно, что генерал погиб.

Поняв, что форт в руках красных, соединенная флотилия английских и белогвардейских кораблей, усиленная гидросамолетами, уже 21 мая (нового стиля) дала бой большевикам у двенадцатифутовой банки в Тюб-Караганском заливе близ Александровска, вынудив их оставить его. Все суда красных, включая и «Лейлу» (переименованную в июле в «Товарищ Петров»), ушли в Астрахань. Чтобы предотвратить впоследствии попытки захвата форта, на усиление его гарнизона атаманом Уральского казачества генералом В.С. Толстовым была направлена сотня казаков во главе с генералом Железновым.

О гибели Гришина-Алмазова и его миссии вскоре сообщили большевистские газеты. В потрясающем дневнике И.А. Бунина «Окаянные дни», в записи от 11 июня 1919 года, мы читаем:

«Едва дождался газет. Все очень хорошо:

«Мы оставили Богучар... Мы в 120 верстах западнее Царицына... Палач Колчак идет на соединение с Деникиным...»

И вдруг:

«Угнетатель рабочих Гришин-Алмазов застрелился... Троцкий в посздной газете сообщает, что наш миноносец захватил в Азовском море пароход, на котором известный черносотенец и душегуб Гришин-Алмазов вез Колчаку письмо Деникина. Гришин-Алмазов застрелился».

«Ужасная весть!» — заключает Бунин. Он находился тогда в красной Одессе и с огромным нетерпением просматривал большевистские газеты, в надежде на скорое соединение Деникина с Колчаком и освобождение от коммунизма Москвы и всей России. Гришин-Алмазов же был хорошо знаком ему по деятельности на посту военного губернатора Одессы, где Бунин жил с июня 1918 года.

Деникин, долгое время настороженно и предубежденно относившийся к Гришину-Алмазову, уже в эмиграции написал честные и справедливые слова о нем:

«...Трагически окончил свою молодую и бурную жизнь человек далско не заурядный, не оцененный в Сибири, недооцененный на Юге и имевший много данных для того, чтобы играть видную роль в рядах белого движения».

Послесловие

Вот и весь рассказ о жизни и смерти «одесского диктатора»...

Думається, что Алексей Николаевич Гришин-Алмазов все-таки вовсе не был неудачливым генералом, как иногда пишут о нем. Если проследить его деятельность на посту военного министра Сибири, то видно, что его от-

ставка была предрешена в тех обстоятельствах и с тем окружением, сложившимся вокруг него. Это был лишь вопрос времени — немного раньше или позже, но это бы обязательно случилось. Слишком он раздражал левые, эсеровские круги Сибири, хотя и пришел к власти во многом благодаря им. Убрав его, как слишком независимого и консервативного, с их точки зрения, министра, эсеры и их временные союзники привели к власти еще более правого — Иванова-Ринова. Примерно то же самое произошло потом и в Одессе. Французское командование, растерявшись и запутавшись в создавшейся обстановке, решило убрать Гришина и привести во власть целую плеяду разнокалиберных деятелей, которые ничем так и не проявили себя, а в итоге Одесса была оставлена большевикам. Гришин держался до конца — оставаться далее на посту военного губернатора можно было, только потеряв собственное лицо и уронив достоинство перед французами. Сложившиеся обстоятельства были выше его сил, или, как писала Тэффи, «судьба оказалась значительнее его личности».

В его последней попытке прорваться на восток, к Колчаку, тоже прослеживается трагическое стечение обстоятельств. Может быть, все можно было сделать по-другому. Но «история не знает сослагательного наклонения». Случилось так, как случилось — и в этой ситуации, ему ничего не оставалось, как пустить себе пулю. Он это и сделал. Иначе он поступить не мог. Иначе он бы не был Гришиным-Алмазовым.

Впрочем, теперь читатель сам может составить свое мнение о нем. Я попытался только в меру сил очертить историю его жизни и борьбы.

Несколько слов о судьбе жены Гришина-Алмазова — Марии Александровны, урожденной Захаровой. Как уже упоминалось выше, Алексей Николаевич оставил ее в Омске, отправляясь на Юг России в сентябре 1918 года. Будучи, даже по предвзятой оценке Вологодского, «очень неглупой женщиной», она неплохо устроилась там и вскоре организовала на своей квартире аристократический салон с политической окраской. Там собирались штабные офицеры, члены Совета министров и представители сибирских деловых кругов. Салон был с явно монархической тенденцией. После переворота 18 ноября 1918 года, когда к власти пришел адмирал А.В. Колчак, он также стал неперенным участником веселых застолий у Гришиной-Алмазовой, а его гражданская жена — Анна Васильевна Тимирева сделалась ее ближайшей подругой.

Они довольно весело и беззаботно проводили время, посещая рестораны и балы, иногда в компании с самим адмиралом, не обращая внимания на злопыхательства врагов Гришина-Алмазова.

Когда большевистские войска подошли к Омску и уже было эвакуировано правительство, Тимирева, узнав, что Колчак тоже собирается отъезжать, тайно сообщила об этом Марии Александровне. Они выехали на восток 11 ноября 1919 года, за день до отъезда Верховного правителя, а в пути присоединились к его литерному поезду. В январе 1920 года, когда Колчак был выдан чехами Иркутскому политцентру, Гришина-Алмазова была арестована вместе с Тимиревой и препровождена в Иркутскую губернскую тюрьму. Там же находился и Александр Ва-

сильевич Колчак. Первое время условия содержания в тюрьме были довольно сносные — им даже разрешалось гулять по коридорам, чем пользовалась Мария Александровна, передавая иногда Колчаку записки и кое-что из съестного, которое она получала в виде передач с воли. Затем, при подходе к городу белых, условия ужесточились — егерей сменил красногвардейский караул из рабочих, и о прогулках и передачах пришлось забыть. В ночь на 7 февраля Мария Александровна, наверное, последняя из близких к нему людей, наблюдала через волчок тюремной камеры, как Александра Васильевича уводили на расстрел.

Ее же саму, как и Анну Тимиреву, не расстреляли... Но в отличие от последней, проведеншей в советских лагерях большую часть жизни, ей повезло больше. В мае 1920 года она предстала перед большевистским судом в Омске в числе 23 обвиняемых. Ее, единственную из подсудимых, суд оправдал. Марию Александровну освободили из тюрьмы, а затем ей удалось эмигрировать. В эмиграции она написала записки — «Колчак и Пепеляев в тюрьме», напечатанные в феврале 1921 года в харбинской газете «Русский Голос». В них она рассказала о последних днях адмирала Колчака...

Алексей Николаевич Гришин-Алмазов почти не оставил после себя никаких сочинений — слишком напряженной и быстрой была его жизнь, не позволявшая что-то писать и публиковать. Сохранился его обширный доклад, сделанный им на Ясском совещании в 1918 году и опубликованный в пятом томе «Красного архива» в 1926-м. В газете «Одесский листок» от 29 ноября

1918 года осталась его статья «Поволжье и Сибирь», да еще некоторые документы и приказы в бытность его военным министром Сибирского правительства, часть из которых опубликована в последнее время. Отсутствует по известным причинам и его могила.

В Музее политической истории России (бывший особняк Матильды Кшесинской) в Петербурге, в одном из залов экспонируется морской кортик Грипина-Алмазова, снятый с его тела краснофлотцами 5 мая 1919 года. В шестидесятые годы его сдал в музей (тогда носивший имя Октябрьской революции) один из участников захвата «Лейлы».

Странным кажется, почему на Грипине, кадровом артиллерийском офицере, оказался морской кортик? Но как мне объяснили сотрудники музея, в момент перехода через Каспий Алексей Николаевич был одет в форму морского офицера — отсюда и кортик. Так ли это было на самом деле, сейчас уже трудно подтвердить или опровергнуть... Во всяком случае, прочитав порядочно источников (в том числе и воспоминаний видевших его в последние часы белых морских офицеров) об этом роковом плавании генерала, я нигде не наткнулся на упоминания об этом факте.

В советское время он иногда появлялся на страницах художественных произведений в образе жестокого белогвардейского генерала, подавляющего революционное подполье.

Засветился его образ и в кино. В 1965 году на Одесской киностудии был снят фильм «Эскадра уходит на запад», где генерала сыграл талантливый актер Владимир

Сошальский. Образ этот, как внешне, так и внутренне, конечно же, очень далек от реального Гришина-Алмазова. Но это и понятно — время было такое, и другим он быть просто не мог.

Вообще, когда смотришь такие известные фильмы советского кинематографа, как «Интервенция» Геннадия Полоки или «Раба любви» Никиты Михалкова, то где-то рядом словно ощущается присутствие Гришина-Алмазова, хоть сам генерал и не появляется в кадрах.

В 2008 году на экраны вышел российский фильм «Господа офицеры: спасти императора», где роль Гришина-Алмазова, как командующего Сибирской армией, сыграл Александр Рапопорт.

Образ этот, несмотря на отсутствие идеологических барьеров при создании фильма, тоже, к сожалению, весьма далекий от оригинала. Хотя и вполне положительный.

И, наконец, в конце 2011 года по российскому Первому телеканалу показали достаточно увлекательный сериал — «Жизнь и приключения Мипки Япончика», уже упоминавшийся здесь. Одним из героев этого сериала стал военный губернатор Одессы (ошибочно названный в фильме генерал-губернатором — а это совершенно разные должности) генерал-майор Алексей Николаевич Гришин-Алмазов, которого сыграл актер Александр Лазарев-младший. И опять же, как было и до этого, авторы фильма не удосужились сблизить хотя бы внешнее сходство, не говоря уже о деталях обмундирования и наградах на груди персонажа. Но впрочем, и этот герой телесериала вполне вызывает симпатию к себе — это порядочный человек, изо всех своих сил старающийся бороться с разгу-

лом бандитизма и пытающийся навести порядок в Одессе периода общероссийской беды и разрухи.

Вот, пожалуй, и все... На этом можно поставить точку в рассказе об удивительных зигзагах судьбы незаурядного русского офицера, которому пришлось жить и бороться в смутное и страшное время кровавого междоусобья.

Приложения

Приказы, рапорты и другие документы управляющего Военным министерством Временного Сибирского правительства А.Н. Гришина-Алмазова

Приказ по войскам Западно-Сибирской армии

№ 7

от 21 июня 1918 г.

(Параграф 2.)

Распоряжением командиров корпусов собирать сведения обо всех отличившихся в боях офицерах и солдатах. Описание подвига должно быть обязательно кратко, без всякой цветистости, но с точным ответом на вопросы: кто, когда, где и что сделал с указанием на свидетелей. Описания эти должны делаться применительно к тому, что награды будут очередные, внесочердные и Георгиевские.

Зарансе предупреждаю, что все награды, в т.ч. очередные, будут даваться с большим разбором и со строгостью, чтобы боевые награды украшали грудь действительно бывших в боях и заслуживших их.

Вопрос о боевых наградах окончательно будет разрешен Сибирским Временным правительством.

(Полковник Гриппин-Алмазов)

(РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 256, л. 5об.)

Приказ Войскам Уральского Отдельного корпуса
№ 12
от 20 июля 1918 г.

(Параграф 5).

Объявляю постановление Комиссии по выработке «Ордена Сибирской армии», от 12 июля 1918 г., и резолюцию Командующего армией на постановлении, от 4 июля 1918 г.:

Обсудив вопрос о награждении орденами, Комиссия признала, что установление в настоящее время какого бы то ни было ордена или внешнего знака отличия, — преждевременно: 1) Борцы настоящей Добровольческой армии — люди безусловно идейные, и для них знак внешнего отличия не будет играть существенной роли, причем: 2) Часть этих борцов, быть может даже и большая, борется не только за свободу Сибири и Сибирское Учредительное собрание, но и за свободу всей России, Всероссийское Учредительное собрание, и для таковой части орден от Временного Сибирского правительства не явится достаточно удостоверяющим; 3) Награждение орденами теперь, когда состав армии почти исключительно офицерский, даст повод для демагогии. Разделяя же

вполне мысль о необходимости сохранить для потомства имена и подвиги лиц, особо отличившихся как в бою, так и в деле воссоздания армии и государства, Комиссия признала желательным учредить особую «Почетную книгу», в которую и заносить имена этих лиц с описанием их заслуг, для представления ее Учредительному собранию, которое одно вправе оценить и вознаградить заслуги, оказанные Государству.

(Председатель Комиссии полковник Троицкий, члены: Подполковник Завьялов, Капитан Онушкевич, Подъесаул Михайлов, Подполковник Бобрик.)

Резолюция Командарма на постановлении: Сообщить, что установление Сибирской боевой награды будет предоставлено Сибирскому Учредительному собранию. Офицеры и солдаты, оказавшие отличные воинские подвиги, достойные внесения в историю Сибирской армии, должны заноситься в особую книгу, с точным описанием подвига, которую вести в штабах корпусов. Имена этих офицеров будут сообщены Учредительному собранию, пока же наградами за боевые отличия будут: награждения чинами, назначения на высшие должности, отдача о подвигах в приказах по полку, дивизии, корпусу, армии и, кроме того, будут выработаны в скором времени особые нашивки на рукавах (по образцу таковых же Французской армии) для лиц, принявших участие в определенном числе боев.

(Полковник А.Н. Гришин-Алмазов)

(РГВА. Ф. 39512, оп. 1, д. 58, л. 12 об.)

Приказ по войскам Сибирской армии

№ 45

от 14 августа 1918 г.

На основании предоставленной мне власти разрешаю награждать солдат за выдающиеся боевые отличия повышением в званиях, а лиц, отличающихся решительным характером, отлично знающих службу и умеющих заставить подчиненных повиноваться, разрешаю представлять к производству в первый офицерский чин.

Повышение в званиях временно производить властью начальников дивизий, а производство в первый офицерский чин будет совершаться приказом по армии.

К ходатайству о производстве, поданном по команде, кроме описания отличий, прилагать копию послужного списка представляемого.

(Полковник А.Н. Гришин-Алмазов)

(РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 256, л. 21)

Рапорт управляющего Военным министерством Временного Сибирского правительства А.Н. Гришина-Алмазова в Совет министров о необходимости введения военной цензуры.

26 августа 1918 года. г. Омск № 140

В виду предстоящего образования Восточного фронта⁴² для продолжения борьбы с Центральными державами⁴³, принимая во внимание исключительно неблагоприятные условия тыла, в котором энергично действуют явные и тайные агенты германского правительства под видом политических партий, в настоящий момент является крайняя необходимость в целях обеспечения военных интересов государства и армии в издании закона о военной цензуре печати и о военном почтово-телеграфном контроле на все время войны.

Впредь до выхода закона о военной цензуре и военном почтово-телеграфном контроле по моему приказанию разослан начальникам штабов корпусов и всем начальникам гарнизонов «Перечень сведений, не подлежащих оглашению в печати и распространению путем почтово-телеграфных сношений». В препроводительной бумаге военным начальникам приказывалось передать всем редакторам газет «Перечень» для сведения и руководства с предупреждением, что несоблюдение указанных в «Перечне» пунктов повлечет применение в п. В ст. 10 постановления Временного сибирского правительства от 15-го июля⁴⁴.

⁴² Речь идет о стремлении Временного Сибирского правительства аннулировать Брестский мирный договор и возобновить войну с Германией и ее союзниками.

⁴³ Так называли страны Четверного союза, воевавшие с Россией.

⁴⁴ Постановлением от 15 июля 1918 г. Временное Сибирское правительство подтвердило действие закона Временного правительства 1917 г. о печати.

Так как в некоторых городах по освобождению от большевистской власти были назначены на телеграф офицеры с обязанностями военных цензоров, то начальникам гарнизонов было приказано передать «Перечень» и военным цензорам с оговоркой: «где таковые имеются».

В данное время существуют следующие организации военного контроля и цензуры:

Военно-цензурное отделение при штабе армии, функции которого носят характер осведомления и не являются в полной мере распорядительными.

При штабе Западно-Сибирского округа существует Контрольное бюро. Функции этого бюро административно-распорядительные, наблюдательные над имеющимися на почте и телеграфе контролерами. Бюро ведает контролем международной корреспонденции и в особых случаях внутренней, по особым каждый раз на то указаниям.

При Главной омской телеграфной конторе находятся прикомандированные к штабу армии офицеры, несущие обязанности цензоров.

Таким образом, военный почтово-телеграфный контроль и цензура для печати сейчас уже фактически существуют, ибо они вызываемы действительной в них потребностью, но из-за отсутствия определенного закона, вся организация этого столь важного в военном отношении дела находится в хаотическом состоянии и может зависеть от взглядов того или другого местного начальника или организации.

После государственного (февральского) переворота 1917 года Временное Российское правительство издало

«Временные правила о специальном военном почтово-телеграфном контроле и о специальной военной цензуре печати», опубликованные 19-го августа 1917 г. в ст. 1229 и 1230 номера 199 «Собраний узаконений и распоряжений правительства».

При сем представляю проекты временных правил «О специальной военной цензуре печати», «О специальном военном почтово-телеграфном контроле» и «Перечень сведений, не подлежащих оглашению в печати и не подлежащих распространению путем почтово-телеграфных сношений», составленные на основании вышеуказанных правил, кои проекты и прошу утвердить.

Генерал-майор Гришин-Алмазов

С подлинным верно:

Старший делопроизводитель.....

Доклад А.Н. Гришина-Алмазова на Яском совещании

Журнал № 21 совещаний русской делегации в Яссах.

Секретно. Не подлежит оглашению в печати.

(Заседание 30 (17) ноября и 1 декабря (18 ноября) 1918 г. (в Одессе).

Присутствовали: управляющий вице-консульством в Киеве Енно, бывш. военный министр сибирского Временного Правительства ген. А.Н. Гришин-Алмазов, члены делегации: М.В. Брайкевич, И.И. Бунаков-Фундаминский, В.И. Гурко, А.В. Кривошеин, К.Р. Кровоупсков, М.С. Маргулис, бар. В.В. Меллер-Закомельский,

П.Н. Милуков, А.И. Пилыц, Н.В. Савич, А.А. Титов, С.Н. Третьяков, А.Я. Чемберс и участвующие с совещательным голосом: В.Я. Демченко, Н.Ф. фон-Дитмар и Н.Н. Шебеко.

По открытии заседания в 11 час. 45 мин. утра совещание заслушало сообщение г. Енно о положении дел в Киеве и о мерах, принятых им для воздействия в желательном смысле на поведение расположенных там германских воинских частей. Г. Енно сообщил затем, что в ближайшем будущем в Одессу прибывает ген. Бертело, получающий назначение начальника края союзных сил на юге России. В связи с известием об ожидаемом приезде ген. Бертело в совещании возник вопрос, не следует ли отложить отъезд отправляемой в Париж «малой делегации» до свидания с ген. Бертело, в целях взаимного осведомления. По обмену замечаний по этому предмету совещание, однако, признало желательным возможно скорейший отъезд «малой делегации» и наметило днем такового вторник 3 декабря (20 ноября).

А.А. Титов сообщил, что Союз Возрождения желал бы ввести в состав делегации не одного, как первоначально предполагалось, а двух своих представителей, именно: его, А.А. Титова и К.Р. Кровопускова, и поставил совещанию вопрос, не встречает ли оно препятствий против такого расширения представительства. Совещание единогласно постановило считать К.Р. Кровопускова и А.А. Титова представителями Союза Возрождения в отправляемой делегации.

Председателем было затем предоставлено слово ген. А.Н. Гришину-Алмазову для сообщения о положении

дел в Сибири, где он до сентября с.г. занимал должность военного министра в Сибирском Временном правительстве.

Генерал А.Н. Гришин-Алмазов заметил, что его сообщение распадается на 3 части: 1) историю освобождения Сибири от большевиков, 2) освещение политического положения Сибири, 3) впечатления поездки из Сибири в Добровольческую армию. Обращаясь к первой части сообщения, ген. А.Н. Гришин-Алмазов подчеркнул, что большевизм в Сибири к началу года был в полном расцвете, с тем, однако, существенным отличием от общерусского образца, что сибирское зажиточное и крепкое крестьянство его почти не испытало, так как временная его волна, нахлынувшая с возвращением солдат с фронта, очень быстро спала. Попытка избавиться от большевизма шла с двух сторон: Комитета членов Учредительного Собрания, располагавшего вооруженными силами из офицеров, и сибирских правительств, которых насчитывалось одно время не менее шести и которые пребывали в Харбине. Сам генерал Гришин-Алмазов, бежавший в то время из большевистской тюрьмы, задался целью создать военную силу из офицеров и затем при ней учредить власть, но задача эта оказалась невыполнимой вследствие полной невозможности найти общий для офицеров политический лозунг. Пришлось поэтому сойтись на поддержании самой идеи власти, хотя бы данное ее содержание и представлялось неприемлемым. Такой властью явилось Временное Сибирское правительство, избранное областной думой в Томске на основе популярной тогда формулы «от народных социалистов

до большевиков включительно». В действительности, большевиков в нем не было, и возглавлялось оно социалистом-революционером Дербером, человеком весьма изменчивых взглядов.

Офицерские дружины удалось организовать на всем пространстве от Каинска до Челябинска. Средства были получены от кооперации, а торгово-промышленный класс отзывчивости не обнаружил. Организация была закончена к середине мая, но еще не успела приступить к действиям, как на политической сцене появился новый, весьма важный фактор в лице чехословаков, заслуживающий особого внимания. Чехословацкий корпус образовался еще во время войны из пленных, но высшие, а частью и средние командные должности в нем занимали русские. Корпус очень отличился при защите в последнем периоде войны юго-западного фронта и по заключению мира намеревался покинуть Россию через Владивосток, чтобы принять участие в борьбе на западном фронте. Весьма вероятно, что это намерение осуществилось бы, если бы не систематическая провокация большевиков. Последние еще при выходе чехословаков из Киевской губернии потребовали снятия погон у офицеров, затем в Пензе чехословакам был поставлен ультиматум о выдаче оружия. По указанию чехословацкого национального совета с проф. Массариком во главе, руководившего политическим поведением корпуса, требование было частью исполнено. Но в конце апреля со стороны Советской власти последовало новое распоряжение: остановить на месте все чехословацкие эшелоны, которые к этому времени растянулись по всей линии Пенза — Владиво-

сток, за исключением небольшой части, уже успевшей сесть на суда. Под влиянием этих повторных вызовов у чехословаков начал складываться план показать большевикам свою силу, чтобы заставить их, таким образом, пропустить корпус на родину. Учитывая это настроение чехословаков, ген. Гришин-Алмазов вошел в сношение с их командованием, но последнее неизменно отвечало ссылкой на проф. Массарика, запретившего всякое вмешательство во внутренние русские дела. Однако в низах и среди части офицерства ген. Гришин-Алмазов встретил более сочувственное отношение, которым и решил воспользоваться для совместной борьбы с большевиками. Первое выступление состоялось в ночь с 25 на 26 мая в гор. Новониколаевске и увенчалось неожиданно легким успехом, одновременно произошло свержение Советской власти и в Мариинской. После этих первых удач началось постепенное движение на запад, юг и восток, приведшее к занятию Томска и другим успехам, несмотря на первоначальный подавляющий численный перевес большевиков. Одно время казалось, что на чешскую помощь больше нельзя будет рассчитывать. Как уже было упомянуто, среди чехословаков все время наблюдалось общее настроение против вмешательства, сменившееся противоположным вследствие провокации большевиков. Учтя это обстоятельство возможностью пропуска на родину с оружием в руках [?]. С другой стороны, этому же всячески способствовали приехавшая из Владивостока американская железнодорожная миссия, неизвестно почему взявшая на себя дипломатическую роль, и американский консул Гаррис. Однако после встречи

с последним ген. Гришина-Алмазова, консул, пораженный, по-видимому, выправкой дисциплины офицерской дружины, которой ген. А.Н. Гришин-Алмазов произвел на его глазах смотр, изменил свой взгляд и обещал, что чехословаки останутся, пока в них будет надобность для поддержания порядка. Насколько это было необходимо, показывают примеры Иркутска и Верхнеудинска, где после ухода чехословаков были устроены погромы офицерства и интеллигенции. После упомянутого разговора с Гаррисом совместные действия офицерских дружин и чехословаков не нарушались и привели, после ряда легких побед, к полному очищению Сибири от большевиков. Роль чехословацкого корпуса в этом деле представляется очень значительной, и можно сказать, что успех наполовину достигнут благодаря им. Надо, однако, сказать, что содействие чехословаков в известной степени ослаблялось, а под конец свелось почти на нет, благодаря причинам политического свойства. Их поведение все время определялось исключительно двумя мотивами:

Во-первых, их собственными мыслями и соображениями, а во-вторых, болезненным опасением прослыть за контрреволюционеров. Эти обстоятельства, в связи с общим, довольно левым политическим уклоном корпуса, толкали чехословаков на путь вмешательства во внутренние дела, с одной стороны, а с другой, побудили их предпринять замену русского командования своим, малоопытным в военном деле, и частичное проведение так называемой демократизации в устройстве корпуса. Неопытность командования имела последствием ряд недобудуманных военных операций вроде занятия крупных

пунктов без достаточной опоры в тылу и вне связи с общим планом, а демократизация вызвала постепенное разложение в самом корпусе, в настоящее время уже далекое от первоначальной безупречной дисциплины.

Все изложенные данные заслуживают, по мнению генерала Грипина-Алмазова, особого внимания делегации, ввиду того, что чехословаки находятся в тесной связи и пользуются поддержкой и расположением союзников, которые на многое происходящее на восточном фронте склонны смотреть глазами чехословаков.

После перерыва заседание продолжится от 1 час. 15 мин. до 5 ½ час. дня. Ген. А.Н. Грипин-Алмазов перешел ко второй части своего сообщения, а именно к характеристике политического положения и власти в Сибири. К моменту образования Уфимской Директории на пространстве за восточным фронтом существовало 5 правительств.

Первое Временное Сибирское правительство, в состав которого вошел и ген. А.Н. Грипин-Алмазов в качестве военного министра, являлось официально социалистическим, в действительности же вело весьма разумную и... политику. Первыми шагами его были: аннулирование всех советских декретов, упразднение всяких советов и восстановление частной собственности. После этих мер поднялось настроение офицерства, впервые за время революции увидевшего, что ему есть за что сражаться и страдать. Положение правительства представлялось прочным благодаря поддержке Добровольческой офицерской армии, достигшей численности в 50 тысяч человек. Только после окончательной организации этих

сил и восстановления действий воинских присутствий ген. А.Н. Гришин-Алмазов счел возможным приступить к набору, причем призванные были лишь не зараженные большевизмом сроки 1919—1920 гг., и обеспечением принудительности набора служили и офицерские пулеметные отряды; всякие призывы и уговаривания были категорически запрещены. В финансовом же отношении положение правительства было также вполне благоприятно, благодаря разрешению свободной торговли. В города нахлынула масса сельских продуктов, и обнаружился сильный приток вкладов в государственный банк.

Екатеринбургское правительство возникло после освобождения Екатеринбурга, по почину к.-д. члена Учредительного Собрания Л.А. Кроля, для обслуживания территории горного Урала в виду якобы, своеобразия местных условий. Представители Сибирского правительства были против этого новообразования, но, считаясь с поддержкой, оказанной ему чехословаками, вынуждены были пойти на компромисс. Все же было выговорено, что военное дело, финансы и пути сообщения остаются в ведении сибирской власти.

На востоке Европейской России действовало правительство, организованное комитетом членов Учредительного Собрания. В него первоначально входили Авксентьев, Аргунов и даже Оренбургский атаман Дутов, но вскоре оно свелось к однородному с.-р. составу Черновского [толка?]. В соответствии с этим правительство занялось дальнейшим углублением революции на всех направлениях. Созданная им армия комплектовалась путем воззваний, причем были призваны сроки 1917—1918 гг.,

т.е. самые большевистские, и была организована на демократических основаниях, имела комиссаров, красное знамя с надписью «За землю и волю» и т.п. Вполне естественно, что такая армия не могла представить реальной силы, и что в борьбе с большевиками она терпела жестокие поражения, сдавалась целыми полками и была вынуждена отдать ряд важнейших пунктов, как Казань, Сызрань, Кинель и др. Мало-помалу армия распалась, и сейчас ее вовсе не существует.

Оренбургское правительство обладает крепкой властью, возглавляемой Дутовым, и войсковой круг оказывает ей полное доверие и поддержку на Урале, единственном месте, вовсе не испытывающем большевизма, [где] можно видеть курьезный факт наличности социалистического правительства при явно монархическом настроении казачьей массы, состоящей из крепких и твердых староверов. Обстоятельство это объясняется, по-видимому, полным безлюдием в войске, не выдвинувшем ни одной сильной личности.

Из всех перечисленных правительств самым сильным являлось, разумеется, Сибирское, поэтому к нему и обратился Комитет членов Учредительного Собрания, когда задумал создание общерусской власти. Для переговоров, происходивших в Челябинске, из Сибири был отправлен ген. Михайлов, выдвинувший идею единоличной военной диктатуры при Добровольческой армии. Однако ввиду непримиримости другой стороны и, главным образом, вследствие настояния чехословаков, пришлось сойти с этой позиции и согласиться на созыв предварительного государственного совещания, имевшего определить

структуру будущей власти. Означенное совещание состоялось в конце июля в Челябинске. На него съехались не только представители вышеперечисленных областных правительств, но и уполномоченные таких экзотических образований, как Башкирия, Киргизия и т.д., привлеченные Комитетом членов Учредительного Собрания для придания себе большего веса. Кроме того в совещании приняли участие делегаты всех партийных комитетов. Решено было для окончательного образования власти создать новое государственное совещание, причем по вопросу о месте его голоса разделились поровну: правое крыло отстаивало Челябинск, левое — Самару. В результате как компромисс намечена была Уфа.

Делегатами на новое совещание Сибирское правительство вновь назначило ген. А.Н. Гришина-Алмазова и Михайлова, добавив к ним Патушинского. Последний, впрочем, отказался, ввиду очевидной невозможности сговориться с товарищами по вопросу о характере будущей власти. Вызванные этим разногласия, однако, не улеглись, а только обострились, и долго сдерживавшая себя левая часть правительства повела определенный поход против военного министра, который, однако, решительно отказался выйти в отставку. Одновременно против ген. А.Н. Гришина-Алмазова повел интригу английский консул Продстон (ошибка в тексте — Престон. — *М.И.*), роль которого вообще представляется довольно загадочной. Кончилось тем, что к военному министру явился ген. Иванов и заявил, что он, Иванов, вступил на его место. Генералу А.Н. Гришину-Алмазову оставалось только признать факт и уйти со сцены.

После указанного эпизода и представительство Сибирского правительства было изменено. Делегатами его на Уфимском совещании, начавшемся 7 сентября, явились Сапожников и Серебрянников. Ввиду этого ослабления представительства самой прочной до того власти и растерянно-пассивного отношения к делу казачьих делегатов правое крыло совещания было поставлено в невыгодные условия. Левое, напротив, весьма энергично готовилось к совещанию и, заручившись косвенной поддержкой мелких консульских чинов союзных держав, успешно провело свою точку зрения. Совещание закончилось образованием директории из 5-ти лиц и правительства с участием Авксентьева, Савинкова и др. Вместе с тем было принято и известное решение о созыве Учредительного Собрания прежнего состава.

Насколько можно судить, вновь образовавшаяся власть вряд ли располагает реальной силой. Характерны в этом отношении двухнедельные колебания правительства в выборе местопребывания: в Омск оно не решалось схать из опасения ареста, а Уфа представлялась слишком неудобной в смысле размещения учреждений. Такие же затруднения наблюдались и при распределении портфелей, ввиду отсутствия подходящих людей.

Что касается Сибирского правительства, то оно к этому времени распалось. Описанные плачевные результаты совещания сильно повлияли на правое его крыло и стоящие за ним круги. Офицерство и большая часть интеллигенции убедились в том, что все так называемые демократические опыты устройства власти, за которые им уже не раз приходилось расплачиваться своею кро-

вью, ни к чему доброму не приведут и что единственная надежда на возрождение России может заключаться лишь в Добровольческой армии.

Ввиду необходимости для докладчика покинуть совещание, заседание было прервано в 5 ½ час. дня.

По возобновлении заседания 1/18 декабря в 10 ½ часов утра генерал А.Н. Гришин-Алмазов коснулся вкратце отношения союзников к событиям в Сибири. Надо заметить, что державы Согласия были представлены там очень слабо, располагая кроме генеральных консулов — французского и американского в Иркутске, лишь второстепенными консульскими агентами, притом мало осведомленными и не авторитетными. Это же мешало им временами играть видную роль, благодаря, главным образом, чехословакам, всецело основавшим свое поведение на союзнической ориентации. На Уфимском совещании присутствовали все союзные представители, причем их закулисное влияние способствовало образованию директории. С освобождением Владивостока все силы, боровшиеся против большевизма, связывали надежды на помощь снаряжением и вооружением, но эти надежды оказались обманутыми. Союзники ограничились присылкой своих небольших отрядов. Что касается японцев, то высаженные ими войска, в составе 5 дивизий, растянулись от Владивостока до Читы и действовали так, как будто они находились в оккупированной местности.

Образовавшаяся в Уфе директория в стремлении укрепить свое положение всеми способами добивалась хотя

бы косвенного признания со стороны союзников. Однако, по-видимому, им это плохо удалось, так как действия и заявления второстепенных союзных агентов не могут иметь большого значения в этом отношении. Когда же в Сибирь прибыл чрезвычайный английский посол сэра Чарльз Эллиот, то он, соединившись прямым проводом из Омска с генералом Болдыревым, ограничился вопросом, где находится генерал Алексеев и как вступить с ним в сношение.

Переходя к впечатлениям своего 38-дневного путешествия из Сибири на Кубань, ген. Гришин-Алмазов указал, что на дороге ему пришлось столкнуться с целым рядом разнообразных властей и режимов, начиная с Оренбургского и Уральского казачества, продолжая диктатурой старшины Бичерахова в Петровске и кончая Терским казачеством и кавказскими горцами. Всюду вступая в беседы с властями и населением, ген. А.Н. Гришин-Алмазов задавал вопросы об отношении к директории и Добровольческой армии. Результат этой анкеты безусловно в пользу последней. Представители власти, правда, не везде склонны ее поддерживать. Так, Уральское социалистическое правительство относится к ней довольно холодно. Бичерахов, действующий в согласии с англичанами против турок, считает эту борьбу своей существенной задачей, а выступать вместе с Добровольческой армией против большевиков не желает, видя в таком выступлении гражданскую войну. Наконец, в некоторых случаях сочувствие того или иного руководителя целям Добровольческой ар-

мии не выказывается откровенно по политическим соображениям. Но совершенно несомненно, что всюду есть множество элементов, которые всю свою надежду возлагают на Добровольческую армию и только ждут ее призыва, чтобы подняться и организовать. К числу этих элементов относятся казачьи массы на Урале и на Тереке, что особенно курьезно, потому что во главе управления этими областями стоят левые элементы, явно не отвечающие настроению населения. Интересно отметить, что всюду наблюдается интерес к тому, кто будет царем в России. Самый же вопрос о том, возобновится ли у нас монархия, считается как бы предрешенным.

Все сказанное приводит ген. А.Н. Гришина-Алмазова к заключению, что уже сейчас Добровольческая армия располагает огромным числом сторонников и сочувствующих, но число это во много раз возрастет и превратится в мощную силу, когда вожди армии выступят с решительным призывом к спасению России. Что же касается элементов ей враждебных, то нет сомнения, что они быстро успокоятся и покорятся, как только увидят проявление твердой и уверенной в себе власти.

По предложению председателя, Совецание выразило [признательность] ген. А.Н. Гришину-Алмазову за его интересное и содержательное сообщение.

Заседание было закрыто в 12 час. дня.

Председатель делегации бар. Меллер-Закомельский
Ген.-м. Гришин-Алмазов.

Печатается по изданию: исторический журнал «Красный архив». М.—Л., том 5(18), 1926.

К.И. Глобачев⁴⁵

Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения
(отрывок из воспоминаний)

ОДЕССА

— Оборона города офицерскими дружинами. — Гришин-Алмазов. — Французская оккупация. — Русская власть в Одессе. — Взаимоотношения французских и русских властей. — Французская политика на Украине. — Построения населения. — Большевистская пропаганда. — Уголовщина и спекуляция, и борьба с ними розыскных органов. — Новое русское правительство. — Генерал Шварц. — Большевистская пропаганда во французских войсках. — Эвакуация Одессы.

В Одессе, как и в Кисве, с началом петлюровского восстания образовались офицерские дружины, отста-

⁴⁵ Глобачев Константин Иванович (1870—1941) — из потомственных дворян. Окончил Полоцкий кадетский корпус, Павловское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. С 1903 г. в Отдельном корпусе жандармов. Начальник Варшавского охранного отделения (1909), начальник Нижегородского губернского жандармского управления (1912), начальник Севастопольского жандармского управления (1914). Начальник Петроградского охранного отделения (1915—1917). Генерал-майор (1915). В конце 1919 г. — начале 1920 г. — начальник Одесского морского контрразведывательного района. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, а с 1923 г. в США. В 1930—1934 гг. заместитель директора секретно-политического отдела Русского Общевоинского Союза (РОВС) в Париже. В 1934 г. возвратился в США. Умер 01.12.1941 г. в Нью-Йорке.

ивавшие гетманскую власть и город, но так как город был портовый и союзный флот, хотя и не большой по числу вымпелов, но уже появившийся здесь со времени поражения Турции, решил поддержать ее защитников, то Одесса была удержана. Петлюровские банды дошли почти до гавани, но принуждены были остановиться ввиду мужественного сопротивления офицерских отрядов и опасаясь стрельбы с моря. На Дерибасовской улице была установлена нейтральная зона, которая ко времени моего приезда в город уже отошла за вокзал. Своим спасением Одесса была обязана отчасти угрозе французского флота, но главным образом мужеству и распорядительности генерала Гришина-Алмазова, который сумел организовать защитников, почти что уже на набережной, и отстоять город. Естественно, что он и стал единственным распорядителем и начальником спасенного им от петлюровских банд города. Подчинив себя Добровольческой армии, он принял на себя все права главноначальствующего.

В то время Франция решила оккупировать Одесский район и уже высадила первые эшелоны своих войск со штабом бригады и техническими боевыми средствами. Гришин-Алмазов, с своей стороны, сформировал из офицерских дружин бригаду под начальством молодого, храброго генерала Тимановского, которая составляла непосредственную оборону города от посягательства большевистских и петлюровских банд. Город делился на два района: 1) французский — порт — в ведении французского командования и 2) вся остальная часть города —

в ведении русского командования. Таково было положение дел к январю 1919 года.

Русская власть в Одессе сконструировалась таким образом: главноначальствующий — Гришин-Алмазов и помощник его по гражданской части — А.И. Пильц. Градоначальник — В.А. Марков. Все административные органы остались те же, что и при гетмане. Я был назначен заведующим политическим розыском при градоначальнике, получив в наследие информационный отдел как местный розыскной орган бывшего Департамента державной варты.

Гришин-Алмазов был еще молодой человек, лет 32, даже не выглядевший и на эти годы. На германскую войну он вышел в чине штабс-капитана артиллерии, и где и когда он получил генеральский чин, никому не было точно известно. Он сам про себя говорил, что [произведен в генералы] в армии Колчака, откуда прибыл в Добровольческую армию незадолго перед тем. Во всяком случае, это был человек смелый, решительный, даже скажу талантливый, но слишком горячий; ему очень не доставало уравновешенности и административного опыта. По характеру своему и манере говорить он мне немного напоминал Керенского. Он очень поддавался влиянию и в хороших руках мог бы быть прекрасным администратором.

Сначала французы во внутренние дела русского управления не вмешивались, но по мере прибытия новых эшелонов и штабов французское командование, желая, очевидно, сколько можно более расширить зону оккупации,

и притом безболезненно для себя, стало понемногу все прибираться к своим рукам, особенно когда командующим французскими оккупационными силами был назначен генерал д'Ансельм и начальником его штаба — полковник Фрейденберг. Последний занялся исключительно политической работой, которая заключалась в том, чтобы, войдя в сношения с представителем Петлюры, сдать ему Одессу на выгодных для себя условиях. Переговоры между Фрейденбергом и петлюровским атаманом Змиевым (в действительности — А. Грековым. — *М.И.*) продолжались все время пребывания французов в Одессе, несмотря на то, что добровольческие части, подчиненные Гришину-Алмазову, находились с петлюровцами в состоянии войны. Атаман Змиев, беспощадно расстреливавший русских офицеров, под охраной французов нагло являлся в Одессу для свиданий с Фрейденбергом на глазах у защитников ее. Однако Фрейденбергу не удалось своих переговоров довести до конца, ибо власть Петлюры и Винниченко на Украине пала, уступив место большевикам, с которыми уже трудно было разговаривать в то время.

При таких условиях, когда французы, с одной стороны, как бы желали сотрудничать с Гришиным-Алмазовым, а с другой — вели переговоры с его врагами, положение Гришина-Алмазова было весьма затруднительным, с каковым он, естественно, примириться не мог. Отношения с французским командованием у него сильно обострились. К моменту большевистского переворота на Украине зона [оккупации] была значительно расшире-

на — верст на 70—100 к северу и на восток до Николаева включительно. Союзные войска все прибывали и прибывали (главным образом греческие), и казалось, что французское командование имеет намерение не только занять Украину, но и вступить в непосредственную борьбу с большевиками. Однако оказалось, что если таковое намерение и было, то от него скоро пришлось отказаться. Против союзных войск большевики выдвинули свое лучшее оружие — пропаганду и агитацию.

Одесса в это время представляла собой буквально то же, что и Киев осенью 1918 года. Интеллигенция, бежавшая сюда от большевиков из обеих столиц, пополнилась еще той, которая выбралась после падения гетмана Из Кисва и других городов Украины. Значительное число безработных офицеров и разных темных дельцов, спекулянты всех сортов, старающиеся использовать момент в личных для себя выгодах, — все это переполнило Одессу, создав сильный квартирный и продовольственный кризис. Вместе с сим рабочие и низы населения, уже вкусившие отчасти большевизма в начале 1918 г., но еще не изжившие всех его тяжелых сторон, мечтали снова о большевистском режиме и представляли благодарную почву для пропаганды и агитации. Буржуазный слой города вместе с городской думой социалистического состава вечно будировал, все осуждал, местной власти не помогал и, с своей стороны, был лучшим проводником грядущего большевизма. Еврейское население Одессы также было настроено большевистски, разве что за исключением богатой буржуазии.

Таким образом, русские и союзные (главным образом греческие) войска удерживали боевой фронт против наступления красных, их [большевиков] агитационная работа внутри Одесского района шла вовсю, разлагая не только русское население, но и французские войска, не занятые буквально ничем и по составу своему малодисциплинированные. Оккупационные французские войска вели себя в Одессе весьма разнузданно: солдаты проводили время в попойках, якшаясь с евреями и еврейками, среди которых было немало большевистских агитаторов, знавших французский язык; пропаганда имела успех не только среди солдат, но даже среди офицеров. В результате к февралю началось брожение среди сухопутных солдат, а затем и среди матросов на почве утомления войной и желанья возвратиться на родину. Были и такие, которые явно перешли на сторону большевиков, приняв всю их идеологию, как например, известный капитан Садуль. Между тем французские розыскные органы не имели возможности продуктивно бороться с большевистской пропагандой, как по незнанию местных условий, так и по неопытности своего личного состава, набранного наспех из строевого офицерства.

Большим бичом Одессы этого времени была уголовщина, дошедшая до чудовищных размеров. В январе — мае 1919 г. обыватель чувствовал себя в городе хуже, чем в лесу с разбойничьим станом. Грабили по квартирам ночью и среди белого дня — на улицах. Одесса всегда была одним из центров преступности, в это же время преступность достигла крайнего предела. Законные меры воздействия ни к чему не приводили, и градоначальнику ге-

пералу Маркову пришлось прибегать к исключительным мерам. Грабители, застигнутые на месте преступления, беспощадно расстреливались, а кроме того, чином сыскной полиции был отдан приказ заведомых грабителей и воров при встрече уничтожить как собак. Эти меры оказались действительными, и спустя месяц преступность значительно сократилась, а обыватель мог вздохнуть. Особенно много хлопот полиции доставил в то время некий Мишка Япончик со своей шайкой, пользовавшийся в преступном мире большим влиянием и наводивший ужас своими грабительскими операциями на всех. Впоследствии, по сдаче Одессы, он занимал ответственный пост у большевиков и ими же за что-то был убит.

Русские розыскные политические органы боролись всеми мерами против большевистской работы, которая главным образом базировалась на рабочих организациях. Эти политические органы встречали полную поддержку в этом отношении от своих гражданских и военных властей, но должны были вечно бороться с заступничеством чинов городского управления с городским головой Брайкевичем во главе. Социалистический состав городской думы явно стоял на стороне рабочих, невольно помогая большевикам укреплять свое положение. Это, конечно, не помешало впоследствии Брайкевичу и другим гласным городской думы первыми бежать из Одессы при эвакуации ее французами. Между тем организационная и агитационная работа большевиков в Одессе была очень интенсивна и, несмотря на ряд ликвидаций, произведенных в их рядах, не ослабевала, имея за собой новые кадры людей и благоприятное настроение масс. Много

способствовала этому настроению спекуляция продуктами первой необходимости, страшно взвинтившая рыночные цены. Виновниками этого обстоятельства были старые спекулянты еще Великой войны, сахарозаводчики: Хари, Гешпер, Златопольский и др., которые фактически были экономическими диктаторами Одессы того времени. Эта компания, вопреки протестам городской думы, наконец, была арестована военной контрразведкой, и материал, взятый у них по обыску, вполне подтвердил их зловредную деятельность.

К марту французское командование, по-видимому, решило совершенно отмежеваться от Добровольческой армии и влияния ее главнокомандующего генерала Деникина на одесские дела, а потому приступило к созданию новой русской власти в Одессе, которая должна была действовать исключительно по указанию французского командования. Был приглашен в качестве отдельного главнокомандующего Одесским районом генерал-лейтенант Шварц, и при нем образован был Совет обороны как правительственный орган. Генералу Гришину-Алмазову и начальнику его штаба генералу Сапникову, назначенному генералом Деникиным, предложено было немедленно, в течение 24 часов, покинуть Одесский район. Оба выехали первым пароходом в Новороссийск. Помощник Гришина-Алмазова по гражданской части А.И. Пильц выехал туда еще раньше.

В Совет обороны вошли: Андре, Рутенберг, Ильяшенко, Брайкевич и еще несколько лиц. Хотя внутренними делами ведал г. Андре, но доминирующую роль в совете играл г. Рутенберг, старый социалист-революционер, тот

самый, который в 1905 г. по постановлению партии убил небезызвестного Талона. Рутенберг подавлял прочих членов Совета обороны своей наглостью, безапелляционностью своих решений и авторитетом своей партийности. Андре, бывший губерниальный староста (губернатор) Волынской губернии при гетмане, — очень ловкий, энергичный и честолюбивый, но не государственный человек, с оттенком авантюризма. В Киеве уверял, что он настоящий украинец, в Одессе — что чистокровный француз, потомок де Ланжерона, почему и называл себя Андре де Ланжерон. Остальные члены Совета обороны роли не играли. Председатель Совета генерал Шварц был весьма порядочный и честный человек, но слабый, поддающийся влиянию, прекрасный инженер, но не государственный деятель. Таково было правительство, созданное французами, или вернее, начальником штаба французского оккупационного отряда полковником Фрейденбергом. Администрация осталась старая.

Новое правительство дела не улучшило, а скорее затормозило, ибо все серьезные вопросы решались коллективно, что требовало известной проволочки. Французы же по-прежнему влияли на все решения.

Большевики продолжали делать свое дело, подготавливая в Одессе будущие органы своего управления на случай переворота. Работа их сосредоточивалась в рабочих профессиональных союзах, а Союз союзов в марте представлял собой будущий правящий Ревком. Произведенной мною ликвидацией в некоторых рабочих организациях были добыты документы, доказывающие это с очевидностью.

Для парализации внутренней работы большевиков обстоятельства требовали производства широкой ликвидации с изъятием всех важных работников, на чем я и настаивал во время доклада в Совете обороны, но Рутенберг почему-то отрицал такую необходимость и старался, сколько возможно, оттянуть ликвидацию. Поэтому Совет обороны постановил с ликвидацией не торопиться и выждать выяснения еще каких-то новых неизвестных обстоятельств. Станным является то обстоятельство, что Рутенберг, когда французское командование отдало приказ об эвакуации Одессы в 48 часов, настаивал, чтобы я — ликвидировал все те рабочие организации, на ликвидацию которых он не соглашался раньше. Выполнить это требование уже не представлялось в тот момент возможным, так как все исполнительные органы уже были сняты с своих мест и готовились сами к эвакуации. Такая настойчивость Рутенберга, когда уже было очевидно, что Одессу приходится бросать, была по меньшей мере странна и, по моему глубокому убеждению, провокационна.

Пропаганда среди французской армии прогрессировала, и результаты ее сказались как на фронте, так и в тылу. Ненадежность своих солдат французы скрывали, но все-таки было известно, что пехота отказывалась сражаться с большевиками, а на одном из французских крейсеров произошел форменный бунт с поднятием красного флага.

Думаю, что это было главной причиной вдруг принятого французами решения эвакуировать Одесский район. Много по этому поводу ходило всевозможных коммен-

тарисв: объясняли это и переменной общей французской политики, и подложной якобы телеграммой командующего французскими силами на востоке генерала Франше д'Эспере, но вернее всего, что истина заключалась в разложении французских оккупационных войск.

Как бы то ни было, 2 апреля 1919 г. французским штабом было сделано объявление, что Одесса ими эвакуируется в 48-часовой срок. Можно себе вообразить, в какой поспешности и беспорядке русским учреждениям пришлось сворачиваться, чтобы успеть в такой короткий срок погрузиться на пароходы, которых, кстати сказать, не было достаточного числа, да и те, которые были, не были подготовлены для такого внезапного выхода в море. Посадка происходила беспорядочно, под выстрелы уже восставшей в городе черни. Попадали на пароходы только те, которым удалось собраться и быть на пристани 4 апреля. Многие уехать не успели, остались в Одессе, за что впоследствии поплатились жизнью.

В общем все-таки французы вывезли из Одессы несколько тысяч человек. Часть пароходов пошла в Новороссийск, а остальные в Константинополь.

Я лично попал на французский грузовой пароход «Кавказ», на котором выехал весь русский штаб генерала Шварца и все гражданское управление Одессы. На сравнительно небольшом судне скопилось свыше 2000 человек: мужчин, женщин и детей. До выгрузки пришлось пробыть на пароходе 13 дней в самых ужасных антисанитарных условиях, при весьма грубом отношении пароходной французской администрации. В глазах французов всякие градации между русскими исчезли, и все

были обращены в одну серую беженскую массу, к которой применялись самые крутые меры. Тут впервые пришлось почувствовать всю глубину несчастья людей, потерявших свою родину, и эти переживания для большинства были тяжелее физических страданий кошмарного переезда в таких тяжелых условиях.

Печатается по изданию: *Глобачев К.И.* Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. Сост. З.И. Перегудова, Дж. Дейли, В.Г. Маринич. М.: «РОССПЭН», 2009.

Е.Н. Трубецкой⁴⁶

Из путевых заметок беженца

(избранные главы из воспоминаний)

ПЕРЕЕЗД В ОДЕССУ

Восстание Петлюры вынудило нас, беженцев из Софиевщины, ко второму бегству из Киева. Одесса, как прибрежный город, занятый французскими войсками, намечалась само собою не только как безопасное местопребывание, но и как новый центр нашей деятельности. Пребывание в Одессе единственного дипломатического представителя союзных держав — французского гене-

⁴⁶ *Трубецкой Евгений Николаевич* (1863—1920) — из старинного княжеского рода. Окончил Московский университет. Известный русский философ, правовед и публицист. Профессор Киевского и Московского университетов. Один из основателей партии Народной свободы (кадетов). Член Государственного совета России. Автор множества книг и воспоминаний, написанных незадолго до смерти. Умер от сыпного тифа в Новороссийске 23.01.1920 г.

рального консула Энно делало именно ее наиболее удобным местом для сношений с союзниками. Во всех прочих центрах юга России, не исключая и Екатеринодара, были лишь третьестепенные дипломатические агенты без достаточных полномочий, к тому же весьма плохо осведомленные о том, что творилось у них дома, и даже о намерениях их правительств. Россия вообще была брошенным союзниками углом. Они не позаботились даже об установлении с нею правильных телеграфных и радиотелеграфных сношений. Радиотелеграммы были чрезвычайно скудны. Нередко были и ложные; при том сенсационные радиотелеграммы, например, сообщение о мнимом низвержении Клемансо в момент оставления французами Одессы. С первого же моего появления в Одессе я был поражен тем фактом, что консул Энно был вынужден посылать все сколько-нибудь пространные, хотя иногда и весьма спешные сообщения, не телеграммами, а курьерами, которые отправлялись во Францию на миноносцах.

Мне пришлось попасть в Одессу одному из первых. До меня из членов Совета государственного объединения там находились лишь члены яесской делегации с бароном Меллером-Закомельским во главе. Я был командирован туда из Киева с поручением побудить французов к скорейшей присылке отряда для освобождения Киева от осаждающих его войск Петлюры.

Когда началось движение Петлюры, престиж союзников, как сказано, стоял необычайно высоко. Все ждали их выступления и возмущались медленностью их приготовлений. Мне и моему спутнику А.С. Хрипунову было поручено довести до сведения Энно, что это промедление,

кроме захвата Киева, может иметь другие неисчислимые последствия: движение большевиков внутрь Украины и захват большевиками несметных сокровищ — запасов хлеба, угля, сукна, оружия и т.п. Премьер-министр последнего русского кабинета гетмана — С.Н. Гербель несколько наивно признается нам в том, что в расчете на будущее наступление союзных и русских войск «на-рочно» оставил нетронутыми богатые хлебные запасы и сукно (в Клинцах) на севере Черниговской и Харьковской губерний, как раз в непосредственном соседстве с Совдепией. Он побуждал нас к скорейшему отъезду. «Киев может продержаться еще восемь дней, — говорил он, — за дальнейшее я не ручаюсь».

И это несмотря на то, что и у Петлюры настоящих войск было мало. Хороших солдат, по официальным сведениям, было не более трех тысяч. Остальные были шайки грабителей из восставших крестьян. Безопасность Киева при этих условиях зависела всецело от немцев, которые играли во всех этих событиях весьма двойственную роль. С одной стороны, они провозгласили «нейтралитет» и невмешательство в домашние ссоры русских с украинцами, с другой — выходило сплошь да рядом, что этот нейтралитет служил на пользу украинцев. Один из немногих успехов добровольцев был остановлен немецкими войсками, которые объявили, что в данном месте нейтральная полоса, и потребовали прекращения военных действий как раз в важный момент преследования добровольцами дрогнувших петлюровцев. Энно из Одессы оказывал давление на немцев в нашу пользу, и благодаря этому они объявили, что не допустят уличных

босв в Києвс. Но в общем немцы были в высшей степени ненадежны. Их командование, сохранившее несмотря на революцию некоторое влияние на солдат, явно симпатизировало петлюровцам. Оно, видимо, продолжало традиционную политику немецкой дипломатии, стремившейся к расчленению России.

При этих условиях откладывать нашу поездку в Одессу было действительно невозможно. Но затруднение заключалось в том, что Киев был обложен почти со всех сторон. В момент нашего отъезда был свободен только путь на Харьков. Туда нас и направили, но с предупреждением принять все необходимые меры предосторожности. «У вас, конечно, есть фальшивые паспорта, — заботливо внушал нам напутствовавший нас министр путей сообщения и, подумав, добавил: — Впрочем, кто же не знает, что теперь нельзя путешествовать без фальшивого паспорта». Это было мое последнее впечатление от украинского правительства. Совет обзавестись фальшивым паспортом. Можно ли подыскать более яркое изображение призрачности того государства, где министры вынуждены давать подобные советы. Министр был прав. Фальшивый паспорт на имя Евгения Николаевича Торленко с моим портретом, припасенный еще в Совдепии, пригодился в дороге.

Переезд до Харькова обошелся без каких-либо осмотров, хотя близ станции Ромоданы Полтавской губернии мы проезжали в непосредственном соседстве от поля сражения, видели стоявшие недалеко друг от друга петлюровские и наши войска. Генерал, занимавший Ромоданы, спешивший с эвакуацией, не хотел нас пропускать,

говоря, что раньше он должен эвакуировать четыре поезда с воинским имуществом. Но на наше счастье с нами ехало железнодорожное начальство, а в то же время из Киева за движением нашего поезда следил С.Н. Гербель. Железнодорожники вовремя дали телеграмму в Киев, и ответной телеграммой оттуда нас велели пропустить. Мы счастливо проскочили в Харьков, откуда мы должны были искать путь к морю и в Одессу, куда иначе как морем проникнуть было нельзя.

Сведения, полученные нами в Харькове, были весьма безотрадны: путь на Севастополь оказался почти отрезанным, так как близ станции Синельниково действовала разбойничья банда знаменитого Махно, которая останавливала поезда и нещадно их грабила. А путь на Новороссийск был перерезан другой бандой. Поезда, впрочем, ходили как в том, так и в другом направлении. Ввиду важности данного нам поручения ехать было все-таки необходимо. А ждать было бессмысленно, как ввиду срочности поручения, так и ввиду событий, назревавших в Харькове. Приход большевиков там ожидался со дня на день. На железнодорожном вокзале прислуга, ожидавшая прихода большевиков, держала себя необыкновенно нахально и грубила пассажирам. Лакей, вообразивший, что я еду на север, говорил мне: «чего вы к большевикам едете, не стоит, они сами сюда придут».

Ввиду неизбежности поездки мы выбрали кратчайший путь на Севастополь. В дороге наши фальшивые паспорта проверялись петлюровцами. Мы ждали с волнением Махно и на всякий случай прикололи имевшиеся у нас пачки «керенок» к оконной занавеске с задней сто-

роны, обращенной к окну. Предосторожность оказалась лишней. Махно, накануне ограбивший поезд, шедший в те же часы, оставил нас в покое. Он, видимо, обладал природой удава, который, только что проглотив добычу, на другой день ее переваривает, а потому пока не нападает.

По приезде в Севастополь нас встретили пассажиры с предыдущего поезда с расспросами: «ну что, ну что, как доехали» и рассказали, что их обобрали до нитки, у некоторых отняли даже шапки. Синельниково мы проспали и только рано утром были разбужены выстрелами. «Ну, все пропало, грабят», — раздался голос полусонного пассажира. Поезд вскоре тронулся. Стреляли не грабители, а офицеры-добровольцы, которые остановили нас для осмотра и проверки документов. От одного из этих добровольцев я узнал о том, как грабят поезда в пути. «Как-то раз, — начал он, — постучались мы в запертое купе первого класса, но оттуда женский голос отвечал: скорее застрелюсь, но не открою дверь. Что делать? Мы обязаны осматривать, пришлось взломать купе. И увидели мы там совершенно раздетую женщину без вещей, без денег и без платья. Вот как очистили».

В Севастополе произошла первая наша встреча с союзниками. Дипломатических агентов, как сказано, там не было. Но там находился небольшой английский десант и стояла английская эскадра с адмиралом Кольторном во главе. Мы решились воспользоваться случаем, чтобы довести до сведения союзников, об ожидаемом падении Киева и о необходимости помощи. Тут перед нами в

первый раз обрисовалась вся трагическая безысходность положения.

Первое тяжелое впечатление произвели на нас свои же, русские. Мы попытались устроить свидание с англичанами через местных властей. Должностное лицо, к которому мы с этим обратились, заявило нам, что теперь оно не у власти, так как вся власть переходит к демократической думе: «вот, в соседней комнате сидят их представители, мы их спросим». Чиновник, посланный с вопросом к «демократам», вернулся с ответом, что демократы сами спрашивают, петлюровцы мы или гетманцы и вообще к какой партии мы принадлежим. После этого было решено с левыми не связываться. Если бы они узнали о нашей партийности, от них нельзя было бы ожидать ничего, кроме пакостей. Мы решили попытаться проникнуть к англичанам без всякой местной рекомендации. Это и удалось без труда.

Мы попали на английский броненосец. Но сам адмирал в это время был занят разговором с начальником немецкого гарнизона, еще находившегося в Севастополе. Поэтому вместо адмирала нас принял его начальник штаба. За всю жизнь я не помню официального приема более холодного и неприятного. Англичанин не подал нам руки и, выслушав наше сообщение, ответил нам, злобно смотря на нас: «Мы кончили великую европейскую войну, а вы хотите вовлечь нас в войну, может быть еще более трудную. Нет, извините, о возрождении России должны заботиться сами русские. Мы занимаем здесь портовые города, которые нам нужны. А Киев и Харьков далеко. Позаботьтесь о них сами». В сухом и холодном тоне, ка-

ким это говорилось, чувствовались неприязнь и безграничное презрение к России. К тому же от нашего собеседника мы узнали поразившую нас громом весть о вступлении в Одессу войск Петлюры. Англичанин, видимо, тешился нашим отчаянием. «Вы напрасно говорите, что они бандиты, — заметил он. — По нашим сведениям, это прекрасно дисциплинированные войска и в Одессе господствует порядок».

Мы поспешили откланяться. И когда мы очутились на берегу, встречные немецкие офицеры показались нам симпатичными по сравнению с англичанином.

Возникал вопрос, стоит ли ехать дальше. Но жребий был брошен. Даже отчаявшись в надежде добиться помощи, мы должны были ехать в Одессу, чтобы узнать от Энно о видах на будущее и соответственно с этим предупредить наших друзей и единомышленников в Киеве о том, что их ожидает, и побудить их к отъезду, если это окажется нужным. Пребывание в Одессе при наличии там петлюровцев было не безопасно. Но с нами были наши фальшивые паспорта, которые на первое время послужили нам защитой. Отдохнувши благодаря приятному морскому путешествию, мы очутились в Одессе, где первоначально остановились и прописали наши фальшивые паспорта в дрянной и грязной гостинице третьего разряда. Оттуда мы отправились непосредственно к Энно, проживавшему в «Лондонской» гостинице, и получили совершенно иное впечатление, чем от разговора с англичанами. Но все же мучительная тревога за будущее не была рассеяна и этим свиданием. В конце Екатерининской улицы, в непосредственной близости от

«Лопдонской» гостиницы нас остановили французские часовые и польские легионеры. Оказалось, что мы подошли к французской зоне, охватывавшей порт и часть прибрежной полосы. Ненормальность положения бросалась в глаза. Во французской полосе кроме польских легионеров находился весь одесский отряд добровольцев, за несколько дней перед тем сражавшийся с петлюровцами на границах зоны. Обе враждующие армии находились на расстоянии нескольких шагов одна от другой. Когда некоторые из добровольцев, пользуясь фактически установившимся перемирием, отважились на прогулку за пределами зоны, петлюровцы срывали с них погоны. Было очевидно, что так долго продолжаться не может. Положение было опасным, и сначала не намечалось определенного выхода. А между тем уже самый факт вторжения банд Петлюры в Одессу был тяжелым ударом престижу тех, что победили немцев.

Мы, приехавшие искать защиты у непобедимой силы французской армии, на границах зоны впервые испытали мучительное для нас ощущение бессилия победителей. И мы недоумевали, что это значит, как это понять. Как могли французы попасть в столь грязную лужу, получить это неожиданное посрамление от ничтожного отряда, наполовину состоявшего из разбойничьих банд, когда сил небольшого французского десанта и мощной артиллерии французских броненосцев, стоявших в порту, было вполне достаточно, чтобы стереть с лица земли самое воспоминание об этой сволочи. Увы, то же впечатление рокового бессилия победителей продолжалось до самого конца моего пребывания в Одессе, а «недоуменные во-

просы» кончились лишь в ту минуту, когда я понял, что ставка на французов раз навсегда и притом безнадежно провалилась.

Во французскую зону нас пропустили сравнительно легко, а в «Лондонской» гостинице у моего спутника А.С. Хрипунова нашелся влиятельный приятель Н.Н. Богданович (впоследствии помощник одесского градоначальника), который без труда тут же устроил нам прием у Энно. Последний искренно обрадовался приезду членов Совста государственного объединения и немедленно предложил нам переехать в «Лондонскую» гостиницу, в реквизированный французскими властями номер, под защиту французского оружия, что мы немедленно исполнили, прописав на этот раз наши подлинные паспорта.

Оказалось, что приезд наш был как нельзя более кстати. Энно, встретивший нас чрезвычайно приветливо, как искренний друг России, жаловался нам на то, что в эту критическую минуту он остался один, без русских советников. Даже те, кто был раньше в Одессе, после вторжения петлюровцев поспешно уехали в Крым. Мы тут же составили телеграммы в Крым и Киев — звать всех членов нашей организации в Одессу. Энно выразил полное удовлетворение, просил нас остаться с ним в эти тревожные дни и начал с нами откровенную, чрезвычайно волнующую беседу.

С первых же слов мы убедились, что имеем дело с человеком, который прекрасно знает и тонко понимает Россию, и при этом чрезвычайно ей предан и убежден, что восстановление единой и неделимой России необходимо для безопасности Франции в будущем. Мы тотчас

поняли, что весь тот осведомительный материал, который мы привезли с собою в Одессу, совершенно бесполезен, так как Энно знает не меньше, а гораздо больше нас. Так, мы хотели осведомить его о связи германцев с петлюровцами. А он показал нам цитаты из своего рапорта министру иностранных дел Пишону, где говорилось, кто из петлюровцев, когда и сколько получил во время войны немецких и австрийских денег. Все характеристики отдельных лиц были совершенно точны. Он знал, кто из петлюровцев подкуплен и кто честен. От него не ускользнул ни тот факт, что Грушевский продажный негодяй, ни тот, что Петлюра убежденный, но наивный фанатик. *C'est un esprit honnete dans le sens francais du mot, me comprenez vous? — Vous voulez dire borne?* пояснил я. *C'est ca, nous nous comprenons* (Это честный ум — во французском смысле этого слова. Вы меня понимаете? — Вы хотите сказать — ограниченный? — Именно так, мы понимаем друг друга.).

Призрачность украинства была для него так же очевидна, как и для нас. Он ясными словами говорил Пишону, что это, во-первых, большевицкий маскарад, который может обманывать только наивных, а во-вторых, плод немецкой интриги, попытка немцев отыграться на Украине за проигрыш войны. Я знаю, говорил он, если мы не восстановим единую Россию, все наши победы сведутся к нулю; немцам нужно расчленивать Россию, чтобы со временем иметь возможность нас раздавить.

Я слушал эти умные речи со смешанным чувством. Мне было и радостно, и страшно. Слава Богу, говорил я себе, у французов есть здесь представитель, ясно со-

знающий положение. Но вместе с тем я недоумевал, как это все делается французами на юге России как раз вразрез с этим ясным сознанием спасительного для России и Франции пути. Вспоминались дошедшие до нас еще в Киеве тревожные слухи о непрочности положения Энно.

Мысли, зарождавшиеся во мне по этому поводу, приняли совершенно ясную конкретную форму, когда я прочел Энно французский мемуар Совета государственного объединения, написанный мною и одобренный Советом, который поручил нам настоять на отсылке этого мемуара Пишону и Клемансо. Там мы указывали на международную опасность большевизма ввиду его всемирно-завоевательных стремлений. Мы доказывали ту простую, ясную для нас истину, что программа большевизма, составляющая его сущность, война против буржуазии всех стран. «Коммунизм, — говорилось в мемуаре, — существует или везде, или нигде». Если русский гражданин может быть владельцем недвижимости и капиталов во Франции или француз может владеть капиталом или землей в России, это значит, что нет коммунизма ни в Москве, ни где бы то ни было. Для большевизма поэтому всемирное осуществление коммунизма — вопрос жизни или смерти. И пока большевики у власти в Москве, все средства русского казначейства будут затрачиваться на пропаганду с единственной целью всюду зажечь междоусобную войну, которая теперь происходит в России.

«Я с удовольствием пошлю ваш мемуар с первым же миноносцем в Париж, — сказал Энно, — но только должен вас предупредить: меня вам убеждать незачем, так как я совершенно с вами согласен, а убедите ли вы тех

там, в Париже, другой вопрос. Как бы дело не ограничилось доставлением им приятного чтения после завтрака. Но ведь не о литературе же вы заботитесь». И он обещал не только послать мемуар, но и использовать его в рапорте. Я ясно почувствовал, что «у них там в Париже» какие-то глубокие внутренние препятствия к пониманию, быть может, даже нежелание понимать, вследствие чего не только наш мемуар, не только Энно, но и сам Клемансо, который несомненно понимает, рискует остаться непонятым. И чем дальше я жил в Одессе, тем яснее и яснее становилась для меня природа этих внутренних препятствий.

Разговор перешел на местные одесские впечатления, и тут я испытал мучительное чувство стыда за своих соотечественников. Энно рассказал нам, как и почему была сдана Одесса. Оказалось, что ее было можно и должно защищать. Но одесским отрядом Добровольческой армии командовал недостойный и неспособный генерал. Вместо того, чтобы оказать сопротивление, он увел и укрыл весь свой отряд на пароходе добровольческого флота «Саратов», и город был сдан. Когда Энно потребовал у этого полководца объяснений его действий, тот отвечал: «Да, что же мне оставалось делать?». «Вы спрашиваете меня, что делать, — отвечал Энно, — выполнить ваш долг, генерал» и не подал ему руки на прощание.

«Вы знаете, — продолжал мой собеседник, — я предан России, я скоро вступлю в родство с ней (Энно в то время был женихом патриотически настроенной русской еврейки), это моя вторая родина.

Но этого эпизода постыдной сдачи Одессы я целиком французам не рассказываю. Если какой-либо французский генерал встретится с этим русским генералом, я вам ручаюсь, дело России проиграно — *la cause de la Russie est perdue*».

Мне было невероятно больно слушать этот рассказ. Но слушая, я все-таки недоумевал. Да, русский генерал вел себя постыдно, но ведь вся его команда в шестьсот человек легко уместилась на одном пароходе. Что же делали в то время две тысячи французов да тысяча польских легионеров, им подчиненных, если цифра в шестьсот добровольцев признавалась вполне достаточной для защиты города?

Основательность этого моего недоумения получила через несколько дней полное подтверждение. Энно, видимо, получил из Парижа то разрешение приступить к решительным действиям, которого он добивался. «Завтра не будет зоны в Одессе, у нас будет весь город, русский город», — сказал он мне с радостным лицом.

Так и вышло. На другой день я был разбужен неистовой пальбой — ружейной и оружейной. Наши пушки палили у самой «Лондонской» гостиницы. К концу дня пальба стала удаляться и стихать, а на другой день она и вовсе прекратилась. Город был наш. Шестьсот добровольцев прогнали из Одессы три тысячи петлюровцев; в их рядах было лишь немного французских офицеров. Ранен был всего один француз на судне орудийным выстрелом. Зато добровольцы потеряли убитыми и ранеными треть своего состава — двести человек.

Честь Добровольческой армии была восстановлена благодаря смене недостойного генерала энергичным генералом Гришиным-Алмазовым. Французский генерал Бориус дал лестный отзыв о блестящем поведении доблестных русских офицеров. Но снова возникал вопрос: о чем же раньше думали французы, почему они дали посадить себя в калошу? Впоследствии, когда я присмотрелся к французским солдатам, я понял, в чем дело. Я видел солдата на часах, который приставил ружье к караульной будке и, скрестивши руки, около него прогуливался. Живо вспомнилось мне замечание русского извозчика курящим немецким часовым: у нас в русской армии бывало за это расстреливали.

И я не мог удержаться от мысли: победители немцев тоже чем-то подточены. Они просто-напросто «отвоевали», и никакими силами в мире нельзя заставить их после мировой войны начать новую войну, хотя бы и маленькую. Ибо и маленькая война для каждого может окончиться смертью. А перемирие было принято всеми этими измученными и уставшими людьми, как бесцельное обетование жизни. Кончилось царство смерти, теперь жизнь во что бы то ни стало и какой бы то ни было ценой, хотя бы для этого пришлось пожертвовать престижем Франции и кричать: да здравствуют большевики.

ПРЕБЫВАНИЕ В ОДЕССЕ.

НАРОДНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ

От пребывания в Одессе у меня осталось впечатление, быть может, еще более тягостное, чем от пребывания на Украине. И русские способствовали этому не

меньше, чем французы. Я чувствовал себя в атмосфере общественного разложения, в стране, обреченной большевизму. Было очевидно, что торжество его задерживается только внешней силой, только страхом. Поэтому ухода французов в Одессе боялись совершенно так же, как незадолго перед тем — ухода немцев в Киеве.

Всем нам было прекрасно известно, что город кишмя кишит большевиками, что в нем денно и ночью ведется большевицкая пропаганда как среди русского простонародья, так и среди французских солдат. Доходили сведения (потом по уходе французов подтвердившиеся), что весь город разделен большевиками на участки, что в каждом участке имеется заранее намеченный комиссар, что существует уже, хотя пока на нелегальном положении, совет рабочих депутатов, который только ждет благоприятной минуты, чтобы объявиться и организовать восстание. Обыватели об этом знали, полиция или не знала, или не хотела знать, или не умела выследить.

Пропаганде способствовало то ненормальное положение, которое создалось благодаря пассивному образу действий французов. Город был окружен тесным кольцом петлюровской блокады, а французы против него долго ничего не предпринимали. Снабжение предметами продовольствия было до крайности затруднено, а потому и цены стояли в Одессе такие, каких я в то время нигде на юге России не помню: фунт хлеба иногда доходил до семи рублей и более. Поэтому на базарах слышался народный ропот, который, разумеется, муссировался боль-

певиками. «Есть нечего, хоть помирай», — говорили одни. «Надо уметь доставать, — отвечали другие, — все припасы в “Лондонской” гостинице припрятаны, там их и доставайте». Этот кивок на «Лондонскую» гостиницу был направлен не только в сторону Энно, там жили некоторые видные представители власти, там же был центр деятельности Совета государственного объединения. Многие номера были заняты его членами, в одном помещалась его канцелярия. В той же гостинице происходили заседания совета и его бюро. Словом, «Лондонская» гостиница была центром франко-русского официального мира и в то же время центром деятельности наиболее могущественной буржуазной организации. При этом ресторан гостиницы, возбуждавший зависть большевиков, всегда был переполнен обедающими, несмотря на невероятно дорогую цену — по сорока рублей за обед.

Большевизм поддерживался в Одессе и чрезмерным изобилием уголовного элемента... Ни в одном городе России не было такого количества «налетов», т.е. разбойничьих нападений днем и ночью, на улицах и в домах. Выходить вечером было опасно. Я не помню ни одного вечера без многих и частых выстрелов. Возвращаясь домой после встречи нового года, один мой знакомый насчитал свыше ста сорока выстрелов. Любителей пограбить было в Одессе исключительно много, и все они, разумеется, с великим нетерпением ожидали прихода большевиков.

Не более отрадное впечатление производили и образованные классы населения. Il parait qu'ici le patriotisme n'est que l'apanage des classes cultivees de la societe (По-

видимому, здесь патриотизм — свойство одних образованных классов общества), сказал мне однажды Энно. Слова эти были не совсем справедливы только потому, что патриотизм в Одессе являлся достоянием отнюдь не всего образованного класса, а только некоторой его части. Нигде в России я не наблюдал большей деморализации, чем в Одессе.

Некоторое объяснение этого явления заключается в том, что Одесса скорее космополитический, чем русский город; в ней много греков и евреев. Я никогда не был иудофобом и не сочувствую современному стремлению изображать евреев, как единственных или даже главных виновников гибели России. Но, с другой стороны, было бы странно ожидать, чтобы еврейская интеллигенция могла стать носительницей русского патриотизма. Бывают, конечно, блестящие исключения из общего правила: русская еврейка, г-жа Энно, как я уже сказал, приятно поражала своим горячим русским патриотизмом и в этом смысле, несомненно, оказывала благотворное влияние на своего мужа. Из-за нее он даже навлек на себя обвинение недоброжелателей из французов. О нем говорили, что он, женатый на русской, ведет не французскую политику. В этом заключалась одна из причин последующего удаления Энно из Одессы.

Но повторяю, это не правило, а исключение. Оно поражает тем более, что отсутствие патриотизма в Одессе вовсе не было особенностью одних евреев. Вспоминаю эпизод, ярко обрисовавший для меня местные русские левые настроения. Я готовился к поездке в Екатеринодар. Слухи об этой поездке каким-то образом проникли в

печать. Вдруг по этому поводу является ко мне депутация из трех лиц от одной из студенческих организаций. Все три депутата, несомненно, русские и по фамилиям, и по типам. Думаю, что русские были выбраны в депутацию не без умысла. Депутаты объяснили, что в университете объявлена мобилизация, и просили походатайствовать перед генералом Деникиным, «чтобы мобилизация была не принудительная, а добровольная».

Завязался разговор. Я объяснил депутатам, что мобилизация, по существу своему, принудительная мера, и что «добровольная мобилизация» вещь нигде в мире не осуществимая. Из объяснений их мне стало ясно, что они просят, в сущности, об отмене мобилизации и о замене ее набором добровольцев, но при этом несколько конфузятся, а потому не решаются называть вещи их именами.

Я откровенно высказал им, что привык понимать русскую молодежь, но их просто не понимаю. «Ведь вы же, несомненно, не большевики, — сказал я, — иначе бы вы ко мне не обращались; почему вы не хотите принять участие в борьбе за Россию против большевиков?» — «Профессор, — отвечали они, — мы не отказываемся от борьбы, но эта мобилизация классовая. Мобилизуются студенты, но не мобилизуются широкие демократические массы населения. Вот мы боимся попасть в неловкое положение по отношению к этим массам». — «Но ведь вы, господа, прекрасно знаете, что эти массы в Одессе насквозь большевицкие. Почему же вы их конфузитесь и не решаетесь от них отделиться? Я повторяю, что не понимаю вас». Тут мои собеседники окончательно смути-

лись, стали было оправдываться, но вскоре ушли. Меня так и обдало от этой беседы типическим интеллигентским настроением. Прежде всего демократия, потом уже Россия. Еще хорошо, если ее очередь приходит хотя бы после демократии. Чаще встречаются такие типы, которые молятся на демократию и совершенно забывают о России. Они боятся патриотизма, ко всякому патристическому движению и чувству они подходят с вопросом: «а демократично ли оно», и при этом боязливо озираются налево. В этих слоях русского общества я чувствовал стихийную ненависть к Добровольческой армии. Ненависть эта объясняется многими причинами, о которых я в свое время поговорю. Но из них главная — убеждение в том, что Добровольческая армия «не демократична» и «реакционна».

Вообще вся интеллигенция в Одессе производила на меня впечатление чего-то насквозь гнилого и мертвенного. Отсутствие живой души и рабство перед заученными казенными формулами современного демократизма, вот наиболее выдающаяся и типическая черта этих людей. Встречал я среди них и людей порядочных, которые «хотели быть патриотами». Но именно беспомощность этого искания путей к патриотизму и производила наиболее тягостное впечатление. Они слышали звон, но не знали, где он, были не прочь «полюбить Россию», но не знали, как это делается, и в особенности, как можно совместить эту любовь с «демократизмом».

Как раз в Одессе мне приходилось наблюдать этих людей на продолжительных и частых совещаниях буржуазных и социалистических организаций. Со стороны ле-

вых участвовали представители «Союза Возрождения» и «Симферопольского объединения земств и городов». С нашей стороны представители Совета государственного объединения и «Национального центра». В числе левых были эсеры, эсдеки — меньшевики и народные социалисты. С нашей стороны были представители буржуазных партий разных оттенков — кадеты, бывшие прогрессисты, октябристы и даже один националист.

Интересен самый повод совещаний. Французы ставили неперенным условием своей помощи соглашение буржуазных и социалистических групп. «Как мы можем помогать вам, говорили они, когда вы между собою не спелись». Требование это настойчиво повторялось еще в 1917—1918 гг. в Москве. В Одессе об этом напоминал Энно, а нашим делегатам, съездившим в Яссы к генералу Бертело, говорили: «il faut que vous ayez une blouse d'ouvrier dans votre gouvernement, — il vous faut des noms socialistes» (Нужно, чтобы в вашем правительстве была рабочая блуза, вам нужны социалистические имена.). Социалистам, по-видимому, тоже вменялось в обязанность объединиться с буржуями. Собственно прямого ультиматума в обращении к нам французов не было. Но мы прекрасно понимали, что требование объединения русских партий ставилось совершенно ультимативно по отношению к самим правительствам Франции и Англии. Им нужно было оправдывать свой образ действий перед их парламентами и отвечать на вопрос, который ставился ребром: кому вы, собственно, хотите помочь, русской буржуазии, русским социалистам или единой России? Мысль о помощи русской буржуазии возмущала всех со-

циалистов в Англии и Франции. Мысль об односторонней помощи русским социалистам не могла нравиться английским и французским буржуазным партиям. Отсюда обращенное к нам повелительное требование, чтобы мы образовали «единый демократический фронт».

Было, к сожалению, слишком много оснований думать, что перед нами ставится задача неразрешимая. И, однако, для нас была безусловно обязательна хотя бы даже безнадежная попытка ее разрешения. Мы должны были иметь возможность сказать союзникам, что с нашей стороны сделано все возможное, чтобы достигнуть соглашения и что не мы виноваты в том, что оно не могло состояться. С первых же шагов я почувствовал, что между нами и левыми есть пропасть, которая решительно ничем не может быть заполнена. Думаю, что то же чувствовали и левые. Тем не менее совещания продолжались, согласительные формулы вырабатывались, потому что ни та, ни другая сторона не хотела быть виновницей разрыва. И основная причина этого безнадежного расхождения — все та же: для нас целью, к которой мы стремились, была единая Россия, для них прежде всего «демократия» и единая Россия лишь «постольку-поскольку».

Главным предметом спора был вопрос о временном устройстве верховной власти впредь до окончания войны. Левые требовали директории из трех равноправных членов — одного военного (за такового они готовы были признать главнокомандующего вооруженными силами юга России) и двух гражданских. Напротив, первоначальная точка зрения Совета государственного объединения

была чистая диктатура. Потом, чтобы не разрывать отношений, представители Совета пошли на компромисс, который, впрочем, мало изменял дело. Они согласились на вручение власти трехчленной коллегии с тем, чтобы военному ее члену были предоставлены, во-первых, право единоличного назначения всех военных должностных лиц, а во-вторых, исключительное право объявлять военное положение в тех местностях, где это окажется нужным. При этих условиях фактически командующий Добровольческой армией мог оставаться диктатором во всех тех местностях, где для военных целей он признает это нужным.

Левые на это, безусловно, не согласились. Они потребовали, чтобы как объявление военного положения, так и назначение всех корпусных командиров было предоставлено всем трем членам директории на равных правах. Тут-то и обнаружилась роковая двойственность их точки зрения, уничтожавшая всякую возможность соглашения. Они как будто признавали Добровольческую армию и в принципе изъявили готовность оказать ей поддержку. Но в то же время они обставляли эту поддержку такими условиями, которые вносили бы в армию неизбежное разложение. Предоставить штатским людям право назначать корпусных командиров — значило просто-напросто допускать вторжение политики в военное дело.

Понятно, что на этом переговоры были прерваны. Принцип директории, как его понимали левые, достаточно показал свою несостоятельность в Сибири. Там директория была в конце концов арестована и свергнута именно потому, что она потворствовала преступной про-

паганде в армии Чернова и его единомышленников. Для людей, признающих и любящих родину «постольку-поскольку», такой образ действий вполне естествен.

Была и комическая потка в демократическом пафосе этих людей. Они относились к своему демократизму необыкновенно бережно, как к хрупкому сосуду, который может разбиться при сколько-нибудь неосторожном обращении, и облекали свое служение демократии в необыкновенно торжественные формы. Олицетворением этой торжественности являлся в особенности бывший городской голова Р., своей маленькой фигуркой, видимо, стремившийся походить на Шекспира и соответственно стригший бороду и волосы. На самом деле у него было карикатурное сходство с теми бронзовыми статуэтками Шекспира, какие иногда украшают чернильницы, за что мы, члены Совета государственного объединения, прозвали его «шекспирчиком». Однажды во время перерыва «шекспирчик» стал мне доказывать необходимость сохранить полномочия за демократическими думами, выбранными при участии пришлых солдатских масс. На мое возражение, что дума, избранная таким способом, не может считаться выразительницей воли населения, он отвечал, что эти демократические думы и земства — все-таки факт, с которым нам придется считаться. «Но ведь и учредилка совершившейся факт, однако вы не настаиваете на сохранении ее полномочий», — возразил я. Тут Р. вдруг попытался вырасти на аршин, принял величественный вид и отчеканил: «Извините, я член учредительного собрания и не могу допустить, чтобы его в моем присутствии называли учредилкой».

Хотелось верить, что события русской революции кое-чему научили этих людей. Напрасная мечта. Они уступали в некоторых частностях, например, в вопросе о вознаграждении за принудительное отчуждение земель, но сохраняли важнейший свой недостаток — полное отсутствие национального духа и государственного смысла. И это, несмотря на то, что они называли себя «государственно мыслящими социалистами». При этом вскоре обнаружилось, что удельный вес всех этих групп — эсеров, меньшевиков и народных социалистов равен нулю. Это были генералы без армии, которые вполне честно признавали, что «за ними массы не идут». Они годились только в декорацию для французов. Но когда нам стало ясно, что приобрести эту декорацию можно только ценою допущения разлагающих влияний на армию, Совет стал думать только о том, на каком вопросе удобнее и выгоднее прервать переговоры его об «общей платформе». По-видимому, и левые думали о том же самом. Они мечтали порвать с нами на аграрном вопросе, чтобы изобразить нас «буржуями и аграриями», неспособными поступиться ради народа классовыми выгодами. А наша забота заключалась в том, чтобы разоблачить их отношение к армии. В конце концов вышло по-нашему: повод к разрыву был именно тот, которого мы хотели.

Если «демократы» в Одессе производили впечатление безнадежно больных, то я не могу сказать, чтобы и «государственно мыслящие» слои производили впечатление здоровья. Среди моих товарищей по Совету государственного объединения я наблюдал людей патриотически настроенных, которые искали во французской ори-

ситуации только спасения России, ибо были убеждены в полной невозможности для нее спастись собственными силами. Но патриотизм большинства собранной в Одессе буржуазии оставлял желать лучшего.

В конце концов почти все буржуазные общественные элементы, действовавшие раньше в Киеве, после вторжения в Киев Петлюры перекочевали в Одессу. Перекочевали и люди, и организации. Они возобновили свои бесконечные и бесплодные заседания. Перенеслась вместе с ними, к сожалению, и царившая в Киеве атмосфера буржуазной деморализации. Была, впрочем, существенная разница между этими людьми и левыми. Левые просто не любили или не умели любить Россию. В «буржуях» большею частью чувствовались люди, которые изверились или отчаялись в России, измалодушествовались и потому мечтали о пришествии варягов в каком бы то ни было виде; все равно в какой военной форме, лишь бы варяги навели порядок. «Ах, кабы хоть англичане пришли и нас поработили, — говорили одни, — ведь лучше иноземное владычество, чем свой собственный большевизм», «Нам одно спасение — здоровый иностранный кулак», — говорили другие. И замечательно, что самыми пламенными сторонниками англо-французского кулака были вчерашние поклонники немецкой ориентации, те самые, которые годом раньше мечтали: ах, кабы Вильгельм пришел! Это было неожиданное превращение гетмановщины. Характерно, что наиболее рьяными сторонниками французской ориентации в Одессе явились «хлебобобы», т.е. та самая организация, которая, как известно, посадила в Киев гетмана. Особенно часто слы-

шались малодушные разговоры среди бывших людей из крупных помещиков и больших сановников империи. История повторяется. В дни «смутного времени» также находились бояре, которые полагали, что лучше Владиславу присягать, «чем от своих холопов поругану и биту бытии». Интернационализм справа был и в те дни тот же, что теперь, но только тогда он находил себе убежище не в немецкой или французской, а в польской ориентации.

Неудивительно, что малодушное настроение сказывалось особенно часто среди беженцев, людей особенно пострадавших и приученных к мысли о ненадежности каждого местопребывания. С каждой переменой места количество их увеличивалось. В Киеве я застал часть «всего Петербурга» и часть «всей Москвы». В Одессу прибыли почти все те же лица плюс часть «всего Киева». По мере передвижения на юг увеличивалась теснота. Если в Киеве было трудно найти комнату, то в Одессе это было еще много труднее, и платили за комнату до трехсот и четырехсот рублей без отопления. Я почти все время моего пребывания в Одессе жил в одном небольшом номере «Лондонской» гостиницы с А.С. Хрипуновым, и нам многие завидовали. Дороговизна была такая, что за один ночлег и еду приходилось тратить до 60 рублей в сутки, обедая в столовых третьего разряда и заменяя ужин колбасой да хлебом. Те же, кто, как я, жил в «Лондонской» гостинице, тратили на одну еду да кофе сто или более рублей. А при этом большинство беженцев было без денег.

Имея достаточный литературный заработок, я не терпел нужды, но имел денег, что называется, в обрез. По-

этому я с немалым удивлением спрашивал себя, откуда же добывают средства все остальные, то огромное большинство, которое не зарабатывает. А ведь живут люди при этом не хуже, а лучше меня. Есть и такие, что ни в чем себе не отказывают, платят за завтрак тридцать, за обед сорок рублей, да еще требуют вина и даже шампанского. Огромный ресторан «Лондонской» гостиницы, где я не позволял себе обедать, был всегда переполнен этими людьми, бывшими землевладельцами и богачами. Они просто не были в состоянии сократить свои привычки и жили мечтой о «здоровенном кулаке», который вернет им их имения, жили изо дня в день, стараясь не приподымать завесу будущего.

Мне становилось жутко на них глядя. Ведь в лучшем случае они запутываются в долги за ростовщические проценты. Доходили темные слухи о сомнительных спекуляциях, к которым, бывало, старасья не прислушиваться, боясь поверить клевете. Рассказывали про человека с именем, зарабатывавшего большие деньги в качестве маркера в какой-то миллиардной. В Киеве множество бывших офицеров служили в ресторане и подавали блюда немцам. Были случаи, когда офицеры-добровольцы попадались среди «налетчиков». Все это, вместе взятое, производило кошмарное впечатление. Проходя через ресторан «Лондонской» гостиницы, куда я порой заходил, разыскивая знакомых, бывало, рисуешь себе этих обедающих в вид толпы нищих в будущем и невольно думаешь о том, сколько из них окончат самоубийством. А потом идешь на «заседание», где развертываются все новые и новые стадии «французской ориентации».

Боже мой, какой копмар эта французская ориентация. В нее поневоле загоняются люди, искренно и пламенно любящие свою родину, те, которые по совести не могут себе представить, как она возродится собственными силами. В нее с ликованием устремляются левые, для которых победа союзников торжество всемирной демократии. К ней же приказываются совсем не демократические мечты о «здоровенном кулаке» и о возвращении благосостояния. Словом, в этой ориентации оказываются соседями и попутчиками люди, которые не переносят друг друга. Для тех, кто любит Россию, это становится в конце концов нравственно невозможным. Для здорового национального чувства интернационалисты слева и справа одинаково невыносимы.

Есть еще один невыносимый для русского чувства элемент — местные центробежные течения, которые тоже как-то приспособились к французской ориентации, надеясь с ее помощью сделать карьеру за счет России. Петлюровцы с самого начала стали делать попытки, притом не безуспешные, втянуть французов в орбиту украинской политики. Но кроме этих сепаратистов чистой воды были в Одессе и федералисты, мечтавшие при помощи французов создать в одесском районе полунезависимую государственную единицу с самостоятельным правительством во главе. С этой мечтой связывались и интересы местных финансовых тузов, рассчитывавших благодаря своей денежной силе влиять на местное правительство и с его помощью обделывать свои дела. Были и просто местные честолюбцы, которые мечтали попасть в министры.

Трудно поверить, сколько маленьких честолюбий пробудил федеративный строй, временно фактически осуществившийся в Кубани, на Дону и в Крыму. Казалось бы, трудно себе представить человека, который сияет от счастья, что он попал в какие-нибудь крымские министры. Между тем такие были. А в Одессе мы видели людей, которые завидовали участи этих министров и мечтали попасть в их положение. Такие честолюбцы увивались около французских властей, надеясь при их помощи поставить и провести свою кандидатуру на будущие министерские портфели. Такие типы проникли, к сожалению, и в среду нашего Совета государственного объединения. Оставаясь в нем в меньшинстве, они принесли, однако, его деятельности немало вреда, ибо вносили в его жизнь противоречащий его сущности элемент федерализма и местной интриги.

ФРАНЦУЗЫ В ОДЕССЕ

Центром тяготения всех только что охарактеризованных общественных элементов, за исключением большевицки настроенных масс, были, как сказано, французы. Я наблюдал в Одессе французских солдат, офицеров, командующего войсками генерала д'Ансельма, да консула Энно и в общем вынес впечатление чего-то, по существу, двойственного, противоречивого.

Тут было желание помочь России и в то же время полное нежелание приносить для этого какие бы то ни было жертвы. Противоречивы были прежде всего газетные сообщения о намерениях французских властей. Одним и тем же министрам приписывались программные

заявления о необходимости «борьбы до конца» против большевизма и в то же время лозунг «ни капли французской крови». Хотелось верить, что корень этого противоречия — неверные газетные сообщения. Но та же двойственность поражала и в разговорах тех французов, с которыми приходилось сталкиваться в Одессе.

Помню банкет, данный одесситами в честь союзников. На разных концах залы я слышал говор французских офицеров.

«Ну да, конечно, мы вам поможем восстановить порядок и освободиться от большевиков». Я подсел к столу, где говорились такие речи и начал усердно подливать в бокал офицеру-моряку. Когда вино развязало ему язык, он договорил свою мысль до конца. «Ну, да, конечно, мы вам поможем, но сражаться за вас мы не будем, это уже дело самих русских». И разговор сразу перешел на немцев. Тут я испытал тяжелое впечатление; мой собеседник захлебывался от злобы. «Вы не знаете, — говорил он, — что мы с ними сделали и что мы с ними еще сделаем. Пусть подохнут с голода мерзавцы, мы их будем морить, мы сделаем так, чтобы они никогда не встали. Мы у них отняли сельскохозяйственные машины, флот, локомотивы. Посмотрим, как они будут питаться. Того ли они заслужили».

В общем, разговоры, которые я слышал, оставили во мне впечатление, что французы в гостях у русских стараются быть любезными и говорят без внутреннего убеждения пустые фразы о помощи нам, в которые сами не верят, но в душе у них нет места для России. Жажда отдыха и мысль о мести немцам — вот и все, чем они живут

в данную минуту. Солдаты — те были еще откровеннее: «Чорт с ней, с Россией, — говорили они, — на кой чорт нас привели сюда и какое нам дело до большевиков. Эх, кабы большевики пришли в Одессу, тогда нас бы поскорее отсюда убрали. Да здравствуют большевики, мы их не боимся, потому что мы сами рабочие». Таково общее содержание французского солдатского говора, который приходилось слышать русским на улицах. Благодаря нежеланию французов драться, большевицкая пропаганда находила среди них благодарную почву. И большевики не теряли времени, они составляли и распространяли прокламации массами. Меня всегда поражали умение и неутомимая энергия большевицкой пропаганды. В то же время наша пропаганда сводилась к нулю частью благодаря косности буржуазных организаций, частью благодаря препятствиям, какие они встречали в деле печатания своих брошюр. В январе 1919 года по поручению Совета государственного объединения я составил в несколько дней брошюру «Les bolcheviks et le bolchevisme» («Большевики и большевизм») для французских солдат и сдал в печать, а сам уехал в командировку в Екатеринодар. Когда спустя две недели я вернулся оттуда, рукопись еще не была набрана, так как лицо, которому было поручено это дело, таскало ее в кармане. Потом целых полтора месяца тянули набор несчастных тринадцати страничек. В конце концов брошюра была напечатана и начала распространяться лишь в марте 1919 года, всего за несколько дней до сдачи Одессы большевикам. Кроме косности и равнодушия своих тут повлияла и обструкция со стороны типографии, которая очевидно умышленно задержи-

вала выход брошюры. Произведения большевицкие в то же самое время умножались чрезвычайно быстро.

Настроение войск отражалось на действиях властей. Энно часто и убедительно писал в Париж, требуя энергичного вмешательства в русские дела. Его русские друзья, в том числе и некоторые члены Совета государственного объединения, читали его донесения. И тем не менее французские войска в течение двух месяцев почти не прибывали, и продолжающаяся блокада Петлюры чрезмерно вздувала цены на предметы первой необходимости. Положение становилось критическим, недовольство в населении росло, и авторитет французов благодаря их бездействию падал все ниже и ниже. «Победители немцев» производили впечатление полного бессилия. Донесения Энно, видимо, не встречали сочувствия в Париже. В конце концов он утратил всякое влияние. В Одессу прибыл генерал д'Ансельм со своим начальником штаба Фреденбергом, и с этой минуты значение Энно было сведено на нет. Руководящая роль в политике перешла к высшему военному командованию.

Поведение генерала д'Ансельма и его помощника было более чем странно. Генерал систематически отказывался принимать делегации от русских политических организаций, отговариваясь тем, что он солдат и не вмешивается в политику. Но в то же время он тотчас по прибытии в Одессу принял местного начальника украинских войск — генерала Грекова и начал с «петлюровцами» весьма двусмысленные переговоры. Переговоры эти с врагами единой России не могли не смутить русских общественных деятелей. Их смущение разделял Энно,

который пожимал плечами и намекал на то, что новые руководители ничего не понимают в политике. Президиум Совета Государственного Объединения пытался вступать в объяснения с генералом д'Ансельмом, который произвел на нас впечатление человека невежественного и неумного.

В наших словах он не понимал самого главного: мы ставили ему на вид, что всякие разговоры с Петлюрой и его сторонниками нарушают верховенство Добровольческой армии, единственной представительницы русской государственной власти на юге России. А он неизменно отвечал: «Я солдат, в политику не вмешиваюсь и стою вне партий, а потому должен разговаривать со всеми. Если бы речь шла о Екатеринодаре, я обращался бы к генералу Деникину, который является хозяином в Екатеринодаре. Но на Украине хозяин Петлюра: поэтому я должен обращаться к Петлюре». Смущение наше усиливалось тем, что начальник штаба д'Ансельма и главный вдохновитель его политики — полковник Фреденберг был человек, несомненно, умный. А его роль была более чем двусмысленна: покровительство украинцам сочеталось у него с явно враждебным отношением к Добровольческой армии. От представителей последней, в частности от одного из министров, я определенно слышал, что, по данным контрразведки, Фреденберг подкуплен украинцами. Впоследствии, когда Одесса была брошена французами, распространились слухи, будто д'Ансельм и Фреденберг получили за это миллионы от большевиков.

Своеобразное объяснение всей этой политики дал генерал Бертело, приехавший на двое суток в Одессу.

«Вы просто-напросто большие дети, — говорил он председателю нашего совета — барону В.В. Меллер-Закомельскому. — Сами же вы просили меня заступиться за офицеров-добровольцев, взятых в плен петлюровцами. Скажите, как же я мог бы это сделать иначе, чем путем переговоров. Ведь войск у меня почти нет, да и те, которые есть налицо, ненадежны. Знайте, это не те, которые победили немцев». О своих войсках Бертело говорил вообще с величайшей откровенностью.

По его словам, лучшие войска в течение всей войны оставались во Франции. На салоникский фронт давались только отбросы. И вот эти-то люди, плохо дисциплинированные и чрезвычайно доступные большевистской пропаганде, были по окончании войны переброшены в Одессу. «Судите сами, что мне с ними делать. К апрелю ожидается прибытие внушительной цифры колониальных (цветных) войск. Прибудут французские добровольцы. Те и другие безусловно надежны, с ними можно будет предпринять решительные действия; но до их появления надо во что бы то ни стало тянуть время и избегать сражений. Могу вас заверить самым решительным образом, что я сторонник единой России и не признаю самостоятельной Украины. Но силою вещей я до поры до времени вынужден разговаривать с самостоятельными». Таков был общий смысл всех объяснений Бертело.

Положение французов было трагикомическое: победители немцев очутились в Одессе в положении осажденных и все-таки не смели проливать ни капли француз-

ской крови. А в то же время голод вынуждал расширить зону французской оккупации. Волей-неволей приходилось «изворачиваться». В конце концов зона была расширена безо всякого сопротивления: французы заняли Николаев, Херсон, Раздельную и ряд других пунктов. Очевидно, что между ними и петлюровцами состоялось на этот предмет какое-то соглашение.

Достигнуть его было не трудно, потому что сами петлюровцы находились в отчаянном положении. В беседе с Энно, их генерал Греков признавался откровенно, что из трех тысяч его солдат, расположенных поблизости от Одессы, не более 20% надежны, остальные «бандиты». Петлюровцы повсеместно разлагались, а в то же время на них наседали большевики. Немудрено, что они шли на все условия, лишь бы заручиться добрым расположением французов.

В конце концов в Одессе получилось невероятно нелепое положение. Обреченное на гибель «украинское» движение Петлюры хваталось за французов, как за последний якорь спасения. А в то же время французское командование, верное своему девизу «ни капли французской крови», рассчитывало сражаться против большевиков украинскими войсками Петлюры. Вместе с тем создавались совершенно невозможные отношения между французским командованием и Добровольческой армией. Петлюровцы, с которыми французы вели переговоры, были ее отъявленными врагами. В Киеве вся борьба добровольцев против Петлюры велась в расчете на помощь французов, причем надежда на прибытие этой помощи поддерживалась французскими властями. Взятие Одес-

сы добровольцами состоялось в силу прямого приказа французского командования. При этом петлюровцы обращались с пленными добровольцами с варварской жестокостью: многих добровольческих офицеров они расстреляли, в том числе доблестного генерала графа Келлера, а некоторых даже пытали. Поэтому соглашение французов с петлюровцами не могло не произвести на Добровольческую армию самого тяжелого впечатления. Невольно возникал вопрос: что это — наивность, легкомыслие, или сознательная измена России? На все вопросы по этому поводу французское командование неизменно отвечало: «потерпите, нам нужно протянуть время до получения подкрепления».

И подкрепления начали прибывать. Появились не только цветные (колониальные) французские войска: в феврале и марте стали прибывать в Одессу греки: их было там высажено до двух дивизий. В конце концов в Одессе и ее окрестностях скопилось свыше пятидесяти тысяч союзных греческих и французских войск. Этого было более, чем достаточно, чтобы предпринять энергичное наступление против слабых большевистских сил, двигавшихся на Одессу. Вместо того произошло как раз обратное. Французы, единственно благодаря нежеланию сражаться, были вытеснены большевиками из Николаева и Херсона. А при деревне Березовке на их долю выпало неслыханное посрамление: две тысячи французов с танками были обращены в паническое бегство несколькими сотнями большевиков; пять танков остались в руках неприятеля.

В довершение посрамления, горсти добровольцев удалось отогнать большевиков и привести в негодность танки; вывезти их оказалось невозможным, и в конце концов они так и остались за большевиками. «Что вы хотите делать, — произошла паника», — говорил потом об этом постыдном деле д'Ансельм. «Знаете ли вы откуда вам ожидать возрождения России, — объяснял он одному из членов Совета Государственного Объединения, — от большевистских войск; да, не удивляйтесь, от большевистских войск! О, это настоящие наполеоновские войска, бесстрашные в бою; представьте себе, они лезут на танки и умирают».

А мы прскрасно знали, что эти «наполеоновские войска» на две трети состоят из сволочи, что добровольцы неизменно бьют их, когда находятся с ними в численном отношении одного против трех. Греческие войска, которые в общем производили прскрасное впечатление, были возмущены поведением французов. Офицеры-грски заявляли, что была полная возможность защитить Херсон и Николаев и что они не отдали бы этих городов большевикам, если бы не прямое приказание французского командования.

Все загадочное в поведении французов становится ясным для того, кто видел и наблюдал французские войска в Одессе. Профессор П.И. Новгородцев, садившийся на пароход в момент эвакуации французами Одессы, сообщал мне, что французские солдаты, которые сажались одновременно с ним на транспорт, бросали винтовки в воду. В те же дни среди самих начальствующих лиц слышались явно большевистские речи. Хорошо знакомый

мне русский беженец, человек безусловно правдивый, рассказывал мне свой разговор с французским военным врачом в момент эвакуации. «Вам не нравится большевизм, — говорил ему врач, — большевизм несомненно выражает волю большинства; да будет же воля народа!»

Одни ли одесские войска французов были в таком плачевном состоянии? Конечно, нет. Члены Совета Государственного Объединения, Шебеко и Гурко, приехавшие в Одессу из Парижа, — один в начале, другой в конце марта, сообщали нам, что, по единодушному отзыву всех наблюдавших французские войска в самой Франции, их воодушевление сейчас же по заключении перемирия сменилось полной прострацией и упадком духа. Нет той силы в мире, которая могла бы заставить эти войска возобновить военные действия: они утратили всякую боевую способность; возникали даже сомнения в возможности заставить их воевать с немцами в том случае, если конференции не удастся заключить мир. В этом главная причина того, что, несмотря на победу и разоружение немцев, германская опасность все еще считается неустраненною.

Дальнейшее развитие событий понятно, несмотря на кажущуюся их парадоксальность. И Шебеко, и Гурко засвидетельствовали нам, что во Франции в конце зимы произошел полный переворот общественного мнения в нашу пользу. Страх перед будущим возрождением Германии заставляет французов мечтать о восстановлении единой, великой и могущественной России. Другие союзники не внушают доверия французским государственным деятелям: они убеждены, что англичане и амери-

канцы вскоре уйдут, оставив Францию лицом к лицу с Германией. При этих условиях возрождение России для французов — вопрос жизни и смерти. Бросить Россию на произвол судьбы для французов — значит самим наложить на себя руки.

И, однако, вопреки предсказаниям Шебеко и Гурко, самоубийство совершилось. Попытка французов помочь России — закончилась позорным бегством их из Одессы. Они отдали на съедение большевикам тысячи людей, которые были привлечены в Одессу исключительно их обещанием покровительства; они обнажили фланг Добровольческой армии, поставив ее тем самым в критическое положение.

Как и почему это случилось? Возможно, что в слухах о взятках было нечто истинное. Возможно, что в Париже оказали некоторое влияние агитация и в особенности подкупы большевиков. Но было бы в высшей степени поверхностно объяснять одними взятками и подкупами события, столь роковые для Франции. Если в данном случае она поступилась своим жизненным интересом, — ясно, что это вынуждалось необходимостью. Оставаться в Одессе и в Крыму после бегства французских войск в Николаеве и Березовке — было для них просто невозможно. Попытка бороться против большевиков могла бы привести к роковому концу: французские солдаты, вследствие пропаганды и нежелания драться, могли бы сами в свою очередь перейти на сторону большевиков. В минуту, когда их эвакуировали, они были уже не защитниками, а скорее источником внутренней опасности для Одессы.

Многие задавались вопросами, почему, удаляясь из Одессы, французы не оставили там греков и добровольцев? Вопрос этот ставился в особенности греками, которые были в высшей степени недовольны одесскими событиями. Я уже говорил о том, что греческое командование было полно наилучших намерений по отношению к нам. Греческие офицеры часто говорили о том, сколь многим их родина обязана России. Можно догадываться, что ценою этой вооруженной помощи Греция хотела заручиться в будущем поддержкой России против своего всегдашнего соперника — Болгарии. Помощь эта в данную минуту могла оказаться весьма существенною: соединенных сил греков и добровольцев было вполне достаточно, чтобы положить конец всяким попыткам большевиков завладеть Одессою. Но оставлять в Одессе греков и уходить оттуда самим — для французов значило бы обнажать свой национальный позор. Этим бы они показали, что оставление Одессы вызывается не общими для всех союзников соображениями мудрости, а состоянием одних французских войск. Нечего удивляться тому, что французы на это не решились.

Так или иначе, французы нам изменили. Но всего замечательнее, что в конечном счете эта измена оказалась катастрофой для Франции, а не для России.

РУССКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ

Тут мы имеем дело со своего рода историческим чудом. После поражения Германии французская ориентация казалась последней ставкой России, единственной ее надеждой на спасение. А между тем именно в тот день,

когда эта надежда рухнула, спасение оказалось близким и доступным. Оно явилось вопреки всем соображениям рассудка именно там, где его не ждали. Несколько месяцев тому назад восстановление России ее собственными средствами представлялось из всех выходов самым невероятным, немислимым; между тем оно-то и оказалось единственно возможным.

Ошибка сторонников иностранных ориентаций была естественна. С одной стороны, распавшаяся на части Россия действительно казалась мертвым телом: в особенности на Украине и в Одессе почти все, что мы видели, производило впечатление мертвого, а не живого; зловещие признаки тления замечались во всех общественных слоях — в народных массах, в социалистических партиях и в буржуазии. Порою казалось, что во всем этом общественном теле, которое мы наблюдали, нет ни одной живой ткани: все гниет и разрушается. А рядом с этим, как не поверить в непобедимую мощь европейских и тех американских армий, которые сокрушили Германию!

Рассуждение сторонников союзнической ориентации казалось неопровержимым, и однако оно было опровергнуто жизнью. События и на этот раз доказали полную несостоятельность всех материалистических расчетов.

Сторонники союзнической ориентации слишком верили в материальную мощь тех иностранных армий, которых они звали на помощь. Напрасная мечта: во-первых, если бы Россия действительно была мертвым телом, как это казалось многим, никакая вещественная сила извне не могла бы сделать мертвое живым... Во-вторых, на примере французов мы могли бы лишний раз убедиться,

что сила и слабость армии зависит прежде всего от причин духовных. Те французские войска, которые бежали перед большевистскими бандами, представляли собой не живую силу, так же как русская армия в дни революции: это было тело без духа.

Наконец, в-третьих, самая важная ошибка сторонников союзнической ориентации заключалась в том, что они видели в России только мертвое и не замечали живого. А между тем живое сказалось в движении Колчака и, быть может, еще более в ошеломляющих успехах Добровольческой армии. Откуда взялись эти живые силы, когда решительно все слои русского общества казались насквозь гнилыми. Единственно верный ответ на этот вопрос в наши дни может показаться невразумительным: наш материалистический век верит только в значение количества и в силу масс, между тем бывают эпохи в истории, когда народы спасаются подвигом немногих личностей, — тех «семи праведников», которых не оказалось в наличности в дни гибели Содома. Так бывает всегда в дни упадка духа народного. Когда они наступают, — все кажется мертвым, все погружается в какой-то летаргический сон: тогда биение пульса народного чувствуется уже не в массах, а только в отдельных героических личностях. Но доколе есть такие личности, есть и та живая сила, которая воскрешает народы. Эти немногие избранные — та малая закваска, которая квасит все тесто.

Я не преувеличиваю. Была эпоха в истории, когда, казалось, наступила гибель Франции: она жила в одной только Жанне д'Арк; но и этого оказалось достаточным для спасения нации. Явилась та сила, которая горы пере-

двигает. Она поверила и заставила других поверить: вокруг нее собрался тот героический круг, который спас Францию. В истории России такие случаи повторялись не раз. В четырнадцатом веке все трепетало перед татарами, все лежало ниц, — никто не думал о сопротивлении. Но Россия, казавшаяся мертвою, жила в св. Сергии, и вот из его келии раздался тот дерзновенный призыв, который вдохнул мужество в войска Дмитрия Донского: «иди смело на безбожников и победишь». Позднее, в дни смутного времени кто были носители русского народного самосознания и народной жизни? Гермоген, Кузьма Минин, князь Пожарский, и обчелся. В такие времена все то, что еще заслуживает название «народа», сводится к немногим героическим личностям и к их окружению.

Все то, что остается вне этого героического круга, — не народ, а сброд. Но героический круг имеет способность беспредельно расширяться, он таит в себе ту силу воодушевления, которая в конце концов заражает массы. Бескорыстное воодушевление создает первоначальное, основное ядро возрождающейся жизни народа. Потом, когда подвигом самоотвержения и веры ядро это становится силой, к нему примыкают и материальные интересы... Искатели выгод всегда идут за силой, но первоначальный источник силы народной — не выгода, а подвиг веры, дерзновение и самоотвержение.

В дни упадка народного всякий думает о себе, все ищут только собственного спасения и эгоистической выгоды, все забывают о целом и малодушествуют. В такие времена народы спасаются не хитроумными политическими комбинациями, не холодным расчетом государ-

ственной мудрости, а единственно самоотвержением тех немногих, которые отдают себя в жертву за свой народ. Оно и понятно: началом разложения общественного всегда и везде служит корысть, — забвение народного целого ради выгод личных и классовых. Есть только одна сила в мире, которая может победить это настроение: это жертва, высший подвиг бескорыстия. Спасение народа всецело зависит от того, найдутся ли в его среде люди, способные ее принести.

Слава Богу, в современной нам России такие люди нашлись. За все время моих странствований по России у меня была в особенности одна точка опоры, которая спасала меня от отчаяния. В минуты тяжких сомнений и уныния мне вспоминался заточенный в Москве патриарх Тихон, и мысль о нем давала душе какое-то неизъяснимое успокоение и легкость духа: достоверность спасения России — вот что чувствовалось мне в эти минуты. Чувство это являлось само собою, интуитивно, мгновенно, упреждая мысли. Потом я размышлял, стараясь понять, в чем дело. Мне вспоминались слова святителя, когда его предупреждали об опасности, грозившей его жизни: «умереть, ну, так что же такое, я на это готов хоть сейчас; вот если мучить начнут, это неприятно, но и на это придется пойти», и мысль о смерти ни на минуту не нарушала его настроения, всегда светлого и радостного. Из частных бесед с патриархом я неизменно выносил впечатление, что он обрек себя в жертву за Россию. Притом он был неизменно светел и спокоен и всем обликом своим напоминал слова апостола: всегда радуйтесь (I Фесс. 5:16).

В этих двух чертах — готовности отдать себя в жертву и светлой радости, с какой это делалось, была полная внутренняя победа над большевизмом: победа не индивидуальная, не личная только, а общая, народная, ибо патриарх — яркий выразитель могучего русского религиозного движения — «плоть от плоти и кость от кости» собора, его избравшего. Эта решимость положить душу за православный народ есть высшее выражение духовной жизни всей русской церкви, ее молитв и ее настроения. Патриарх не один несет на себе тяжкий крест за Россию. Есть много других известных и неизвестных подвижников, уже принявших за нее венец мученический. И в этом достоверность спасения православной России. Все попытки большевиков пошатнуть русскую церковь, разорвать ее духовное единство привели только к ее возрождению и укреплению.

Этим, однако, разрешаются далеко не все мучительные вопросы и сомнения. Спасение церкви и государства не одно и то же. Духовное спасение народа может повлечь за собою возрождение его государственности, но оно может совершиться и через полное крушение мирского порядка. Который из этих двух путей сужден России? Есть ли у нас основание надеяться на спасение русского государства?

Для этого недостаточно одного возрождения церкви: нужно кроме того еще и веяние духа жизни в мирской сфере. В былые времена, в дни великих бурь и потрясений разрушенное мирское строение России восстанавливалось подвигом монаха и воина. Так было в дни Куликовской битвы, так же было и в дни первой великой Смуты.

Есть в современной России продолжатели святого Сергия и патриарха Гермогена. Найдутся ли в ней преемники Дмитрия Донского и Минина?

Ответ дается за нас событиями. Завоеван Северный Кавказ, освобождено Войско Донское. В минуту, когда я пишу эти строки, большевики на юге разбиты наголову; Добровольческая армия подступает к Царицыну и его взятие — вопрос немногих дней. Как и почему это совершилось? Не политические расчеты, а духовный подъем сподвижников и продолжателей Корнилова, Маркова и Алексеева совершил это великое дело. Год тому назад среди нашего российского Содома нашлось три тысячи праведников, которые решили положить душу за Россию и предприняли безумный, казалось, поход против десятков тысяч большевиков. И вот вокруг этого небольшого ядра героев собрались теперь силы, которых оказалось достаточно, чтобы разгромить одну за другой ряд могущественных большевицких армий.

Совершилось то, что казалось невозможным. Помнится, год слишком тому назад, когда до Москвы донеслась весть об уходе из Ростова на Кубань трех тысяч добровольцев, их дело считалось безнадежно проигранным; они казались обреченными на неизбежную гибель, но случилось беспримерное, неслыханное в истории. У них не было оружия, им приходилось сражаться против прекрасно вооруженного врага. И вот они почти голыми руками отняли у него оружие, артиллерию, снаряды, броневики, бронированные поезда, вооружились сами и вооружили многие другие тысячи, которые за ними последовали, когда им улыбнулось военное счастье; это

была победа духа над материей, одна из самых чудесных побед, какие когда-либо были одержаны.

В этой борьбе обнаружилось, до какой степени невозможно построить общество на зыбкой почве экономических интересов. Большевицкий коммунизм, несомненно, находится в полном противоречии с экономическими интересами казаков кубанских и донских. Большевики могли только уменьшить, а отнюдь не увеличить их богатые земельные наделы. И однако те и другие прошли через большевизм. Часть донских казаков все время вела по отношению к нему двойственную политику: они то восставали против большевиков, то снова переходили на их сторону, изменяя своим.

Это вполне понятно: человек, который руководствуется в своих действиях одними интересами, всегда может быть чем-нибудь куплен, а потому ненадежен для общего дела. Во-первых, людям свойственны ошибки в расчете, в особенности темные массы не всегда ясно понимают, где их интересы. В частности казаки, прельщенные посулами демагогов, не сразу поняли, что большевики будут за их счет наделять иногороднее население, и рассчитывали с их помощью обделать свои дела. Во-вторых, как бы человек ни дорожил своими экономическими интересами, жизнь все-таки ему дороже. Этим объясняется тот факт, что в дни междоусобных войн люди нередко становятся на сторону сильнейшего, хотя бы его торжество и противоречило их экономическим выгодам: корысть в данном случае побеждается страхом. Всем понятно поведение казаков в дни Смутного времени. Их симпатии менялись в зависимости от перемен военного счастья:

они решительно стали на сторону Минина и Пожарского лишь в тот день, когда им стало ясно, что победа склоняется в пользу нижегородского ополчения. То же мы видим и теперь. Ведь были же люди среди донцов, которые становились то на сторону Добровольческой армии, то на сторону большевиков, в зависимости от того, как в каждую данную минуту они учитывали свою выгоду и силу обоих противников.

Всякая сила, раз она существует, привлекает на свою сторону великое множество интересов, но в социальных отношениях интерес никогда не бывает первоисточником общественной силы. Таким первоисточником являются всегда бескорыстные побуждения. Чтобы национальное единство было крепким, необходимо, чтобы было ядро людей, готовых жертвовать всем для родины и не задающихся вопросом, выгодно или невыгодно быть патриотом. К счастью для России, вокруг Алексева, Корнилова и Маркова собралось такое ядро; и когда оно стало силою, оно привлекло на свою сторону всех заинтересованных в низвержении большевицкого ига, в особенности мелких собственников, казаков, крестьян, пострадавших под большевицким владычеством и насильственно-мобилизованных красноармейцев. В дни побед Добровольческой армии на Северном Кавказе и позднее — в царицынском направлении, наблюдалось поучительное явление, ярко освещающее роль интереса в междоусобных войнах. В обоих случаях в начале военных действий численный перевес был на стороне большевиков. Но под влиянием первых успехов добровольцев к ним перебежали массами красноармейцы и

тотчас становились в строй. В обоих случаях преследующая армия увеличивалась за счет побежденного на десятки тысяч. Этим наглядно объясняется тот факт, что три тысячи добровольцев могли разрастись в могущественную армию. Я не отрицаю огромного значения экономического интереса в междоусобных войнах, но в последней, высшей инстанции миром правят не интересы, а идеи.

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ

К сожалению, мне не пришлось наблюдать Добровольческую армию в первый героический период ее существования, т.е. в те дни, когда она была только небольшим отрядом и совершала наиболее трудный свой подвиг. Я познакомился с ней в то время, когда она уже разрослась в настоящую армию — зимою 1918—1919 годов. Разрастаясь, она утратила свою первоначальную цельность. Она была уже не горстью героев, а сравнительно многочисленным, а потому и смешанным телом. В нее вступали уже не только по призванию, но и ради того, чтобы получить хоть скудные средства к существованию. В сущности, она уже перестала быть «добровольческой» армией потому, что она комплектовалась не путем вербовки, а посредством набора.

Словом, из начинания героического она превращалась в большую государственную организацию. Этот переход совершался далеко не во всем удачно. Она должна была так или иначе вступить в компромисс с разнообразными общественными интересами, которые она пыталась привлечь на свою сторону. В ее состав вошли всевозмож-

ные общественные элементы, а потому в ней так или иначе отразились всякие недостатки и даже пороки современной русской действительности второго смутного времени. Неудивительно, что в общем она производила пестрое впечатление, в одних отношениях хорошее, а в других среднее, в третьих — плохое.

Когда вместо вербовки добровольцев или же параллельно с вербовкою она стала прибегать к набору, оказалась масса уклоняющихся от воинской повинности. Благодаря расстройству государственного аппарата уклоняться было сравнительно легко. А из попавших на военную службу далеко не все попадали на фронт. С этой целью многие околачивались около штабов; в тылу армии избретались всякие фиктивные должности с целью избавить офицеров от службы на фронте. В Киеве, напр., при двух тысячах воюющих против Петлюры насчитывалось свыше двух десятков организаций, занимавшихся вербовкою, и в каждой организации работали офицеры. К удивлению моему, по приезде в Екатеринодар я узнал, что «околачивающиеся около штабов» существуют и там.

Но это был еще наименьший из всех недостатков. Как сказано, меня поражала та ненависть, которая окружала Добровольческую армию во всех местах, где приходилось ее наблюдать: в Киеве, в Одессе, в Крыму, в Новороссийске, в Екатеринодаре. Не скажу, чтобы ненависть была всеобщей: у Добровольческой армии были пламенные сторонники, но в общем она была непопулярной. И значительная часть вины падает на Добровольческую армию. Нечего удивляться тому, что ее ненавидели ле-

выс, которые считали ее организацией «контрреволюционной». У нее было много недоброжелателей из буржуазных и в особенности зажиточных слоев населения. Тут уже приходится, что называется, делить «грех пополам».

Конечно, в упреках которые делались этими людьми добровольцам, была черная неблагодарность, было забвение подлинных великих заслуг. В общем всегда тяжело слушать ожесточенные нападки людей, ничего не делающих для России, против тех, которые за нее умирают и действительно спасают ее своим подвигом. Но еще тяжелее было убеждаться, что многие из этих упреков обоснованы.

В Одессе мне много приходилось слышать про дикий разгул добровольцев, про их картеж, кутежи да пьяные оргии. Их начальник генерал Гришин-Алмазов признавал во многом справедливость этих упреков и заявлял, что для подавления бесчинств требуются энергические и строгие меры вплоть до расстрелов. Собственно, эти бесчинства в военное время всегда составляли и составляют темную сторону военной жизни в тылу армии. Героизм проявляется на фронте. А в тылу находятся частью укрывающиеся, частью отдыхающие от военных трудов и опасностей. Эти последние вознаграждают себя разгулом в тылу за перенесенные на фронте лишения. Опять-таки мы имеем здесь явление, сопровождающее решительно все войны: едва ли можно судить за это слишком строго.

К сожалению, с этим разгулом сочетается иногда и отталкивающий оттенок высокомерия по отношению ко всем добровольцам. Помню сценку на пароходе, шед-

шем из Новороссийска в Одессу. Ввиду переполнения парохода приходилось обедать и ужинать в две очереди. И вот на моих глазах группа офицеров, не попавшая в первую очередь к ужину и уже подгулявшая, шумела и волновалась. «К чорту штатских, — кричал один из них, — вышвырнуть их всех вон и посадить на их место офицеров». К счастью, на этот раз предложение буяна сочувствия не встретило, но с разных сторон приходилось слышать, что иногда кончается менее благополучно: «ведут себя как большевики, прогоняют пассажиров из вагонов, с плацкартных диванов и садятся на их места». Проверить правдивость этого утверждения я не мог. Но, по-видимому, нет дыма без огня.

Уж больно часто приходилось слышать, что добровольцы «ведут себя, как большевики, словно весь мир только для них и существует»... Были у меня и другие наблюдения по части разгула. На том же пароходе от Новороссийска до Одессы шла в течение почти трех суток азартная карточная игра; она продолжалась целую ночь уже по прибытии в Одессу. Один из трех офицеров-добровольцев, ехавших со мною в моей каюте, принимал в ней весьма оживленное участие. В последнюю ночь он совсем не ложился и вернулся к нам в каюту лишь в восемь часов утра. Притворно весело посвистывая и видимо храбрясь, он рассказал нам, что ему не повезло в эту ночь: «продулся, спустил полторы тысячи». Я был испуган этой развязностью, так как знал, что в это время офицеры получали ничтожное вознаграждение: 250—300 рублей, т.е. гроши при тогдашних ценах. «Как бы он не застрелился», — выразил я мое смущение, когда он

вышел. Но прочие попутчики-офицеры только рассмеялись: «как, чтобы этот застрелился, да у него за пазухой по меньшей мере полтора десятка тысяч рублей. Ведь он прямо с фронта. Бои, как знаете, были успешные, а он командовал самостоятельной частью; сколько же он с мертвых большевиков-то набрал».

Этот небольшой разговор вдруг разом осветил мне всю оборотную сторону медали. Ничтожные, нищенские оклады при естественной склонности молодых офицеров к разгулу. Как не понять весь ужас тех искушений, которые создаются на этой почве. Тут есть величайшая опибка командования Добровольческой армии. Как раз перед описанной сценкой на пароходе мне и другому депутату Совета Государственного Объединения, С.И. Маслову, пришлось докладывать генералу Деникину о необходимости повышения окладов офицерам. Мы указывали на случаи в Одессе, когда среди налетчиков попадались офицеры-добровольцы. Но Деникин в этом случае проявил непонятное упорство, обнаружившее неумение перейти от героического масштаба к государственному. В дни героического периода Добровольческая армия располагала грошами. И Деникин, редкой честности человек, был помешан на бережливости. Впоследствии, когда деньги стали печататься в Ростове, он все еще совершенно не считался с теми средствами, какие давал ему печатный станок. «Да откуда же я возьму средств для такого колоссального бюджета», — волновался он. В виде компромисса он соглашался на некоторые прибавки на дороговизну — различные для различных мест, но по тону беседы было не трудно предвидеть

(что и случилось в действительности), что прибавки будут недостаточны и заставят себя долго ждать. «Нет, извините, — сказал он в заключение, — денег с них довольно, что мне их баловать. Вот с мертвых большевиков брать — это ихнее законное право, пускай себе берут». И Деникин вдруг как-то странно улыбнулся.

Я даже не сразу понял, до того я был далек в то время от предположений, которые оказались действительностью. Помнится, обирание неприятельских трупов на войне в былое время, всегда считалось мародерством и строго преследовалось. Но война гражданская научила другому. В дни героического своего периода Добровольческая армия и в самом деле не имела других средств существования, кроме военной добычи. Она все получала от большевиков — и оружие, и припасы, и деньги, даже одежду. Обирание трупов, до раздевания включительно, было необходимостью и поневоле вошло в норму, так как иначе добровольцы остались бы не только без хлеба, но и без сапог, и без платья. Но, к сожалению, этот естественный для героического периода Добровольческой армии обычай перешел в ее государственный период. Тут неумение добровольческого командования приспособиться к новым условиям сказалось в полной силе. В те дни, когда Добровольческая армия располагала печатным станком, фабриковавшим донские деньги, обычай этот мог и должен был бы быть выведен, конечно, при непременном условии повышения окладов. Правда, печатный станок не поспевал за разраставшимися потребностями. Ощущался хронический недостаток в денежных знаках. Но почему же добровольческое командование и его правительственный орган — «особое совещание» не поза-

ботились о приобретении новых станков? Ведь помимо всего прочего, печатание кредиток в возможно большом числе было мощным оружием в борьбе против большевиков, которые этим путем добывали свои главные и основные денежные средства. Тут была какая-то непонятная косность, непростительная в особенности потому, что она служила источником деморализации. Обирание трупов большевиков приобрело характер своеобразного спорта. Мне приходилось слышать от добровольцев, что дни, непосредственно следующие за сроком получения жалованья красноармейцами, были любимыми днями атак Добровольческой армии. Война становилась чем-то вроде охоты за пушным зверем (строки эти были уже написаны, когда я услышал интересную беседу в вагоне. Генерал горячился и доказывал невозможность аннулировать платежную силу керенок. «Помилуйте, — говорил он, — ведь этак мы уничтожим всю лихость атак, сколько живут надеждой снять керенки с трупа»).

Было на этой войне и худшее, чем обирание трупов. В Одессе и в Крыму мне приходилось слышать частые жалобы на грабежи, в которых принимали участие не только казаки, но и целые добровольческие части. В Одессе хлебобобы именно этим объясняли свое недоверие и недовольство Добровольческой армией: в их среде говорили о форменном разграблении целой помещицкой усадьбы добровольцами. Из Крыма доносились такие же вести. К сожалению, они подтверждались рассказами многих офицеров-добровольцев. Вот что мне пришлось слышать от них по этому поводу.

Независимо от того, что до весны 1919 года оклады добровольцам выдавались нищенские (крупное увеличение

последовало лишь в апреле 1919 года), выдача во многих частях запаздывала так, что приходилось сидеть по три-четыре месяца без гроша. При этом интендантство не было налажено и казенный стол периодически отсутствовал: без денег сидели не только отдельные офицеры, но и целые части, так что покупать съестные припасы было не на что. «Не умирать же нам с голоду, — говорили офицеры, — вот мы и посылаем солдат реквизиуть в соседнем складе свинью либо барана; платить было нечем, а выдавать реквизиционные квитанции было нельзя, так как реквизировать официально можно было только через особые реквизиционные комиссии. Где ее искать эту комиссию, когда она далеко, а есть нечего». Трудно себе представить, до чего может довести «необходимость» в дни междоусобной войны и всеобщего стихийного беспорядка. К тому же и соблазн велик. «Реквизицией» свиньи или барана во время голодовок довольствовались лишь сравнительно скромные. По словам офицеров-добровольцев, были целые части, очень доблестные и отважные в бою, но усвоившие себе форменные грабительские приемы. Они «реквизировали» все, что попало, белье, обувь, драгоценности и даже деньги.

«Совершенные большевики», — говорили о добровольцах их обвинители. А это было несправедливо по отношению к Добровольческой армии в ее целом, но по отношению к отдельным лицам и частям в этой характеристике была большая доля правды. Неудивительно, что в Добровольческой армии сложился двойственный тип героя и в то же время грабителя, сильно напоминающего

Средневековье. Средневековый воин совмещал в себе те же качества разбойника и рыцаря. Такие типы неизбежно зарождаются и развиваются на почве хронического междоусобия. В истории Добровольческой армии они сыграли видную роль. Судя по доходящим со всех сторон добровольческим рассказам, таков, по-видимому, и знаменитый генерал Х., одно имя которого наводит панический ужас на большевиков. С одной стороны, благодаря совершенно исключительной отваге и лихости он стал легендарным героем, а с другой стороны, добровольцы говорят о нем, что он «возами вывозил с фронта награбленное имущество», что он даже увлекает подчиненные ему войска на подвиги разрешением грабить, не делая строгого различия между врагами и мирным населением. «Совершенно нельзя себе представить Х-ва в условиях мирного времени, — говорили мне, — в мирное время это будет уголовный тип, он, несомненно, кончит судом и каторгой, но для войны с большевиками ему цены нет».

Есть и другая опять-таки средневековая черта, которая на почве междоусобия заражает не только большевиков, но и добровольцев, — это жестокость. В этом отношении война междоусобная много превосходила всякие другие войны. Большевики не берут в плен офицеров, а добровольцы стали брать в плен сравнительно недавно, когда выяснилось, что этим способом можно побудить к сдаче массу насильственно мобилизованных. «Коммунисты», взятые в плен, «сейчас расстреливаются». С обеих сторон есть специалисты и любители этого дела. Мне называли имена двух выдающихся в этом отношении типов — девицы-большевички и офицера-добровольца.

Большевичка медленно расстреливала офицеров из монте-кристо, пулька за пулькой, а офицер-доброволец, расстреливавший сотни, иногда до расстрела пил чай со своей жертвой. В основе этого спорта — жажда мести: несчастный мстил большевикам, которые на его глазах надругались над его невестой.

Такие типы, разумеется, составляют исключение, но в общем какие опустошения производит междоусобная война в человеческой душе! Сколько молодых людей, выбитых из колеи, бросивших учение, утративших всякую способность к каким-либо мирным занятиям; их привлекала со школьной скамьи на службу жажда подвигов. Многие из них и в самом деле горят священным огнем и готовы отдать душу за Россию. Но возвращение к условиям мирной жизни и в особенности к учению рисуется им в виде тяжелого кошмара: мало того, оно для них просто невозможно!

Указанные недостатки и пороки объясняют ряд отрицательных суждений о Добровольческой армии и ряд разочарований в ее собственной среде. От чистых и горевших священным огнем молодых офицеров мне приходилось слышать, что Добровольческая армия недостойна и неспособна победить. Люди, наблюдавшие ее со стороны, приходили в ужас от «деморализации» и «разложения»; они говорили, что заслуги ее все в прошлом, что она пережила себя. А между тем события блистательно опровергли все эти толки. Как и почему это случилось?

Мне кажется, что в Добровольческой армии надо различать ее середину, которая, по существу, здорова, и ее периферию, где имеются всякие болезненные наросты.

Помнится, Деникин как-то раз выразился при мне о своих войсках — «у меня дисциплина, хоть и не такая, какая была в доброе старое время, но все-таки дисциплина: умирать не отказываются». Я не сразу понял, чем же дисциплина другая, чем в прежней армии, но офицер-доброволец ответил на мое недоумение: «не такая, потому что грабят, а сражаются великолепно».

Надо понять, что это контрасты, которые совмещаются в человеческой душе: не только умирают, не только жертвуют собою, но пламенеют, бескорыстно любят Россию, а в то же время дают волю рукам и даже аппетитам. В их воодушевлении тайна их побед над большевистской армией, где только страх, корысть, да аппетиты, но нет любви, нет самого главного — души. И, думая о Добровольческой армии, невольно вспоминается изречение: прощаются тебе грехи твои многие за то, что ты возлюбила многое. Кто из двух лучше. Те ли неповинные в грабежах, но душою холодные и черствые люди, которые строго судят Добровольческую армию, а сами и пальцем не пошевелинут, чтобы помочь России, или те, которые за нее совершают сверхчеловеческие подвиги и умирают, но рядом с возвышенным и светлым порывом переживают и минуты тяжкого падения. С точки зрения человеческой, об этом можно судить различно, но Божий суд всегда предпочитает того, кто горяч, тому, кто только тепел. Вспомним слова Апокалипсиса об ангеле Лаодикийской церкви: знаю дела твои, ты не холоден, не горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но поелику ты тепел, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст моих (Апок. III. 15, 16).

Спасают Россию во всяком случае те, которые за нее подвизаются, а не те, которые их осуждают. Не мертвые делают историю, а живые — те, в коих чувствуется бие-ние национального пульса, а живая душа человека никогда не слагается из одних добродетелей.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АТМОСФЕРА И ПОЛИТИКА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Чтобы понять Добровольческую армию, ее успехи, недостатки и ее судьбу, — надо приглядеться к окружающей ее социальной и политической атмосфере. Мне пришлось наблюдать эту атмосферу дважды — в январе и в марте 1919 года. Оба раза я был командирован в Екатеринодар Советом Государственного Объединения, причем в первый раз пробыл там всего несколько дней, а во второй раз провел больше месяца, так как вследствие эвакуации Одессы французами, вернуться туда мне уже не пришлось.

Было много ненормального и болезненного в том, что приходилось наблюдать в Екатеринодаре; но по сравнению с Одессою там царила атмосфера относительного здоровья. Две черты местной жизни в особенности бросались в глаза приехавшему из Одессы, — изобилие съестных припасов на рынке и более правые политические настроения. Как ни парадоксальным это может показаться с первого взгляда, оба эти явления тесно между собою связаны.

За все время моего странствования по югу России я наблюдал такое изобилие только в двух местах — в Екатеринодаре и в Ставрополе. Мне приходилось есть там

и поросенка, и гуся, и индейку; словом, такие блюда, которые во всех прочих местах составляли давно забытую роскошь. На каждом шагу в Екатеринодаре — съестная лавка, либо гастрономический магазин, на рынке беспредельное количество рыбы и горы чудного хлеба такой белизны, которая напоминает былые дореволюционные времена. Изобилию соответствуют и цены. Булка белого хлеба, стоящая в Одессе семь рублей, в Екатеринодаре продавалась в январе за рубль двадцать копеек. Самый дешевый обед, какой я ел в Одессе, стоил тринадцать рублей, — за обед такого же качества я платил в Екатеринодаре пять рублей. А за двенадцать рублей можно получить там то, что в Одессе стоит двадцать и более.

Надо отдать себе ясный отчет в социальном значении этого изобилия. В Екатеринодаре, в отличие от Одессы, царит атмосфера мелкой буржуазной культуры. И гусятина, и поросятина, и дивный белый хлеб, — все это продукты мелко-крестьянского казачьего хозяйства, которое заваливает рынок своими избытками. Это богатое крестьянство — природный враг большевизма, от которого оно может ждать только ограбления. Неудивительно, что увлечение большевиками среди кубанских казаков было более, чем где-либо, кратковременным: оно было основано на недоразумении: поняв свою ошибку, казаки возненавидели большевиков и стали прекрасно против них сражаться. Есть на Кубани у большевиков друзья — это пришлое иногороднее население, которое мечтает о наделении землею и о всяких выгодах за счет казаков. Это соперничество двух групп местного населения усиливает отвращение казаков к большевикам и к большевизму.

Тот факт, что в подобных же условиях находится и казачество терское, в высокой степени способствовал успехам Добровольческой армии на Северном Кавказе. Насильственно мобилизованные большевиками терские казаки легко переходили на сторону добровольцев и дрались с ожесточением за освобождение своей области. Этим объясняется огромное разрастание Добровольческой армии во время преследования красноармейцев после побед на Северном Кавказе, о чем я уже имел случай говорить. Союз Добровольческой армии с казачеством представляет собою вообще естественный симбиоз между идеей и интересом.

Идейного воодушевления у казаков чрезвычайно мало; они думают преимущественно о своих выгодах — поэтому у них местный интерес преобладает над общим: отсюда их ненадежность для общего дела. Они охотно сражаются за свои домашние очаги, но много менее охотно выходят за пределы своей области — проливать кровь за единую Россию. В конце концов добровольцам удалось увлечь казачество на Царицын, главным образом потому, что горький опыт убедил казаков в опасности, угрожающей их областям от соседства с непобежденными большевиками. Другим стимулом была, конечно, перспектива грабежа, открывшаяся благодаря победам.

Тут мы имеем, по-видимому, черту общую всем казакам, — кубанским, донским и терским. Понятно, насколько этим подчеркивается заслуга Добровольческой армии перед Россией. Построить единую Россию на зыбкой почве казачьих и вообще местных интересов было бы совершенно невозможно. Ведя борьбу против боль-

шевиков, добровольцы должны были в то же время преодолевать местные сепаратические течения среди собственных своих союзников. Легко себе представить ту силу воодушевления и ту степень стойкости, которая потребовалась, чтобы справиться с этой невероятно трудной задачей. Ведь измена донских казаков не раз ставила Добровольческую армию на край гибели. А в то же время узко понятый местный патриотизм автономных казачьих управлений втыкал ей палки в колеса, где только мог. Нужно было немало трудов и усилий, чтобы вырвать у богатых кубанцев необходимое для Добровольческой армии продовольствие: кубанцы вообще крайне неохотно выпускают какие-либо съестные припасы из своих пределов; шкурно-желудочными интересами определяется вся деятельность кубанской рады. А между тем для победы над большевиками подвоз хлеба в завоеванные местности не менее важен, чем военные успехи!

На почве борьбы с сепаратизмом между добровольцами и казаками происходят беспрерывные столкновения, но борьба между общими всероссийскими политическими партиями — тут ни при чем. Собственно левые настроения в казачестве не имеют глубоких корней. Социальные инстинкты у казаков, по существу, буржуазные. Левые в собственном смысле, социалисты, как таковые — в Кубанской области есть, как и везде, но они лишены реального значения.

Отсюда яркий контраст в политической атмосфере между Екатеринодаром и Одессой. В Одессе — стране, обреченной большевизму, вся политическая и общественная жизнь неудержимо сама скатывалась влево

словно по наклонной плоскости. Влево толкал страх накапливающегося революционного настроения, готового перейти в открытое революционное движение. Радикалы всех видов и типов повторяли всегдашнюю ошибку революционных времен: они хотели задобрить массы уступками; многие сторонники Добровольческой армии надеялись посулами да уступками создать более благоприятное настроение в ее пользу, а между тем уступчивость только усиливала настроения большевистские. В том же направлении, как мы видели, подталкивали и французы. Неудивительно, что при этих условиях самые умеренные даже люди стихийно левели. Изю дня в день я наблюдал это полевение в наиболее консервативных элементах Совета Государственного Объединения. Тут действовал гипноз местной социальной среды.

Наоборот, в Екатеринодаре замечалась столь же естественная тенденция к поправению. Генерал А.М. Драгомиров в беседе со мною и С.Н. Масловым в январе жаловался на «кадетское засилье» в Екатеринодаре, «но знаете ли», продолжал он, «они неудержимо правеют: во многих отношениях даже мы левее их». То же впечатление я испытал непосредственно при встрече с этими самыми кадегами в Екатеринодаре. В Одессе меня поражал тот факт, что даже такие сравнительно правые люди, как А.С. Хрипунов, в общем тип октябриста, и националист граф В.А. Бобринский отступили от начала диктатуры в чистом виде и шли на компромисс с директорией. А в то же время в Екатеринодаре такие определенные кадеты, как В.А. Степанов, решительно заявляли, что впредь до окончания междоусобной войны — единственной носи-

тельницей государственного верховенства должна быть диктаторская власть командующего армией. Левый кадет Н.И. Астров, человек всегда стоявший неизмеримо левее меня, при встрече со мной выражал изумление — «Дайте посмотреть на вас, Евгений Николаевич! Как! Вы там в Одессе ведете переговоры с левыми, а мы-то здесь с ними даже не встречаемся». Астров, видимо, был смущен: он смотрел на меня с чувством зависти и не без угрызения совести. Ему было как будто неловко от своего поправения, и, глядя на меня, он спрашивал себя, не следует ли и им здесь начать разговоры с левыми, чтобы не оказаться «отсталыми». Но для этих разговоров в Екатеринодаре не представлялось ни случая, ни повода, ни в особенности надобности. Там не было французов, да и гипноз общественной среды оказывал диаметрально противоположное влияние. Я поспешил заверить Астрова в том, что их положение представляется завидным по сравнению с нашим, и высказать убеждение в чисто временном демократическом значении наших переговоров с левыми.

В январе 1919 года была и другая причина, способствовавшая этому общему поправению в юго-восточной России. Это известия из Сибири от Колчака, которые доставлялись приезжавшими оттуда офицерами. Прежде всего эти посланные выяснили причины крушения директории и переворота, выдвинувшего адмирала Колчака. Из их рассказов всем стало ясным, что директория оказывала на армию разлагающее влияние, так как она допускала пропаганду Чернова и К° против офицеров среди солдат. Покончить с директорией оказалось не-

обходимым, чтобы сохранить дисциплину и боеспособность армии. Выяснилось, что Колчаку удалось сформировать мощную и хорошо дисциплинированную армию не только без всякого содействия со стороны социалистических элементов, но вопреки их противодействию. Как это могло ему удалиться?

Объясняется это в общем так же, как и зимние успехи добровольцев на Северном Кавказе. Армия Колчака формировалась в благоприятной для этого дела общественной среде. Ее главный контингент — сибирское крестьянство, богато наделенное землею и никогда не выдавшее хозяйств помещичьих. Благодаря почти полному отсутствию крупного землевладения в Сибири, там нет и того социального антагонизма, который в Европейской России служил главнейшей опорой для большевистской пропаганды. Большевикам нечем прельстить сибирское крестьянство: по своим социальным инстинктам оно не менее, а может быть, и более консервативно, чем казачество. Поэтому нечего удивляться, что все дело Колчака совершалось в атмосфере правого, а не левого гипноза. По-видимому, этот гипноз подействовал и на тех социалистов, которые сочли возможным остаться в составе его правительства после провозглашения его диктатуры. Об этих социалистах офицеры, приехавшие из Сибири, говорили, что они «ручные, домашние», совершенно непохожие на тех, что у нас называются социалистами. И действительно, наши приручению не поддавались. Примирить их с диктатурой оказалось, безусловно, невозможным!

В итоге уже первая поездка в Екатеринодар оказалась для меня настоящим откровением. До тех пор в Киеве и в Одессе я наблюдал почти исключительно явления общественного разложения и смерти. Все, что я видел, оказалось роковым образом обреченным большевизму. И вдруг в Екатеринодаре мне бросилось в глаза диаметрально противоположное, и я ясно увидал, откуда придет спасение для России.

Оказалось, что незанятая большевиками Россия разделена на две части каким-то своеобразным политическим меридианом, проходящим где-то посреди области Войска Донского. К западу от этого меридиана все заражено революционной атмосферой, все неудержимо левеет, все скатывается к большевизму, словно по наклонной плоскости. Наоборот — к востоку противоположная наклонная плоскость: — там все прогрессивно правее, а вместе с тем и здоровее. Противоположности общественной среды соответствует и противоположная картина военных действий. К западу от меридиана ошеломляющие успехи большевиков, которые почти без сопротивления завладели Украиной и навели панический ужас на французов в Одессе. А к востоку — столь же ошеломляющие успехи Добровольческой армии — зимний разгром большевиков на Северном Кавказе, а потом весенний их разгром на Дону и движение к Царицыну! По-видимому, политический меридиан, о котором я говорю, делит на две части не только Россию, но весь мир. К западу от него все народы Европы, истерзанные, измученные войною и так или иначе революционизированные ею. В частности, французские и одесские левые настроения, несомненно,

составляют одно целое. Союзники наши увлекают нас на наклонную плоскость, ведущую к крайней левой, потому что они сами, несомненно, катятся туда же. Отсюда — взаимное непонимание французов и Добровольческой армии, которое мне приходилось наблюдать в течение целой зимы.

Непонимание это было, несомненно, одной из причин одесской катастрофы, независимо от того, что французы были до последней степени раздражены против Добровольческой армии, они ее, несомненно, недооценили и в той же мере переоценили большевиков. Не отдавая себе отчета в различии социальной атмосферы на востоке и на западе России, они были убеждены в том, что большевизму так или иначе обречена вся Россия. В дни зимних наших неудач на Дону генерал д'Ансельм и полковник Фреденберг говорили, что занятие Новочеркасска и Ростова большевиками — вопрос каких-нибудь трех-четырех дней. Едва ли они ушли бы из Одессы так поспешно и в особенности едва ли их уход сопровождался бы теми тяжкими оскорблениями Добровольческой армии, о которых будет рассказано в дальнейшем, если бы они не были убеждены в неизбежности и близости ее окончательной гибели. Поразительно, до какой степени действительность обманула их предвидения.

Наиболее блестящие успехи добровольцев развернулись вскоре после ухода французов, т.е. именно в тот момент, когда последние ждали их конца.

Взаимные отношения Добровольческой армии и французов вообще — одна из самых поучительных и интересных страниц истории нашего второго смутного времени.

Они в высшей степени типичны для обоих противоположных полюсов по обе стороны политического меридиана.

Характерно, что в то самое время, когда добровольческие генералы в Екатеринодаре подчинялись «кадетскому» засилию, эти самые генералы слыли в Одессе за величайших реакционеров. Oh, ces volontaires, ils n'ont rien appris et rien oublié (Ах уж эти добровольцы: они ничему не научились и ничего не забыли!) — волновался генерал д'Ансельм; со своей стороны, левые и левеющие русские поддерживали французское командование в этом убеждении.

На самом деле политика Деникина и его сотрудников в Одессе была не реакционной, а просто неумелой. Они обнаружили, с одной стороны, полное незнание и непонимание запутанных местных отношений, а с другой стороны — неспособность отрешиться от старинных способов управления, совершенно неприспособленных к новым условиям жизни.

С самого начала французской оккупации Одесса рассматривалась и французами, и русскими сторонниками единой России как город русский, а не украинский. Поэтому право Добровольческой армии так или иначе участвовать в управлении Одессой и Одесским районом признавалось всеми, кроме украинцев и большевиков. Командующий местными добровольческими войсками генерал был в то же время и главою гражданского управления. Когда я приехал в Одессу, в этой должности состоял молодой генерал-майор А.Н. Гришин-Алмазов. С другой стороны, в военное время все управление, как

гражданское, так и военное, неизбежно подчиняется высшей военной власти данной местности, а таковою было в данное время, несомненно, французское командование. Отношения при этих условиях не могли не быть чрезвычайно трудными: с одной стороны, было необходимо сохранить в Одессе верховенство Добровольческой армии; с другой стороны — ее местный представитель в Одессе должен был так или иначе подчиняться требованиям французского военного командования. В этих сложных взаимных отношениях с самого начала таилась возможность конфликта между двумя верховенствами.

Отношения обострились, в особенности благодаря тому, что генерал Деникин упорно держался старых способов управления, т.е. стремился всем управлять из Екатеринодара, как в былые времена вся Россия управлялась из Петербурга, и не решался давать своему же собственному представителю на месте достаточных полномочий. Благодаря этому, конфликт стал неизбежным.

Уже в декабре 1918 года отношения стали невозможными и Совету Государственного Объединения стало очевидным, что назревает конфликт в самой острой форме. Генерал Деникин оставил за собою главнейшие функции гражданского управления в Одессе и ее районе. Его представитель в Одессе был стеснен в возможности производить экстренные расходы и для каждого скольконибудь значительного экстренного расхода должен был испрашивать разрешения из Екатеринодара. То же разрешение требовалось для ввоза в Одессу и для вывоза из нее каких бы то ни было продуктов и для передвижения каких бы то ни было морских судов из одесской гавани.

Чтобы понять то тяжелое положение, в какое ставились этими требованиями местные власти и французское командование, надо принять во внимание необычайные трудности сношений между Одессой и Екатеринодаром. Телеграфные сношения по прямому проводу были редки и неправильны, вследствие постоянно повторяющейся порчи провода. Радиотелеграфные сношения были почти невозможны, так как радиотелеграф воспроизводил всю сложную путаницу радиотелеграмм со всего света, в которой трудно было отличить своих от чужих. Корреспонденция поддерживалась исключительно пароходными сношениями. Но ввиду хронического недостатка угля и ненадежности «товарищей»-грузчиков, рейсы были тоже весьма редки и неправильны. По расписанию пароходы должны были отправляться и прибывать в определенные дни два раза в неделю. На самом деле никогда нельзя было предвидеть дня и часа, когда пароход тронется в путь. Помню, как в Новороссийске я три дня ждал парохода, а на четвертый отплыл и вернулся опять в порт. Сначала угля не было, потом грузчики отказались грузить уголь, потом «капитан куда-то ушел», потом пароход отправился, но вернулся для перегрузки, потому что погруженным оказался уголь такого качества, с которым мы делали два узла в час... При таких способах сношений задача управления Одессой из Екатеринодара становилась просто-напросто невозможной. Неотложные вопросы, с которыми обращались одесские власти в Екатеринодар, оставались неделями без разрешения, дела не двигались, назревали многочисленные опасности.

«Войдите в мое положение, — говорил командированным в Екатеринодар членам Совета Государственного Объединения генерал Гришин-Алмазов, — вдруг ко мне приходят грузчики из порта, которым мы должны большую сумму, и предъявляют ультиматум: или уплата в трехдневный срок, или забастовка, полная остановка всякого пароходного движения и, стало быть, голод в Одессе, куда множество продуктов подвозится морем. Или другой случай. По закону прежнего гетманского правительства все чиновники к празднику получают определенную сумму наградных. Разрешение выдать такой же процент наградных офицерам-добровольцам было безусловно необходимо; как не дать им того, что дается всякому чиновнику, но к празднику это разрешение еще не было получено в Одессе. Я решился выдать на свой риск и страх и получил за это строгий выговор из Екатеринодара. Хоть выходить в отставку. Скажите Деникину, если мне не доверяют, — пусть назначают другого, — если мне верят, пусть оставят меня. Но буду ли я, будет ли другой, все равно — это лицо должно обладать теми полномочиями, без коих управлять немислимо».

Легко себе представить, в какое положение были поставлены такими способами управления французы в Одессе. Отношения обострились тем, что и их требования тоже не были умеренны. Между тем как добровольческое командование не вступало на путь необходимой децентрализации, французы хотели быть полными хозяевами в Одессе. Депутаты нашего Совета, ездившие в Яссы к Бертело еще до приезда в Одессу генерала д'Ансельма, привезли нам французский проект будущего управле-

ния Одессой, совершенно не считавшийся с требованиями представителя Добровольческой армии. Французы предполагали просто-напросто поручить все управление Одессой и Одесским районом совету из русских общественных деятелей при французском командовании. Они даже спрашивали наших депутатов, кого им назначить в этот совет, совершенно не задаваясь вопросом, нужно ли им или не нужно входить об этом в переговоры с Добровольческой армией. Эти французские проекты встречали поддержку со стороны тех местных федералистических и автономических течений, о которых я уже говорил.

С приездом в Одессу д'Ансельма и его штаба течения эти чрезвычайно усилились. Положение французского командования и в самом деле было чрезвычайно трудным. Одесса оставалась без нефти и керосина. Французы пытались послать за этими продуктами пароход в Батум, но команда отвечала решительным отказом выйти из порта без разрешения из Екатеринодара, так как в противном случае — ей угрожал расстрел. Д'Ансельм жаловался нам, членам Совета Государственного Объединения, что из-за этих порядков Одессе угрожает серьезная опасность со стороны большевиков: он лишен возможности послать в Салоники за десантом, который там уже готов к отплытию, потому что Екатеринодар упорно отмахивается на предложение — отпустить пароходы. По словам Фреденберга, дело будто бы доходило до того, что добровольческое командование воспрещало в Николаеве продавать французам съестные припасы. Резкое столкновение произошло и из-за попытки французов сформировать новые части, так называемые смешанные

бригады из русских под начальством французских офицеров.

Мотивы к образованию этих бригад были двоякие. Во-первых, французы, не желавшие сами сражаться, хотели иметь в своем полном распоряжении русские части, которые можно было бы посылать в бой. Во-вторых, образования смешанных частей жаждали многие местные люди, особенно хлеборобы, которые не доверяли Добровольческой армии из-за производимых некоторыми ее частями грабежей, и поэтому мечталиверить охрану своей безопасности другим частям под контролем французов.

По весьма понятным причинам Добровольческая армия не могла дать своего согласия на образование таких частей. Если бы рядом с добровольческими частями возникли другие, не подчиненные добровольческому командованию, иначе поставленные в отношении вознаграждения и дисциплины, это не могло бы не отозваться на управлении самой Добровольческой армией: офицеры, недовольные добровольческими порядками, стремились бы переходить к французам; добровольческое командование было бы вынуждено делать в своих частях те же прибавки содержания и допускать те же послабления дисциплины, какие заблагорассудится допустить французскому командованию. Иначе говоря, при этих условиях генерал Деникин не был бы хозяином у себя дома. Речь шла о сохранении единства командования русской армии, что исключало возможность каких-либо уступок. Отказ был естественен, но безо всякой надобности он был сделан в необычайно резкой и оскорбительной

для французской армии форме. Генерал Деникин не считал даже нужным вступать по этому поводу в объяснения с французами: он просто-напросто прислал в Одессу генералу Санникову для опубликования приказ, коим объявлялось, что всякий русский офицер, который вступит в «смешанные бригады», будет за это предан военно-полевому суду.

Д'Ансельм, с которым мне приходилось объясняться по этому поводу, говорил о явном оскорблении французской армии. Оно и неудивительно: в дни мировой войны, еще при существовании Императорского правительства вступление русских во французскую армию не только разрешалось, но считалось за честь: а тут вдруг без всяких причин оно было признано за тяжкое преступление: «*Comment voulez-vous travailler avec ce Deniquine, qui ne fait que nous peter dans les Jambes*» (Как вы хотите работать с этим Деникиным, который только втыкает палки в колеса!), волновался д'Ансельм. «*Il nous reste a plier nos bagages et nous en aller*» (Остается уложить наши пожитки и уходить.).

Получилось положение необычайно острое: слушая французов, можно было подумать, что добровольческое командование делает ряд нелепых и возмутительных выходов по отношению к французской армии. Из слов представителей Добровольческой армии вытекало как раз обратное, — что нелепости и возмутительные поступки исходят от французов. Одни и те же факты получали при этом с двух сторон диаметрально-противоположные объяснения. Так, по поводу требования французов, чтобы пароходами в Одессе заведовали местные

власти, Деникин замечал, что пароходы — общее достояние всего государства, в котором заинтересована не одна Одесса, а все побережье Черного моря. Свое недоверие к местным людям он объяснял между прочим тем, что местные дельцы из одесситов уже успели зафрахтовать часть пароходов французам, которые угнали их в Средиземное море для своих собственных надобностей. По словам добровольческих властей, французы, вследствие острой нужды в тоннаже, вступили на путь мародерства: они присваивают себе и наши, и турецкие пароходы, вообще все, что плохо лежит, а местные дельцы им в этом потворствуют. Факт воспрещения продавать французам съестные припасы отрицался добровольцами; вместе с тем они указывали, что французы решительно воспретили добровольческим отрядам пребывание в Херсоне и Николаеве.

Во всех этих заявлениях с обеих сторон было великое множество недоразумений: чувствовалось, что непосредственное личное объяснение между Деникиным и Бертело могло бы устранить значительную их часть. Но свидание роковым образом не могло состояться: Бертело побуждал Деникина приехать в Констанцу для переговоров еще в декабре 1918 года, но на беду, вскоре после этого предложения началось опасное для Добровольческой армии время неудач на Дону, вследствие разложения и измены некоторых донских частей. Деникин не мог уехать в столь критическую для его армии минуту. Потом, когда Деникин предлагал выехать, свидание не могло состояться по причинам, зависящим от Бертело. А между тем не назначение свидания истолковывалось француза-

ми как доказательство упорного нежелания сделать какие-либо шаги навстречу французскому командованию. В особенности д'Ансельм не хотел слышать никаких резов, он доказывал мне и барону Меллер-Закомельскому, что генерал Деникин во всякое время мог выехать, поручив вместо себя командование одному из талантливых своих помощников.

Положение осложнялось личными особенностями характера Деникина; человек необычайно прямолинейный и честный, он не только был чужд какой бы то ни было дипломатии, он не чувствовал в ней надобности. «Я солдат, высказываю прямо то, что думаю, к чему эти дипломатические ухищрения», — говаривал он. От одного видного дипломата я слышал, что этой своей чертой верховный главнокомандующий причинял дипломатии немало затруднений. Французам и англичанам он высказывал, нисколько не стесняясь, «простым языком», все, что он думал... Англичанам он однажды в упор поставил вопрос, в каком качестве они пришли на Кавказ — в качестве ли друзей или врагов! Прибывши в январе 1919 года в Екатеринодар, я был поражен опубликованной в газетах телеграммой Деникина генералу Бертело, от которого он требовал, чтобы тот заступился за взятых в плен армией Петлюры добровольцев. Телеграмма заканчивалась словами: «напоминаю вам о вашем долге, генерал». Такой тон считается резким в обращении начальника к подчиненному, и надо удивляться, что Бертело им не был оскорблен. «Oh, Berthelot est bon enfant» (О, Бертело добродушен!), заметил мне по этому поводу Энно.

Все старания Совета Государственного Объединения были направлены к тому, чтобы так или иначе уладить эти невозможные отношения, но попытки наши в этом направлении были совершенно безуспешны. Помимо указанных причин, этому препятствовал ряд местных русских влияний в Одессе и в Екатеринодаре. В Одессе подливали масло в огонь русские федералисты, а в Екатеринодаре обостряла отношения местная бюрократия, которая под громким именем «верховных прав добровольческой армии» ревниво отстаивала собственные прерогативы и с этой точки зрения по поводу каждого проекта децентрализации управления кричала «о расчленении России» и чуть ли не об измене. Эти «ревнители прерогатив центральной власти», сплошным кольцом окружавшие генерала Деникина, составляли как бы маленький дворик, коего главная забота заключалась в том, чтобы не подпускать к главнокомандующему никаких посторонних влияний. Они систематически «начиняли» генерала против всех тех, кто казался им опасными соперниками. Все это были кадеты средней величины, люди с весьма ограниченным политическим кругозором, начиненные узкими и партийно-кадетскими формулами и не имевшие ни малейшего понятия об управлении. В качестве «кадетов» они стояли за формулы демократические, упорно проводя «четырёххвостку» для земских и городских выборов; а в качестве кадет «поправевших», они проводили в жизнь свою программу через диктатуру генерала Деникина. «Как ни странно это может показаться, — говорил мне и С.Н. Маслову генерал А.М. Драгомиров, — у нас собственно демократическая диктатура».

В политике эта «демократическая диктатура» оказалась созданием весьма неуклюжим и неповоротливым. По отношению к Одессе и французам, во всяком случае, она выказала только отрицательные стороны. Мне пришлось в этом убедиться с первого же знакомства с генералом Деникиным.

В январе 1919 года я был командирован вместе с С.Н. Масловым в Екатеринодар с весьма определенным поручением от Совета Государственного Объединения. Мы должны были выяснить генералу Деникину всю ненормальность отношений, сложившихся в Одессе между французами и добровольческими властями. Нам было вменено в обязанность предупредить его, что дальнейшее развитие таких отношений должно неминуемо привести к уходу французов из Одессы, либо к захвату ими полноты власти на правах оккупации. Доклад наш заканчивался практическим выводом. Если генерал Деникин хочет продолжать прежнюю линию политики, то он должен пойти и на оккупацию, как на неизбежное ее последствие. Наоборот, если он хочет сохранить власть в Одессе за собою, он должен вступить на путь децентрализации. Отвергая всякую мысль о каком-либо федеративном устройстве управления, Совет Государственного Объединения настаивал единственно на назначении в Одессу генерал-губернатора с широкими полномочиями, с правом решения на месте ряда важных денежных вопросов. Мы должны были при этом указать и указали на безусловную невозможность разрешать в Екатеринодаре все сколько-нибудь серьезные вопросы, касающиеся Одесского района.

Генерал Деникин, принявший нас в присутствии главных своих помощников, генералов — Драгомирова, Лукомского и Романовского, отнесся к нам чрезвычайно сурово. Его ответы нам производили впечатление форменного разноса. С первых же слов стало очевидно, что он нас не только не понимает, но даже и не слушает. Мы настаивали на усилении полномочий представителя Добровольческой армии в Одессе, а он обвинял нас чуть ли не в стремлении к расчленению России... Мы старательно отмежевывались от федералистов, а он приписывал нам определенно федералистические замыслы. Мы предостерегали его против возможности французской оккупации, а он сказал нам не то в полушуточной форме, не то всерьез, что, если мы будем содействовать французской оккупации, он признаст нас изменниками и поступит с нами соответственно.

Мы долго недоумевали, что, собственно, сей тон означает, но вдруг Деникин назвал нам имя, которое все нам разъяснило. «Я знал о ваших намерениях еще до вашего приезда из сообщения по прямому проводу инженера Демченко». Тут только мы поняли, что мы были жертвой двойной махинации. Нашему отъезду в Екатеринодар предшествовали долгие дебаты в Совете Государственного Объединения, во время которых между прочим обсуждался и был отвергнут всеми голосами против одного федералистический проект управления Одессой, составленный присяжным поверенным Маргулиссом. Не будучи никем уполномочен и не предупредивши нас, Маргулисес с его единомышленником Демченко соста-

вили депешу в Екатеринодар, в которой изложили весь свой федералистический проект, как требование Совета Государственного Объединения; «для подробного разъяснения этого постановления», значилось в депеше, «высзжают князь Е.Н. Трубецкой и С.Н. Маслов». Понятно, что эта депеша вызвала в Екатеринодаре целую бурю негодования, а «дворик» воспользовался случаем, чтобы подорвать к нам доверие и начинить генерала Деникина против Совета Государственного Объединения.

«Мы знали, что против вас готовится буря, и хотели вас предупредить; отчего же вы к нам не зашли раньше», — спрашивали меня потом члены «дворика». А для меня было ясно, что буря была для них приятным и занимательным зрелищем.

Во время первой аудиенции мы так и не были поняты; для этого потребовалась другая. В промежутке между обеими генерал А.М. Драгомиров, человек весьма неглупый, объяснил Деникину, что он понапрасну нас обидел, смешав нас с нашими противниками-федералистами. Деникин был очень сконфужен и при втором приеме, видимо, старался загладить впечатление первой встречи, но он не находил слов и старался выказать доброе к нам расположение улыбками и интонациями голоса: «да нет же, ну как же, неужели вы меня так поняли, да нет, это у меня манера такая солдатская!»

В общем для нас стало сразу очевидным, что как правитель — временный носитель верховной власти, Деникин — не на высоте положения. Перед нами был, несомненно, чудный человек и, по всей вероятности, прекрасный полководец, но с политическим кругозором

среднего дивизионного генерала. Так его расценивали и в Екатеринодаре.

Сложные политические задачи, а в частности одесский и французский гордиевы узлы, оказались Деникину не по плечу. В конце концов он обещал нам назначить в Одессу генерала с широкими полномочиями и назначил генерала А.С. Санникова, который и выехал из Екатеринодара вместе с нами. Но по приезде в Одессу оказалось, что вновь назначенный генерал располагает не большими полномочиями, чем его предшественник. Вместо того, чтобы решать самостоятельно дела на месте, он по каждому сколько-нибудь серьезному вопросу сносился с Екатеринодаром и ждал оттуда указаний. К тому же назначение Санникова без соглашения и сговора с Бертело было само по себе большой бестактностью. Оказалось, что как раз между Бертело и Санниковым были еще во время войны какие-то неприятные столкновения и нелады на румынском фронте. Неудивительно, что тотчас после назначения Санникова Бертело довел до сведения Деникина решительное требование, чтобы представитель Добровольческой армии в Одессе был назначен по соглашению между французским и русским командованием.

До исполнения этого требования не дошло; не дошло и до свидания двух генералов. В один прекрасный день Бертело был отстранен от заведования делами Одесского района, и вместо него приехал в Одессу командующий французскими войсками на Востоке генерал Франше д'Эспере — человек решительный и резкий. Он произвел в Одессе тот переворот, который мы предсказывали,

назначил без всяких предварительных сношений с Добровольческой армией особый совет при французском командовании из русских общественных деятелей для управления делами Одесского района. Добровольческие власти были им просто-напросто устранены, притом в самой бесцеремонной и вызывающей по отношению к Добровольческой армии форме. Он просто-напросто отослал генерала Санникова и Гришина-Алмазина в Екатеринодар при письме на имя верховного главнокомандующего. В письме было коротко и ясно сказано, что означенные генералы отсылаются в полное распоряжение генерала Деникина. Всего несколькими днями позже французы бросили Одессу, а затем и Крым.

Казалось, для Добровольческой армии настали катастрофические дни. «Тяжело на фронте, — говорил нам генерал Деникин, — прут со всех сторон несметные полчища большевиков, мои полки истекают кровью, а пополнять их нечем». Но на наш вопрос (я был у него в составе депутации от Совета Государственного Объединения с бароном Меллером-Закомельским), не повлияла ли на ухудшение положения измена французов, он, к удивлению нашему, отвечал: «ну, нет, нисколько; ведь они же все равно ничего не делали и даже не отвлекали на себя сколько-нибудь значительных сил большевиков, я полагаю, что их уход на нас совершенно не отзовется».

Слова эти блистательно оправдались. После трудных дней, которые закончились прорывом большевиков на Торговую и достигли апогея на Святой, наступил внезапный и крупный перелом военного счастья в нашу пользу. Удар по большевикам в Царицынском направлении,

уничтожение нескольких большевистских армий, взятие Изюма, Харькова, Белгорода, наконец — полное разложение большевистских войск и всеобщее пламя восстания у них в тылу — все это доказывает, что теперь конец уже близко.

Гибель большевиков и полное крушение большевизма — вопрос немногих месяцев, а может быть, и недель.

Как это ни странно, мы впервые ясно увидели берег почти непосредственно вслед за изменою французов, — тотчас по окончательном крушении союзнической ориентации. Уже в самые дни одесской катастрофы получались известия об ошеломляющих успехах Колчака; потом начались еще более ошеломляющие успехи Добровольческой армии.

Разумеется, между уходом французов и этими успехами нет причинной связи. Есть, однако, знаменательное совпадение. Почти в тот день, когда мы окончательно утратили надежду на иноземную помощь, события ясно доказали, что собственных наших сил совершенно достаточно для низвержения большевиков. Случилось это настолько неожиданно для всех, что русские люди не сразу поверили своему счастью. Беженцы, хлынувшие на юго-восток России из покинутых французами областей, первоначально принесли с собою оттуда атмосферу деморализации и паники.

Они не верили в прочность нового убежища и готовились к новому бегству в Сибирь к Колчаку. «Типическая Вандея», говорили некоторые из них о Добровольческой армии, и многие заранее мирились с участью Вандеи. Иные, впрочем, еще ждали спасения от Колча-

ка; но поразительно, что почти никто не надеялся на Добровольческую армию; даже оптимисты говорили, что ей «в лучшем случае удастся только дотянуть до прихода Колчака». И это неудивительно: видимость была настолько обманчива, что в среде самих добровольцев находилось немало стойких, мужественных и доблестных офицеров, которые также не верили. «Она не способна победить», — говорили они о Добровольческой армии и в доказательство указывали на ее малочисленность, на плохое управление, на полную административную неумелость и организаторскую неспособность ее вождей. И точно, организаторских способностей Добровольческие вожди не выказали, в политике они не поднимались выше уровня посредственности, а их гражданская администрация оказалась из рук вон плохой.

Была в них иная сила, которая побеждала: в те дни, когда мудрые политики малодушествовали, приходили в отчаяние и возлагали все свои надежды на постороннюю помощь, эти «неумные» наперекор рассудку верили в Россию, вопреки здравому смыслу формировали они добровольческие полки из десятков храбрых офицеров, в то время, когда большевистские полчища насчитывали десятки и сотни тысяч. Их высший подвиг — ледяной поход — мог казаться и казался актом крайнего безумия. Но именно это священное безумие и было нужно для того, чтобы спасти Россию. Понятно, почему именно этим и только этим можно было сломить силу большевиков: чтобы победить большевистский интернационализм, нужно было противопоставить ему пламенное, мощное и настойчивое утверждение России. Для этого требова-

лась не столько сила ума, сколько сила веры, цельность характера и крепость нравственного закала.

Беседуя с Деникиным, я всякий раз поражался неясностью его мыслей и недальновидностью его планов. Помню, как он смутил меня и С.Н. Маслова еще в январе 1919 года. Мы доказывали ему, насколько опасен для Добровольческой армии путь на север через Украину, еще не изжившую большевистских настроений, и советовали идти через Царицын — в те великорусские губернии, где большевики стали ненавистны населению. А он развивал свой план идти широким фронтом с юга на север «от Волги до германской границы». Я был прямо опешмлен этим проектом, который казался мне явно наивным. Но рядом с этим в главнокомандующем чувствовалась иная не умственная сила — кристальная чистота и ясность нравственного облика. Вспоминалось изречение С.М. Лукомской: «по общему отзыву его товарищей, Деникин — это краса рода человеческого». Помню впечатление одного из членов Совета Государственного Объединения А.М. Масленникова, который ездил в Екатеринодар со мною и бароном Меллером-Закомельским в марте. На этот раз нам опять не повезло: нашему появлению у Деникина снова предшествовал целый короб лживых о нас сообщений, и Деникин высказывал свое полное недовольство нашей деятельностью. Тем не менее один из моих сотоварищей по окончании разговора сказал, что Деникин произвел на него обаятельное впечатление: «и странное дело, чем больше он нас ругал, тем больше он мне нравился, — чудный должен быть человек. Вот такому бы быть главою государства; ну, ко-

нечно, с тем, чтобы при нем состоял премьер-министр, хоть сукин сын, да умный».

Размышляя о событиях, которые развернулись на наших глазах, легко понять огромное значение этих выдающихся нравственных качеств главнокомандующего. Чтобы победить большевизм, нужно было, главным образом, его изжить. Это одна из тех массовых болезней, которые преодолеваются временем и непоколебимым упорством. Большевизм с самого начала таил в себе зародыши смертоносной болезни, но надо было дать этой болезни развиваться: необходимо было впредь до окончательного его развития сохранить всю силу сопротивления Добровольческой армии. В этом и заключается бессмертная заслуга Деникина и его сподвижников. Они истекали кровью, но не колебались и дотянули до конца. Не мудрость политиков решила судьбу России, а подвиг веры и бесстрашия. Деникин явил при этом высший подвиг бескорыстия. Он принес в жертву родине свое личное честолюбие и заявил о своем подчинении верховному правителю Колчаку как раз в тот момент, когда Колчака постигли временные неудачи, а в то же время Добровольческая армия находилась на высоте военного счастья. Самоотвержением великого гражданина достигнуто было единство как раз в тот момент, когда Россия всего больше в нем нуждалась. Легко себе представить, каким тормозом в деле объединения России могло бы оказаться соперничество двух главнокомандующих и двух верховных правителей! Честь и слава Деникину за то, что этого не случилось!

Благодаря беспримерному подвигу горсти героических личностей, стало возможным то чудо, которое со-

вершается на наших глазах. Спасение России собственными силами! Чувствую, что здесь я встречу возражение: ведь Россия пользуется широкою помощью Англии, которая снабжает Добровольческую армию всем необходимым — артиллерией, танками, снарядами, одеждой, вообще боевыми припасами всякого рода. Что могла бы сделать Добровольческая армия одна без этого содействия?

Я не стану отрицать, что материальная помощь Англии имеет весьма существенное значение, но эта помощь имеет свою поучительную историю, о которой я могу рассказать кое-что, как свидетель-очевидец. Могу удостоверить, что содействие Англии досталось России не даром: как и многое другое, она завоевана подвигами ее сынов. В январе, когда я впервые приехал в Екатеринодар, помощь Англии была меньше нуля: она представляла собою отрицательную величину — до того времени прибыл из Англии в Новороссийск всего только один транспорт с бракованными вещами, с гнилыми сапогами и совершенно негодным к употреблению платьем. Добровольческая армия категорически отказалась принять эти гнилушки.

Когда я приехал в Новороссийск во второй раз — я застал там первые английские транспорты с танками и артиллерией. Потом боевой материал стал прибывать из Англии в таком изобилии, что Добровольческая армия не поспевала его разгружать. Англичане жаловались на медленность разгрузки и спрашивали, не приостановить ли им доставку снаряжения, ввиду неспособности Добровольческой армии принимать его в таком количестве!

Очевидно, что весной 1919 года произошел какой-то перелом в отношении Англии к нам; он отразился не в одной доставке грузов. По свидетельству генерала Эрдели, который в апреле 1919 года вернулся в Екатеринодар из оккупированного англичанами Закавказья и делал доклад о своем пребывании там, в отношении англичан к русским как раз весной 1919 года произошел полный перелом. До того оно было в высшей степени холодным, высокомерным и презрительным. Но вдруг оно сделалось в высшей степени предупредительным, внимательным и любезным. Та же резкая перемена тона наблюдалась и в Екатеринодаре. Говоря об уходе французов из Одессы, англичане с удивлением пожимали плечами и всячески старались подчеркнуть, что они считают поведение Франции прискорбной и непонятной ошибкой. Нам это казалось тем более удивительным, что все информации, какие получались из Лондона и Парижа, свидетельствовали о наилучшем расположении к России французов и о холодности к нам англичан.

Вскоре, однако, мы поняли, в чем дело. От русских, служивших в английской миссии, мы узнали, что англичане смущены успехами Колчака и не на шутку встревожены тем, что Колчак ничем им не обязан. Они опасаются, как бы адмирал Колчак, по достижении им полной победы над большевиками, не вступил в дружеские отношения с немцами.

Очевидно, что теперь, как и прежде, англичане руководствуются в своих отношениях к России не сентиментальными соображениями и не симпатиями, а холодным прозаическим расчетом. Как солидная торговая фирма,

Англия с самого начала прикидывала и соображала, стоит или не стоит ей ставить ставку на Россию. Пока Россия казалась англичанам мертвым телом, они относились к нам холодно и презрительно, как тот начальник штаба английского адмирала, с которым я в декабре 1918 года беседовал в Севастополе. Наоборот, когда начались успехи Колчака, англичане, раньше французов сообразившие, что Россия — живая сила, расценили Добровольческую армию как выгодное предприятие и стали затрачивать на нее капиталы.

Таким образом, самая помощь Англии представляет собою яркое свидетельство в пользу русской ориентации. Англичане бездействовали, покуда мы искали спасения в союзнической ориентации, и стали нам помогать, когда события доказали, что они сами могут ориентироваться на Россию.

Таков вообще принцип существующих международных отношений; всякий ориентируется на сильного, слабый окружен всеобщим равнодушием и презрением.

Помощь Англии досталась нам, когда мы уже стали сильны: ей предшествовал долгий период, когда в роли «интендантства» при Добровольческой армии являлись большевики. Из чего же создалась та русская сила, которая сначала превратила Красную армию в «интендантство», а потом завоевала России помощь англичан? Ее происхождение — одно из самых изумительных чудес, какие совершались в истории.

Перед нами несомненный случай творения из ничего. И в этом чуде выразилась великая победа духа. Судьба русской армии — ряд ярких свидетельств об этой по-

беде. Когда в 1917 году она стала тылом без духа, распалась связь ее частей, она превратилась в ничто в несколько месяцев. Когда несколькими месяцами позже в горсти русских воинов возгорелся дух жизни, мертвое тело воскресло, русская военная мощь возродилась из ничтожества. Нужны ли другие доказательства того, что вера и горы передвигает!

Печатается по изданию: *Трубецкой Е. Н.* Из путевых заметок беженца // Архив русской революции. Том XVIII, издание И. В. Гессена. Берлин, 1926.

Использованные источники и литература

Документы:

Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409, оп. 2, д. 43296. Послужной список капитана 35-го мортирного артиллерийского дивизиона Гришина Алексея Николаевича.

РГВИА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1. Штаб войск Западно-Сибирского военного округа. 12.VI — 3.XI.1918. Л. 12, 13.

РГВИА. Ф. 39617, оп. 1, д. 31. Доклады, рапорты, письма, телеграммы и др., переписка с командным Штабом Степного Корпуса. Л. 62.

Газеты:

1. Одесский Листок. № 279, 9 (22) декабря 1918.

2. Омский Вестник. Вечерний выпуск. № 50, 4 сентября 1918.

3. Омский Вестник. Утренний выпуск. № 184, 5 сентября/23 августа 1918.

4. Омский Вестник. Вечерний выпуск. № 52, 6 сентября 1918.

Литература:

Алиши К. Чска. Личные воспоминания об Одесской чрезвычайке. // Красный террор глазами очевидцев. Составление, предисловие и комментарии С.В. Волкова. М.: Айрис-пресс, 2009.

Беленкин Б.И. Авантюристы великой Смуты. Россия, XX век: Революция. Гражданская война, 20-е годы. М.: Олма-Пресс, 2001.

Богданов К.А. Адмирал Колчак. СПб.: Судостроение, 1993.

Буши И.А. Окаянные дни. Тула: Приокское книжное издательство, 1992.

Варламова Л.Н. Первые попытки централизованного руководства белыми формированиями на территории Урала и Сибири в 1918 г. // Белая Гвардия. М.: Посев, 2001, № 5.

Веселов П. Подвиг эсминца // Молодая гвардия. № 2, 1989.

Власов Ю.П. Огненный крест. Гибель адмирала. М.: Прогресс, 1993.

Волков Е.В., Егоров Н.Д., Куцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. Биографический справочник. М.: Русский путь, 2003.

Волков Е.В. Судьба колчаковского генерала. Екатеринбург: Уральский рабочий, 1999.

Волков С.В. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. СПб.: Нева, 2002.

«В настоящий момент является крайняя необходимость в издании закона о военной цензуре печати и о военном почтово-телеграфном контроле». Публикация Л.А.Молчанова // Белая Гвардия. М.: Посев, 2001, № 5.

Ганин А.В. Агаман А.И. Дутов. М.: Центрполиграф, 2006.

Герасимов М. О наградах Императорской армии в белой Сибири // Белая Гвардия. М.: Посев, 1999/2000, № 3.

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918—1920: впечатления и мысли члена Омского Правительства. М.: Крафт+, 2007.

Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М.: РОССПЭН, 2009.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1987.

Гуковский А. К истории Ясского совещания // Красный архив. Т. 5(18), 1926, М.—Л.

Гурко В. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу // 1918 год на Украине. Составление и научная редакция С.В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2001.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Том III. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Минск: Харвест, 2004.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Том IV, V. Вооруженные силы Юга России. М.: Айрис-пресс, 2006.

Дерябин А.И. Гражданская война в России. Сибирская армия // Цейхгауз. № 1(2), 1993.

Дерябин А.И. Гражданская война в России. 1917—1922. Войска интервентов. М.: «АСТ-Астрель», 2003.

Егоров Г.В. Колчак Александр Васильевич — последние дни жизни. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1991.

Езеев А.Б. Добровольческая армия и Сибирь // Белое движение на Юге России (1917—1920): неизвестные страницы и новые оценки. М., 1995.

Есаулов Г.Н. История конца Одесского кадетского корпуса // Кадеты и юнкера в Белой борьбе и на чужбине. Составлен и научная редакция С.В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2003.

Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. М.: Астрель, 2003.

Звегинцов В.В. Русская армия 1914 г.: подробная дислокация, формирования 1914—1917 гг., регалии и отличия. Париж, 1959.

Ивлев М.Н. Антибольшевицкое движение в Семиреченском казачьем войске. Краткий исторический очерк // Белая Гвардия. М.: Посев, № 8, 2005.

Ивлев М. Зигзаги генеральской судьбы. Документальная повесть // Простор. № 5, 2003, Алматы.

Кадесников Н.З. Краткий очерк Белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917—1922 гг. Нью-Йорк, 1965.

Капчинский О.И., Кравец А.С. Мишка Япончик — король Молдаванки. М.: Детектив-пресс, 2007.

Каревский А.А. Георгиевские награды антибольшевистского движения на востоке России в период лета—осени 1918г. // *Белая Гвардия*. М.: Посев, 2001, № 5.

Каревский А.А. Из истории вооруженных сил Временного Сибирского правительства: 4-й Восточно-Сибирский армейский корпус летом-осенью 1918 года. Там же.

Кефели Я. С генералом А.В. Шварцем в Одессе (осень 1918-го — весна 1919 года) // 1918 год на Украине. Составление и научная редакция С.В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2001.

Клавинг В.В. Высшие офицеры Белых армий. СПб., 2005.

Кручинин А.С. Генерал-майор А.Н. Гришин-Алмазов // Белое движение: исторические портреты. Составитель А.С. Кручинин. М.: Астрель, АСТ, 2011.

Кручинин А.С. Крымско-татарские формирования в Добровольческой армии. М., 1999.

Кручинин А.С. Политические взгляды генерала А.Н. Гришина-Алмазова: лицо или маска? // История белой Сибири. Материалы 6-й международной научной конференции 7—8 января 2005 г. Кемерово: Кузбасвузиздат, 2005.

Ларьков Н.С. Гришин-Алмазов Алексей Николаевич // История «Белой» Сибири в лицах. СПб., 1996.

Лехович Д.В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М.: Воскресенье, 1992.

Лишин Н.Н. На Каспийском море. Год белой борьбы. Прага: Издание «Морского журнала», 1938.

Локкарт Р.Б. Сидней Рейли: шпион-легенда XX века. М.: Центрполиграф, 2001.

Лукомский А.С. Деникин и Антанта // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М.: Отечество, 1991.

Маевский В. Осень 1918 года на Украине // 1918 год на Украине. Составление и научная редакция С.В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2001.

Максимов В.Е. Звезда адмирала Колчака. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1993.

Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 1, 2. М.: «Айрис-пресс», 2005.

Насыров Р. Срочно! Вне всякой очереди! // Простор. № 11, 1976, Алма-Ата.

Нестерович-Берг М.А. В Киеве в конце 1918 года // 1918 год на Украине. Составление и научная редакция С.В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2001.

Островский Г.Л. Легенда о Звезде. Жизнь и смерть Всыры Холодной. Одесса: Optimum, 2005.

Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.

Рогачевский А. Пинхас Рутенберг в Одессе (по британским архивным материалам) // Дерибасовская — Ришельевская. № 28, 2007, Одесса.

Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. М.: Regnum — Российский архив, 1997.

Савченко В.А. Авантюристы Гражданской войны. М.: АСТ, 2000.

Савченко В.А. Двенадцать войн за Украину. Харьков: Фолио, 2006.

Савченко В.А. Симон Петлюра. Харьков: Фолио, 2004.

Серебрянников И.И. Мои воспоминания // И.И. Серебрянников. Гражданская война в России: Великий отход. М.: «Издательство АСТ», 2003.

Соколов К.Н. Правление генерала Деникина // Белое Дело. Кубань и Добровольческая армия. М.: Голос, 1992.

С Колчаком — против Колчака. Составитель и научный редактор А.В. Квакин. М.: Аграф, 2007.

Толстой А.Н. Похождения Невзорова, или Ибикус // Толстой А.Н. Гиперболоид инженера Гарина. М.: Эксмо, 2006.

Трубецкой Е.Н. Из путевых заметок беженца // Архив русской революции. Том XVIII, Берлин: издание И.В. Гессена, 1926.

Тэффи. Моя летопись. М.: Вагриус, 2005.

Файтельберг-Бланк В.Р., Савченко В.А. Одесса в эпоху войн и революций. 1914—1920. Одесса: Optimum, 2008.

Филимонов Б. Поход степных волков летом 1918 года // 1918 год на Востоке России. Составление и научная редакция С.В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2003.

Цветков В.Ж. Белые армии Юга России. 1917—1920 гг. М.: Посев, 2000.

Шамаро А. «Лейла» идет в Гурьев // Вокруг света. № 11, 1969.

Широкоград А.Б. Великая речная война. 1918—1920-е годы. М.: Вече, 2006.

Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. Книга I. 1917—1920. Книга II. 1920—1922. М.: Центрполиграф, 2004.

Шульгин В.В. Открытое письмо г. Петлюре // Кубань. № 9, сентябрь 1991, Краснодар.

Шульгин В.В. Французская интервенция на Юге России в 1918—1919 годах // Воспная Быль. № 3(132), 1993, № 4(133), 1993.

Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится...» СПб.: Хорс, 1992.

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	3
ГЛАВА I. ОТ КАДЕТСКОГО ДЕТСТВА ЧЕРЕЗ ДВЕ ВОЙНЫ К ФЕВРАЛЮ.....	6
ГЛАВА II. СИБИРСКОЕ ПОДПОЛЬЕ.....	15
ГЛАВА III. НА ПОСТУ ВОЕННОГО МИНИСТРА.....	27
ГЛАВА IV. ВНЕЗАПНАЯ ОТСТАВКА.....	51
ГЛАВА V. ПОЕЗДКА НА ЮГ РОССИИ И ЯССКОЕ СОВЕЩАНИЕ	61
ГЛАВА VI. ОДЕССКАЯ ЧЕХАРДА.....	70
ГЛАВА VII. «ДИКТАТОР» ЗА РАБОТОЙ	91
ГЛАВА VIII. АГОНИЯ «БЕЛОЙ» ОДЕССЫ И КОНЕЦ ФРАНЦУЗСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ	126
ГЛАВА IX. ЛЕГЕНДЫ И НЕКОТОРЫЕ ЗАГАДКИ ЖИЗНИ В ОДЕССЕ.....	141
ГЛАВА X. ПОСЛЕДНЕЕ ПЛАВАНИЕ	160
ПОСЛЕСЛОВИЕ	179
ПРИЛОЖЕНИЯ	185
ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	308

Научно-популярное издание
Военный архив

Ивлев Максим Николаевич

**ДИКТАТОР ОДЕССЫ
ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ БЕЛОГО ГЕНЕРАЛА**

Выпускающий редактор *К.К. Семенов*
Корректор *Р.Ф. Зайнулина*
Верстка *А.Ю. Киселев*
Подготовка к печати
художественного оформления *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 26.10.2012. Формат 84×108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 10. Тираж 2000 экз. Заказ № 1512.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.
e-mail: printing@yaroslavl.ru www.printing.yaroslavl.ru

СДЕЛАНО В СССР

Яркие книги времен СССР

Популярные советские писатели

Разные периоды жизни страны

Большинство книг экранизировано

www.veche.ru

СИБИРИАДА

- Вся история освоения Сибирского края в произведениях отечественных писателей
- Лучшие произведения известных писателей-сибиряков: В. Шишкова, Г. Маркова, С. Сартакова, Г. Федосеева, Н. Задорнова, И. Басаргина, С. Федотова и других талантливых авторов
- Романы о Сибири — это увлекательное чтение для каждого, кто интересуется историей Отечества

www.veche.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»

Юридический адрес:
129110, Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:
129337, Москва, а/я 63.

Фактический адрес:
127566, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

**По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».**
Тел.: (499) 940-48-70
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!
**Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:**

В Москве:

Компания «Лабиринт»
115419, г. Москва, 2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.
Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79
www.labyrinth-shop.ru

В Киеве:

ООО «Издательство «Арий»
г. Киев, ул. Лёся Курбаса, д. 26
Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75.
E-mail: info@ariy.com.ua

**Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:**
**ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Новый книжный».**

ВОЕННЫЙ АРХИВ

О жизни генерала А.Н. Гришина-Алмазова известно не так уж и много, хотя о нем писали многие видные фигуры той эпохи — командующий Вооруженными силами Юга России генерал А.И. Деникин и председатель Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкий, писатель И.А. Бунин и виртуозная юмористка Тэффи, журналист В.В. Шульгин и премьер Сибирского правительства П.В. Вологодский.

Мелькнув метеором на разных фронтах войны, сам генерал не успел оставить после себя никаких дневников и воспоминаний, а только туманный клубок слухов, сплетен, легенд и вымыслов, частично созданных его же недоброжелателями, завистниками и соперниками. Стремительная карьера его и стремительная жизнь в эти роковые годы так же стремительно и резко оборвалась. От него не осталось даже скромного могильного холмика где-нибудь в уединенном уголке старого кладбища.

Так кем же был на самом деле военный губернатор Одессы генерал Алексей Николаевич Гришин-Алмазов? Авантюристом или героем? Ответ на этот вопрос вы найдете в книге историка М.Н. Ивлева.

ISBN 978-5-4444-0396-9

9 785444 403969

